

Е.А. Крестьянников

*Судебная реформа 1864 г.
в Западной Сибири*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВ

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Издательско-полиграфический центр «Экспресс»
Тюмень
2009

ББК 63.3(253.3)

К 79

КРЕСТЬЯННИКОВ Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири – Тюмень: Издательско-полиграфический Центр «Экспресс», 2009. - 270 с.

В монографии исследуется процесс судебного преобразования на основе Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в западносибирском регионе. Выявляются основные этапы реорганизации юстиции края, изучаются положения законов о судопроизводстве и особенности сибирского судоустройства, определяется отношение местной общественности, администрации, судебных деятелей к судебным реформам, рассматриваются вопросы об их значении и эффективности.

Книга адресована историкам и юристам, всем, кто интересуется историей отечественного государства и права, а также прошлым Сибири.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор А.В. Ремнев,
доктор исторических наук, профессор С.С. Пашин

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, контракт № П 661 от 10.08.2009

ISBN 978-5-903725-18-2

© Тюменский государственный университет, 2009

© Крестьянников Е.А., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Вопрос о преобразовании сибирского суда в 60-х – начале 80-х гг. XIX в.....	26
Глава II. Юстиция «переходного режима» (середина 80-х – середина 90-х гг. XIX в.)	51
1. Судебная реформа 1885 г.....	51
2. Состояние судебной системы и ее трансформация накануне распространения на Западную Сибирь уставов 1864 г.	61
Глава III. Введение Судебных уставов Александра II	92
1. Временные правила от 13 мая 1896 г.: особенности сибирской юстиции	92
2. Осуществление судебной реформы 1897 г.	117
Глава IV. Итоги реформы 1897 г.: деятельность юстиции	128
1. Мировой суд	128
2. Общие судебные места	150
3. Институты прокуратуры и судебных следователей	159
4. Адвокатура.....	164
Глава V. Преобразования судебной системы в конце первого – начале второго десятилетия XX в.....	186
1. Изменения в составе и функциях мировой юстиции	186
2. Преобразование окружных судов	194
3. Учреждение института присяжных заседателей.....	198
4. Оформление корпоративной организации адвокатуры	210
Заключение.....	228
Приложения	233

ВВЕДЕНИЕ

Современная судебно-правовая реформа в России требует внимательного изучения исторического опыта преобразований отечественного судоустройства и судопроизводства. Наиболее последовательной из реорганизаций системы правосудия в российской истории является судебная реформа 1864 г. Независимость судебной власти, равенство всех перед законом, несменяемость судей, гласность и состязательность процесса, право подсудимого на защиту, презумпция невиновности, оценка доказательств в соответствии с внутренним убеждением судей, участие в окончательном следствии представителей общественности – вот лишь часть воплотившихся в Судебных уставах Александра II принципов, к которым возвращается Россия, и от их правильного применения зависит успех реализуемой сейчас перестройки юстиции.

Злободневным представляется изучение реформ правосудия на основе уставов в разных районах Российской империи, где преобразования суда проводились на неодинаковых началах. Различные факторы обусловили появление сочетаний разнообразных процессуальных обрядов и всевозможных форм судоустройства. Исследование их вариантов существенно расширяет знания о функционировании судебных учреждений. Полувековой опыт экспериментов в процессе реформирования суда на основе Судебных уставов является бесценным, и его нельзя игнорировать при осуществлении судебной реформы в современных условиях. Уникальной организацией юстиции в Российской империи отличалась Западная Сибирь, изучению судебных преобразований в которой посвящена настоящая работа.

Судебная реформа 1864 г. в регионе включала в себя несколько этапов. Это преобразования 1885 и 1897 гг. и важные мероприятия рубежа первого – второго десятилетий XX в. Они в разной степени интересовали юристов и историков различных эпох. Начало изучению судебных реорганизаций в крае было положе-

но современниками их проведения. Состоянию сибирской дореформенной системы правосудия, содержанию и значению изменений в сфере юстиции 1885 г. посвящены труды Н.Ф. Анненского, Н. Арефьева, П.В. Вологодского¹. Не видя причин откладывания судебного преобразования, они со ссылкой на представителей сибирской общественности и администрации указывали на недостатки устройства существовавшего суда, доказывали необходимость его реформирования. Исследователи считали реформу 1885 г. малозначимой, не давшей положительных результатов.

Об отдельных аспектах судебного преобразования 1897 г. и деятельности суда, установленного на основе Судебных уставов, писали Н.Ф. Анненский, В.Н. Анучин, Р.Л. Вейсман, А. Ветров, М. Войтенков, Г.Н. Потанин, Н.Н. Розин, В. Севостьянов, В. Сибирский². Дореволюционные авторы, отдавая должное значению осуществленной реформы, наибольшее внимание уделяли рассмотрению особенностей устройства сибирского суда, которые оценивали в основном отрицательно. То обстоятельство, что некоторые исследователи проблем юстиции являлись не только современниками ее деятельности, но и непосредственно в ней участвовали, придает их работам налет субъективизма. Наиболее негативные и эмоциональные оценки функционирования системы правосудия содержатся в трудах адвокатов В.Н. Анучина и Р.Л. Вейсмана. По мнению последнего, правительство не желало нести расходы на благоустройство Сибири, а проведение судебной реформы в крае совпало со временем господства представлений о роли и возможностях суда, характерных для эпохи «муравьевской юстиции». Потому Судебные уставы были введены в «изуродованном виде». В.Н. Анучину министр юстиции Н.В. Муравьев представлялся главным виновником ограниченности судебного преобразования 1897 г. В ключе областнической традиции рассматривалась проблема реформирования сибирского суда Г.Н. Потаниным и Р.Л. Вейсманом. Особое устройство юстиции края, считали они, стало последствием искусственного подавле-

ния интересов «колонии» «метрополий». Иное мнение высказывал профессор Томского университета Н.Н. Розин, связывавший отступления от положений Судебных уставов при осуществлении реформы 1897 г. лишь с «малым знакомством» правительственных чиновников с «бытом» края.

В ряде дореволюционных работ, посвященных проблемам суда в России, давались оценки судебного преобразования в Сибири. Его ограниченность И.В. Гессен связывал с особой «окраинной» политикой царизма, проявившейся при проведении судебных реформ в «малонаселенных, некультурных окраинах империи»³. Б.Л. Бразоль считал закон от 13 мая 1896 г., в соответствии с которым в Сибири вводились Судебные уставы, одной из «законодательных новелл», испытавших на себе непосредственное влияние предположений комиссии по пересмотру судебного законодательства, работавшей в 1894 – 1899 гг. под председательством Н.В. Муравьева⁴. По мнению М.П. Чубинского, проведение реформ суда на «окраинах» империи в ограниченном виде являлось одним из направлений политики судебных контрреформ⁵.

Усовершенствования судебной системы Западной Сибири на рубеже первого – второго десятилетия XX столетия в дореволюционной историографии лишь обозначены отдельными оценочными суждениями. Введение института присяжных заседателей, открытие нового окружного суда в Барнауле, по мнению Р.Л. Вейсмана, стали преобразованиями, учитывавшими потребности края, «осуществлением пожеланий колонии». Первые итоги деятельности суда присяжных подвел В. Севостьянов. Он, указывая на неблагоприятные условия, в которых работало это учреждение, вместе с тем пришел к заключению, что суд общественной совести зарекомендовал себя «блестяще». С.П. Мокринский и Е.В. Васьковский отмечали особенности функционирования в годы перед мировой войной новых для края либеральных судебных институтов. Суд присяжных и совет присяжных поверенных округа Омской судебной палаты,

по их сведениям, отличались от подобных органов России повышенным карательным потенциалом⁶.

Проблема сибирских судебных преобразований второй половины XIX – начала XX в. в советской исторической литературе не нашла достойного освещения. В ряде известных работ, учебных пособий приводятся самые общие сведения о реорганизации юстиции в Сибири⁷. Но даже в небольших сюжетах, посвященных советскими авторами проблеме, содержатся фактические ошибки, обусловленные недостаточным знанием процесса переустройства сибирского суда. Например, Б.В. Виленский и Н.Н. Ефремова, вопреки фактам, указывали, что судебная реформа 1897 г. не устанавливала в Сибири институт судебных следователей.

До середины 1980-х гг. единственным историком, специально изучавшим процесс преобразований сибирской юстиции, являлся томский ученый Б.Г. Корягин⁸. По его мнению, царское правительство, ввиду экономической и политической отсталости края, слабости буржуазии и классовой борьбы имело возможность оттянуть проведение судебной реформы в Сибири, чего нельзя было сделать в Европейской России. Наряду с этим, исследователь связывал откладывание судебных переустройств с нападениями на новую судебную организацию, ставшими препятствием распространению на регион Судебных уставов. В своих работах он уделил наибольшее внимание изучению реформы 1885 г., проигнорировав несомненно более важное преобразование 1897 г. Его характеристика последнего как «куцега и мизерного» определялась недооценкой значимости уставов Александра II.

Вместе с тем в советское время появились газетные публикации, носившие характер исторических исследований, в которых рассматривались определенные аспекты функционирования некоторых сибирских судебных учреждений, оценивалась деятельность дореволюционной судебной организации и России, и Сибири. В тенденциозных статьях С. Мордвинова и С. Веремея суд Российской империи определялся как клас-

совый, орган защиты частнособственнических интересов помещиков и буржуа, орудие подавления и угнетения трудящихся. Исследователи на примерах конкретных судебных дел периода первой русской революции пытались показать антинародный, процарский характер деятельности судебной палаты Омска, которая, по их мнению, выступала в качестве «цепного пса» самодержавия и «не задумываясь посылала на виселицу посягающих на священную частную собственность»⁹.

В годы перестройки попытку выяснить отношение сибирской общественности к политике царизма относительно осуществления буржуазных реформ Александра II в Сибири предпринял историк А.В. Даниленко. Изучив публикации представителей сибирского общества в центральной и местной периодической печати, исследователь пришел к выводу, что проблема преобразования сибирского суда в 1860 – 1870-х гг. стояла остро, а правительство медлило с ее разрешением¹⁰. Указание на безотрадное состояние сибирской юстиции накануне введения в крае Судебных уставов и ограниченность проведенной в 1897 г. судебной реформы содержится в работе Л.М. Дамешека¹¹.

С середины 1990-х гг. работа по исследованию истории сибирского суда второй половины XIX – начала XX в. активизировалась. М.Н. Игнатьева и А.В. Ремнев¹², указывая на малоизученность темы, рассмотрели ее в контексте общей политики самодержавия по управлению Сибирью. В работе М.Н. Игнатьевой изучались, прежде всего, вопросы о состоянии сибирского дореформенного суда и разработке судебных преобразований, об отношении сибирских чиновников и представителей общественности к попыткам решить задачу судебного реформирования в крае в 1860 – 1880-е гг. М.Н. Игнатьева наиболее полно осветила подготовку и содержание реформы 1885 г. Между тем, ее работа содержит спорные и противоречивые положения. Хотя в названии темы указывается на хронологические рамки исследования – вторая половина XIX в.,

судебная реформа 1897 г. не изучается. Однако закон от 13 мая 1896 г., на основании которого осуществлялось преобразование, М.Н. Игнатьева, не вдаваясь в объяснения, оценивает как исключительно важный и положительный. Эта оценка не согласуется с заключением историка о том, что преобразования 1880 – 1890-х гг. лишь «несколько улучшили состояние юстиции в Сибири». А.В. Ремнев лаконично, но весьма содержательно, осветил основные этапы разработки и проведения реформ суда, указал на их особенности, определил значение. Им изучаются некоторые частные проблемы сибирской юстиции, которые на тот момент не затрагивались исследователями: сущность мероприятий по улучшению деятельности суда 1888 – 1894 гг., влияние на дальнейшую судьбу преобразований ревизии судебных учреждений Западной Сибири, проведенной под руководством П.М. Бутовского в 1892 г. Оба историка указали на связь преобразований сибирского суда с процессом судебных контрреформ в России.

Некоторые аспекты темы освещены в кандидатской диссертации В.Г. Савельева¹³. Исследователь попытался определить значение судебной реформы 1897 г., выявить особенности устройства мирового суда в Курганском уезде Тобольской губернии. По мнению В.Г. Савельева, применение в Сибири Судебных уставов «улучшило правовое обслуживание населения, ускорило процесс дознания и вынесения приговоров». Но историк, видимо, не имеет ясного представления о проблематике развития судебных институтов в дореволюционной России. Он неоднократно указывает, как на главную особенность мирового суда, на то, что там дела решались судьей единолично, т.е. растолковывает вопрос общеизвестный.

Весомый вклад в разработку проблемы внес С.В. Чечелев¹⁴. Он обратил внимание на финансовое неблагополучие Российской империи, связав с этим обстоятельством откладывание судебной реформы в Сибири, рассмотрел проблемы функциониро-

вания местной судебной системы после введения Судебных уставов. Исследователь усмотрел огромное прогрессивное значение в учреждении мирового суда и, обращая внимание на серьезные отступления в организации этого института, оценил результаты его деятельности как положительные.

Наступивший XXI в. ознаменовался интенсификацией изучения юстиции Западной Сибири и ее преобразований второй половины XIX – начала XX в. Результатом стала защита ряда кандидатских диссертаций, авторы которых И.Г. Адоньева, М.А. Бтикеева, О.Г. Бузмакова, А.В. Гаврилова, Д.А. Глазунов, Е.А. Крестьянников, С.В. Чечелев либо первыми изучили определенные аспекты проблемы, либо попытались вычленить оригинальные ракурсы актуальной в наши дни темы и по-новому расставить исследовательские приоритеты¹⁵.

Диссертация С.В. Чечелева, как, вероятно, немало работ новаторского характера (она первая в череде диссертационных исследований по теме на современном этапе), выделяется широтой поставленных задач, обширностью изучаемого региона и большой длительностью рассматриваемого периода, скудностью источниковой базы. Изучается эволюция судебной системы на территории от Урала до Тихого океана на протяжении XIX – начала XX в., задействуются при этом, например, материалы фондов лишь трех архивохранилищ. Следование за источником придает исследованию налет «очерковости» и описательности. Между тем, высокая значимость работы неоспорима: обозначены основные дискуссионные вопросы судебного строительства в Сибири, впервые даны обоснованные оценки главных реформ юстиции, в целом положено начало дальнейшим научным разысканиям. Подчеркивается, что преобразование 1885 г. отличалось половинчатостью, перестроило только судопроизводство, оставив судоустройство в прежнем виде, и не принесло краю большой пользы. Потребностям региона не соответствовало и ограничение положений Судебных уставов в

ходе проведения на их основе судебной реформы в конце XIX в. Огромное значение этого мероприятия минимизировалось в связи многочисленными неудобствами, заложенными царским законодателем в устройство новой сибирской юстиции.

М.А. Бтикеева, О.Г. Бузмакова, А.В. Гаврилова, Д.А. Глазунов в основном оставили за пределами своих исследований судебную реформу 1885 г., обратив главное внимание на более важные преобразования 1897 – 1899 гг.: введение Судебных уставов в Тобольской и Томской губерниях, затем открытие Омской судебной палаты, Омского и Семипалатинского окружных судов. Эти акции получили неоднозначные, спорные оценки. О.Г. Бузмакова отмечает, что установленная юстиция вполне удовлетворяла потребностям развития Сибири, М.А. Бтикеева заявляет о результативности работы новых судов в крае по сравнению с деятельностью аналогичных учреждений Российской империи, Д.А. Глазунов рассматривает реформирование как фактор, способствовавший созданию «довольно эффективного механизма правового регулирования отношений в городском социуме», не ориентированного на крестьянство.

И.Г. Адоньева изучает судебные реформы через их восприятие юридическим сообществом Западной Сибири. Согласно выводам историка, формирование «юридической интеллигенции» (ключевое понятие диссертации) и развитие ее деятельности происходили одновременно с главными этапами политики царизма по реформированию судебной системы региона. Будучи продуктом коренных изменений в сфере юстиции (начиная с преобразования 1885 г.), западносибирские специалисты-правоведы чутко реагировали на разнообразные судебные переустройства в крае, центральным критерием оценки которых стало соответствие Судебным уставам 20 ноября 1864 г.

Около пятнадцати лет проблемами судебного строительства в сибирском регионе занимается автор настоящего исследования. Результатом стали выступления на международных, все-

российских, региональных конференциях, десятки научных публикаций¹⁶. Данный труд является определенным итогом многолетних изысканий.

Монография призвана осветить содержание, особенности, сущность преобразований юстиции Западной Сибири на основе Судебных уставов Александра II. В работе исследуется политика правительства по решению судебного вопроса, выявляются основные этапы реформирования учреждений суда, анализируются положения законов о преобразовании судоустройства и судопроизводства края, определяется отношение сибирской общестственности, администрации, судебных деятелей к судебным реформам, рассматривается вопрос об их эффективности.

Объектом изучения является общая судебная система Западной Сибири, предметом – преобразования в ее устройстве и деятельности на базе уставов 1864 г. Поставленные в исследовании задачи требуют отдать приоритет рассмотрению изменений, прежде всего, в уголовном судопроизводстве, отличавшемся от гражданского двумя основными началами – началом публичным, или общественным, и началом личным. Первое из них противопоставляется началу частному гражданского процесса и состоит в том, что разбирательство дел происходит в общегосударственных интересах. Личное начало уголовного судопроизводства определяется направленностью его мер на личность непосредственно и задачей исследования личной виновности. Построение уголовного процесса стоит в тесной связи с положением личности в государстве. По этим причинам уголовное судопроизводство имеет высокое политическое значение, а его изменения в Сибири позволяют наиболее полно уяснить сущность курса политики самодержавия по отношению к судебным реформам и краю в целом. Предмет исследования ориентирует на изучение, прежде всего, тех судебных институтов и процессуальных механизмов, которые подвергались преобразованиям и играли наиболее значимую роль в отправлении правосудия.

Территориальные рамки исследования соответствуют границам Тобольской и Томской губерний второй половины XIX – начала XX в., включающим в себя современную территорию Тюменской, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей, Алтайского края, части Омской, Свердловской, Курганской областей. Выбор географических рамок в работе обусловлен спецификой объекта и предмета исследования. В Тобольской и Томской губерниях изменения в системе правосудия в изучаемый период осуществлялись на единых началах, отличающихся от положений судебных преобразований в любых других регионах России. Вместе с тем потребность изучения судебной организации в ее иерархической целостности делает необходимым выход за указанные территориальные границы. В работе рассматриваются проблемы устройства и деятельности судебной палаты и учрежденного при ней совета присяжных поверенных, которые располагались в Омске, т.е. вне пределов Тобольской и Томской губерний.

Хронологические границы укладываются в период 1860-х – 1917 гг. Первая грань соответствует началу разработки вопроса об осуществлении в сибирском крае судебной реформы на основе передовых принципов судостроительства и судопроизводства. Конечная хронологическая граница исследования совпадает с окончанием эволюции проблемы преобразования сибирского суда в условиях царского политико-правового режима. С падением самодержавия наступила новая эпоха в судебном строительстве.

Методологическую базу исследования составил принцип историзма, предполагающий анализ явлений в их развитии и взаимосвязи, и принцип объективности, ориентирующий на всестороннее рассмотрение и оценку фактов. В работе активно применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить как общие черты, так и отличия в развитии вопроса о реформировании сибирского суда. Вместе с тем сравнительный метод дает возможность сравнивать отдельные судебные институты в процессе их эволюции. Находит применение и системный подход:

судебная организация рассматривается как совокупность элементов, состоящих в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство. В то же время судебная система Западной Сибири выступает элементом систем более высокого порядка – юстиции Российской империи, организации управления регионом, а процесс ее преобразований частью общего процесса реорганизации системы правосудия страны, общественно-политического развития сибирского края. Системный подход позволяет вычленять отдельные стороны преобразований и деятельности суда, не забывая, что они составляют единое целое, характеризовать отношение самодержавия к делу судебного реформирования в стране, в западносибирском регионе, к краю вообще, выявить факторы, оказавшие влияние на течение преобразований юстиции Сибири.

Судебная реформа 1864 г. осуществлялась в ходе перелома 1860 – 1870-х гг. на этапе целостного обновления общества. «Великие реформы» Александра II были призваны приспособить жизнь страны к условиям надвигающейся эпохи и устранить несоответствующие потребностям национального развития пережитки. Однако социально-экономическая и политико-правовая трансформация характеризовалась незавершенностью: государство оставалось полуфеодальным, традиционным, власть – по-прежнему дворянской, общество – в силу традиции проникнутым сословными перегородками. Архаичные социально-политические устои, сословность с ее правовым неравенством и неравномерным распределением благ обусловили наличие, наряду с иными, территориальной иерархии, в которой Сибири отводилась одна из нижних ступеней. Отношения уровня «метрополия – колония», «центр – периферия», «внутренние губернии – окраина» определили место края в империи как ограниченного в выгодах. Либеральная реформа юстиции давала обществу право свободы, и этой «свободой-правом» на началах равенства самодержавие опасалось наделять Сибирь, где не было традиций крепостничества,

фактически отсутствовало дворянство и господствовала атмосфера свободолюбия. Известный сибирский общественный деятель, областник Г.Н. Потанин писал: «Демократический состав сибирского общества заключал в себе некоторую угрозу дворянской политике, которая господствовала в метрополии, и потому правящие классы косо смотрели на Сибирь... Страх, как бы на демократической почве Сибири не пробудился демократический дух, заставлял власть урезывать сибирскую жизнь и затруднять свободное ее развитие»¹⁷. Указанные обстоятельства, прежде всего, определили особенности судебной реформы 1864 г. в западносибирском регионе.

Источниковую основу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы, систематизированные в соответствии с их значимостью, происхождением и особенностями содержащейся в них информации. Значительная часть материала, в т.ч. впервые вводимого в научный оборот, извлечена из фондов центрального Российского государственного исторического архива (РГИА) и сибирских Государственного архива Омской области (ГАОО), Государственного архива Тюменской области (ГА-ТюмО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива в г. Тобольске (ГАТ) и Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК).

Важнейшими использованными в исследовании источниками являются нормативно-правовые акты. Это законы, регламентировавшие деятельность как дореформенной, так и новой судебной организации: Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках и о судопроизводстве и взысканиях гражданских, Учреждение местных судебных установлений прежнего устройства, Учреждение судебных установлений, Уставы гражданского и уголовного судопроизводства. Указанные кодексы, входившие в Свод законов Российской империи (СЗРИ) и Судебные уставы Александра II в редакции разных лет, позволяют изучить российское судебное законодательство, дают возможность проследить его эволюцию.

Изменения в судебных порядках Западной Сибири отражены в многочисленных законодательных актах, включенных в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Положения важнейших судебных реформ в крае содержатся во «Временных правилах о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» от 25 февраля 1885 г.¹⁸ и «Временных правилах о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г.¹⁹ Сравнительный анализ положений процессуальных кодексов, действовавших в России, и норм, регламентировавших деятельность сибирского суда, делает возможным выявление основных особенностей устройства последнего, характеризовать правительственный подход к делу судебного реформирования в Сибири.

Царское законодательство дополнялось обильным ведомственным нормотворчеством. Важность исследования ведомственных нормативно-правовых актов состоит в том, что в них трактуются законы для практического применения и они были призваны решать текущие проблемы юстиции. Изучение приказов, инструкций, циркуляров, постановлений, разъяснений, предписаний, часть которых опубликована²⁰, дает более полное представление об условиях деятельности судебных учреждений.

Достижение поставленных в работе задач невозможно без обращения к документам государственных и общественных организаций. В монографии задействован значительный пласт этой группы источников: отчеты и обзоры деятельности Государственного совета, Государственной думы, Сената, Министерства юстиции, всеподданнейшие отчеты министров юстиции и западно-сибирских губернаторов, отчеты совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты и консультации поверенных при Томском окружном суде, труды Томского юридического общества, уставы организаций помощников присяжных поверенных Западной Сибири. С помощью этих материалов можно подвер-

гнуть рассмотрению широкий круг проблем, касающихся политической линии правительства в отношении судебных реформ и соображений чиновников об их сущности и содержании, многих аспектов функционирования сибирской юстиции.

Наиболее обширной по объему является делопроизводственная документация центральных органов власти, сибирских административных и судебных учреждений. Особый интерес представляют материалы, хранящиеся в фонде Министерства юстиции РГИА (ф. 1405). В справках, записках, донесениях судебных и административных чиновников, министров юстиции аналитического характера, обобщались данные о деятельности сибирского суда, предлагались различные способы его совершенствования. Исходя из предмета настоящего исследования, исключительную важность имеют проекты судебных преобразований в Сибири и объяснительные записки к ним, а также материалы комиссий, создаваемых в столице и на местах для решения отдельных судебных вопросов. В этих документах фиксировались положения планируемых судебных преобразований, обосновывалась их необходимость. В работе широко используются делопроизводственные материалы сибирских судебных органов: Омской судебной палаты (ГАОО, ф. 25), прокурора Омской судебной палаты (ГАОО, ф. 190), губернского и окружного суда Тобольской губернии (ГАТ, ф. 158, 376), аналогичных учреждений Томской губернии (ГАТО, ф. Ф-10, Ф-21). Они включают в себя журналы заседаний судов, судебные определения, рапорты, прошения, представления, отчеты, переписку судебных чиновников, сведения об условиях их работы и т.д. В них заключается информация о функционировании системы правосудия накануне и после реформ, что позволяет сделать выводы об успешности осуществленных в Западной Сибири преобразований.

Следующую группу источников составили справочно-статистические публикации. В губернских «Календарях», «Адрес-календарях», «Памятных книжках», «Обзорах», «Стати-

стических обзорах» содержатся данные о структуре, штате судебных учреждений, лицах, занимавших судебные посты. Особую ценность представляют издаваемый с 1887 г. «Сборник статистических сведений Министерства юстиции» и приложения к нему. Там обзревается состав всех судебных органов России, населенность судебных округов, их площадь, движение дел в судах. Исчерпывающая информативность сборника позволяет делать заключения об эффективности работы тех или иных судебных учреждений Западной Сибири, сравнив ее с показателями деятельности юстиции других регионов империи, о карательной силе судебных мест края, об изменениях их штата.

Сложный, комплексный характер имеет такой вид исторических источников, как периодическая печать. Для написания работы привлекались публикации около пятидесяти газет и журналов, издававшихся в столицах и в Сибири. Особую ценность имеют периодические издания, уделявшие немало внимания вопросам судебного реформирования (журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель», «Сибирские отголоски», газеты «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирь», «Сибирский вестник», «Сибирский листок», «Томский листок»). Из разнообразного материала периодики наибольшее значение имеют статьи публицистического содержания. Обсуждение на страницах прессы вопросов судебных преобразований проходило довольно бурно. В публикациях подвергалась критике правительственная политика по отношению к проблеме реформирования юстиции Сибири, подчеркивалась ограниченность изменений судостроительства и судопроизводства, на примерах показывались вопиющие пороки в деятельности дореформенного и реформированного суда. Изучение публицистики позволяет выяснить, каким было отношение общественности к судебным преобразованиям.

Кроме того, периодическая печать предоставляет обширный фактический материал. В журналах и газетах содержались

данные о конкретных случаях из жизни судебной организации, помещались письма представителей различных социальных слоев, обращавшихся к прессе с целью привлечь внимание общества к проблемам юстиции. Интересна рубрика, имевшаяся во многих сибирских периодических изданиях, с такими названиями, как, например, «В судебном мире», «В суде», «Судебная хроника». В ней рассказывалось о нашумевших судебных процессах, в подробностях рассматривался ход заседаний судов.

В монографии использованы воспоминания ряда судебных и общественных деятелей. Некоторые факты из деятельности системы правосудия в России, ее оценки современниками можно почерпнуть из мемуаров М.Ф. Громницкого, Г.А. Джаншиева, А.Ф. Кони, Н.М. Колмакова, отдельные аспекты темы исследования отражены в воспоминаниях сосланных в Томск в 1880-х гг. А.А. Ауэрбаха и Е.В. Корша, тюменского предпринимателя Н.М. Чукмалдина²¹. Однако наибольший интерес имеют заметки о своей деятельности в судебно-административном ведомстве Западной Сибири «Из памятной книжки сибирского судьи» И. Киевского, «На поприще адвокатуры», написанные неким И.Т., «Из записок волостного писаря» А.К., опубликованные в «Сибирских отголосках», «Сибирских вопросах» и «Ермаке»²². В воспоминаниях И. Киевского рассказывалось о функционировании системы правосудия после ее реформирования в 1885 г., второй мемуарист писал о своем участии в уголовных судебных процессах в качестве защитника подсудимых в конце первого десятилетия XX в., последний характеризовал правосудие первой половины 1880-х гг. Авторы дали негативную оценку устройству сибирской юстиции в целом и отдельным ее институтам в частности.

В общем, привлеченный в работе круг документальных источников и литературы позволяет решить поставленные в исследовании задачи и проследить процесс осуществления судебной реформы 1864 г. в Западной Сибири.

Примечания

1. Анненский Н.Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. – 1896. – № 6. – С. 165–179; Арефьев Н. За пределами Европейской России. I. В Сибири // Северный вестник. – 1896. – № 1. – С. 48–58; Вологодский П. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. – 1892. – № 12. – С. 1–13.
2. Анненский Н.Ф. Указ. соч.; Анучин В. К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. – 1907. – 1 июля; Он же. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. – 1909. – № 46/47. – С. 29–38; № 49/50. – С. 26–39; № 51/52. – С. 54–71; Вейсман Р. Индивидуализация сибирского права // Сибирские вопросы. – 1908. – № 7. – С. 27–31; Он же. Правовые запросы Сибири. – СПб., 1909; Он же. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. – 1908. – № 3/4. – С. 41–47; Розин Н.Н. О суде присяжных. – Томск, 1901; Ветров А. Судебная реформа в земской Сибири // Сибирские вопросы. – 1906. – № 6. – С. 77–108; Войтенков М. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. – 1911. – 30 января; Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. – С. 260–294; Севостьянов В. Заметка о сибирских присяжных заседателях // Сибирские вопросы. – 1911. – № 4. – С. 27–29; Сибирский В. Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных // Сибирский вестник. – 1897. – 17 декабря.
3. Гессен И.В. Судебная реформа. – СПб., 1906. – С. 247.
4. Бразоль Б.Л. Следственная часть // Судебные уставы 1864 г. за пятьдесят лет. – Т. 2. – Пг., 1914. – С. 108.
5. Чубинский М.П. Судьба судебной реформы в последней трети XIX в. // История России в XIX в. – Т. 6. – СПб., 1909. – С. 239.
6. Васьковский Е.В. Адвокатура // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Т. 2. – Пг., 1914. – С. 269; Мокринский С.П. Суд присяжных // Там же. – С. 151.
7. См. например: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов, 1969. – С. 217; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. – С. 248; Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи в 1802–1917 гг. – М., 1983. – С. 107–108; История Сибири. – Т. 3. – Л., 1968. – С. 248.
8. Корягин Б.Г. Политика царизма в Сибири во второй половине XIX в. // Труды Томского государственного университета. – Т. 171. – Томск, 1963. – С. 102–119; Он же. Из истории проведения судебной реформы в Западной Сибири // Труды Томского государственного университета. – Т. 159. – Томск, 1965. – С. 154–163; Он же. Проведение буржуазных реформ 60-х–70-х гг. XIX в. в Западной Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1965.

9. Веремей С. Постыдное судилище // Молодой сибиряк. – 1965. – 8 декабря; Мордвинов С. Шемякин суд (Из архивов Омской судебной палаты) // Омская правда. – 1949. – 7 января.
10. Даниленко А.В. Правительственная политика при проведении буржуазных реформ 60-х–70-х гг. в Сибири и ее оценка демократической ответственностью края // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1987. – С. 80–102.
11. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). – Иркутск, 1986. – С. 108–109.
12. Игнатьева М.Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. – Якутск, 1995. – С. 4; Ремнев А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1997; Он же. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. – Омск, 1997; Он же. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX в.: Проблемы регионального управления // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 60–73.
13. Савельев В.Г. Буржуазные реформы второй половины XIX в. и их проведение в Южном Зауралье: Дис. ... канд. ист. наук. – Курган, 1996.
14. Чечелев С.В. Из истории института мировых судей в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Российская государственность на пороге XXI в.: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Киров, 2000. – С. 231–236; Он же. Институт почетных мировых судей округа Омской судебной палаты // Вестник Омского университета. – 1998. – № 4. – С. 107–110; Он же. Некоторые вопросы проведения судебной реформы в Сибири в 60–80-е гг. XIX в. // Там же. – 1997. – № 3. – С. 104–107; Он же. Проблемы организации и деятельности местного суда в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XV – XX вв.: Материалы IV региональной научной конференции 11–12 ноября 1999 г. – Новосибирск, 1999. – С. 181–186; Он же. Судебные учреждения Акмолинской области в начале XX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народа. Международная научная конференция, посвященная 175-летию образования Омской области: Тезисы докладов и сообщений. – Омск, 1998. – С. 100–104.
15. Адоньева И.Г. Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. в оценках местной юридической интеллигенции: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008; Бтикеева М.А. Реформирование судебных установлений Западной Сибири и их деятельность в конце XIX – начале XX вв. (по материалам округа Омской судебной палаты): Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002; Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2004; Гаврилова А.В. Формирование и развитие института адвокатуры в Западной Сибири в период разработки и реализации судебной реформы 60-х гг.

- XIX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005; Глазунов Д.А. Проведение судебной реформы 1896 г. на территории Западной Сибири (по материалам Томской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003; Крестьянников Е.А. Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2002; Чечелев С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2001.
16. Крестьянников Е.А. К вопросу о Временных правилах от 25 февраля 1885 г. о судопроизводстве в Сибири // Сборник тезисов докладов 47, 48, 49 студенческих конференций. – Тюмень, 1998. – С. 148–149; Коновалов В.В., Крестьянников Е.А. Судебные преобразования в России и сибирский суд во второй половине XIX – начале XX в. // Налоги. Инвестиции. Капитал. Тюмень: Издание администрации Тюменской области. – 2000. – № 1/2. – С. 41–54; Крестьянников Е.А. Введение суда присяжных в Тобольской губернии в начале XX в. // Словцовские чтения–2000: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень, 2000. – С. 146–148; Он же. Вопрос о введении в Сибири суда присяжных в конце XIX в. // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Тюмень, 2000. – С. 62–63; Он же. Совмещение следовательских и судебных функций у мировых судей Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Тюменский исторический сборник. – Вып. 4. – Тюмень, 2000. – С. 27–31; Он же. Из истории западносибирской адвокатуры в последней трети XIX – начале XX в. // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. – Тюмень, 2001. – С. 112–122; Он же. Вопрос об установлении мирового суда в Сибири в 60-х–90-х гг. XIX в. // Словцовские чтения–2001: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень, 2001. – С. 55–57; Он же. «Подпольная адвокатура» в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Словцовские чтения–2002: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2002. – С. 75–77; Он же. Деятельность Тобольского и Томского окружных судов в 1897–1909 гг. // Тюменский исторический сборник. – Вып. 5. – Тюмень, 2002. – С. 26–31; Он же. «Подпольная адвокатура» в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирский исторический журнал. – № 1. – Тюмень, 2002. – С. 43–47; Он же. Введение и проблемы деятельности суда присяжных в Западной Сибири в начале XX в. // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: Региональная научно-практическая конференция. – Тюмень, 2003. – С. 332–337; Он же. Ограничения положений уставов Александра II при проведении в конце XIX в. судебной реформы в Сибири // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со

дня рождения профессора П.И. Рощевского. – Тюмень, 2003. С. 70–80; Он же. Консультация поверенных при Томском окружном суде в начале XX в. // Словцовские чтения–2003: Материалы XV Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2003. – С. 48–50; Он же. Проблемы корпоративной организации адвокатуры округа Омской судебной палаты в начале XX в. // Тюменский исторический сборник. – Вып. 6. – Тюмень, 2004. – С. 106–118; Он же. Судебная реформа 1885 г. в Западной Сибири // Тюменский исторический сборник. – Вып. 7. – Тюмень, 2004. – С. 256–263; Он же. Вопрос об учреждении окружных судов в Барнауле и Ишиме в начале XX в. // Словцовские чтения–2004: Материалы докладов и сообщений XVI Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2004. – С. 18–20; Он же. Долгий путь к правосудию: из истории введения суда присяжных в дореволюционной Сибири // Сибирский исторический журнал. – № 1. – Тюмень, 2004. – С. 46–59; Он же. «Следственная часть» в Западной Сибири в 1885–1897 гг. // Тюменский исторический сборник. – Вып. 8. – Тюмень, 2005. – С. 232–240; Он же. Состояние сибирской юстиции накануне судебной реформы 1885 г. // Словцовские чтения–2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2005. – С. 83–85; Он же. Министр юстиции Н.В. Муравьев в деле реформирования сибирского правосудия в конце XIX в. // Тюменский исторический сборник. – Вып. 9. – Тюмень, 2006. – С. 223–229; Он же. Помещения судебных учреждений Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Словцовские чтения–2006: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2006. – С. 87–89; Он же. «Пасынки Фемиды»: обустройство деятельности мировых судей Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирский исторический журнал. 2006/2007. – Тюмень, 2006. – С. 24–37; Он же. Из будней мировых судей Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Историк и его эпоха: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова. – Тюмень, 2007. – С. 291–293; Он же. Юридические консультации в дореволюционной России и консультация г. Томска // Вестник Тюменского государственного университета. – № 1. – Тюмень, 2007. – С. 201–205; Он же. Реформа мирового суда Западной Сибири 1911 года: цифры и факты // Тюменский исторический сборник. – Вып. 10. – Тюмень, 2007. – С. 195–201; Он же. Отчетная документация корпоративных организаций западно-сибирской адвокатуры в начале XX в. // Документ в контексте универсальных практик: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2007. – С. 50–51; Он же. Сибирская система правосудия и самосуд в конце XIX – начале XX в. // Словцовские чте-

- ния–2007: Материалы XIX Всероссийской научной краеведческой конференции. – Тюмень, 2007. – С. 99–102; Крестьянников Е.А., Наумова А.В. Институт судебных следователей в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Там же. – С. 102–105; Крестьянников Е.А. Прокуратура в системе правосудия Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Россия в XVI–XX вв.: проблемы истории, историографии, источниковедения: Материалы всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2008. – С. 47–51; Он же. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 37 – 47; Адоньева И.Г., Крестьянников Е.А. Трансформация сибирского правосудия «переходного режима» (вторая половина 80-х–первая половина 90-х гг. XIX в.) // Гуманитарные стратегии российских трансформаций: Материалы международной научно-практической конференции. – Т. 1. – Тюмень, 2008. – С. 224–228; Они же. Совершенствуя правосудие: из жизни и деятельности двух томских юристов (1880-е гг.) // Тюменский исторический сборник. – Вып. 11. – Тюмень, 2008. – С. 139–145; Они же. Кризис западносибирской юстиции накануне судебной реформы 1897 г. // Актуальные вопросы истории Сибири XVII–XX вв.: тематический сб. научных тр. – Вып. 3. – Новосибирск, 2008. – С. 37–55; Крестьянников Е.А. «Правосудие на дешевых началах»: материальные ресурсы судебной власти Западной Сибири (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Сибирский исторический журнал. 2008/2009. – Тюмень, 2008. – С. 66–72; Он же. Судебные следователи Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Западная Сибирь в средневековье, Новое и Новейшее время. Материалы региональной научной конференции. – Нижневартовск, 2009. – С. 99–105; Он же. Роль тобольского губернатора Л.М. Князева в совершенствовании юстиции края // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. – Тюмень, 2009. – С. 104–108; и др.
17. Потанин Г.Н. Указ. соч. – С. 289.
  18. ПСЗ-III. – Т. 5. – № 2770.
  19. Там же. – Т. 16. – № 12932.
  20. См. например: Газенвинкель К.Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. – Тобольск, 1889; Инструкция состоящим по Томской губернии следователям, как судебным, так и из чинов полиции. – Томск, 1886; Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). – Тобольск, 1867.
  21. Воспоминания А.А. Ауэрбаха // Исторический вестник. – 1905. – № 8. – С. 347–374; № 9. – С. 672–697; № 10. – С. 37–61; № 11. – С. 399–431; № 12. – С. 813–845; Громницкий М.Ф. Накануне судебной реформы (По личным воспоминаниям) // Русская мысль. – 1899. – № 2. – С. 49–71; Джаншиев Г.А. Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя) // Джаншиев Г.А. Сбор-

- ник статей. – М., 1914. – С. 439–454; Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Избранные произведения. – М., 1980. – С. 7–220; Он же. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. – 1914. – № 1. – С. 5–26; № 2. – С. 245–280; Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. – 1910. – № 5. – С. 423–449; № 6. – С. 806–834; № 7. – С. 27–57; Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. – 1886. – № 12. – С. 511–544; Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. – М., 1902; Он же. Мои воспоминания. – Тюмень, 1997.
22. А.К. Из записок волостного писаря // Ермак. – 1912. – 14 июля; И.Т. На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. – 1912. – № 11/12. – С. 21–36; Киевский И. Из памятной книжки сибирского судьи // Сибирские отголоски. – 1906. – № 7. – С. 7–8; № 8. – С. 2–3; № 13. – С. 12–13.

ГЛАВА I. ВОПРОС О ПРЕОБРАЗОВАНИИ СИБИРСКОГО СУДА В 60-х – НАЧАЛЕ 80-х гг. XIX в.

Вступление на престол Александра II произошло в обстановке кризиса самодержавного режима, резко обозначившегося в годы Крымской войны. Для наиболее дальновидных современников стало очевидным, что без перемен внутри страны России грозила перспектива оказаться на «задворках» цивилизации. Российская государственность нуждалась в модернизации, в приспособлении к новым реалиям. Логика эволюции общественной жизни требовала проведения не частных, а кардинальных преобразований чуть ли не во всех ее сферах.

Дальнейшему развитию России препятствовали устаревшие судебные порядки. К середине XIX в. ни одна из частей государственной машины самодержавия не находилась в столь плачевном состоянии. Судебная система крепостнической эпохи основывалась на архаичном и противоречивом законодательстве. Оно представляло собой собрание различных, принятых в разное время постановлений. Структуру дореформенной судебной системы составляли разнообразные, исторически сложившиеся органы, делавшие ее сложной и запутанной. Учреждениями с судебными функциями были уездные, коммерческие, надворные, совестные, третейские суды, межевые конторы, магистраты, ратуши, волостные правления, палаты уголовного и гражданского суда, Сенат. Кроме того, судебные обязанности исполняли административные организации – губернские правления, полиция. Административные учреждения оказывали мощное давление на суд. По признанию министра внутренних дел С.С. Ланского, администрация «ездила на юстиции»¹.

В условиях судебного хаоса трудно, почти невозможно было определить круг дел, подлежащих рассмотрению того или иного судебного органа. «Дела бесконечно перекачывали из одного суда в

другой, нередко возвращаясь в первую инстанцию, откуда начинали долгий путь вверх, на что нередко уходили десятилетия»². Для населения правосудие не являлось доступным. По словам К.К. Арсеньева, народу суд представлялся «закрытым, далеким и грозным»³.

Уродливым пороком дореформенного суда стало лихоимство, которое приобрело чудовищные размеры. Большинство судебных чиновников, получавших ничтожное жалование, не стеснялись жить по принципу «судье полезно, что в карман полезло» и вымогали взятки со всех обращающихся в суд. Советские историки, иллюстрируя разгул взяточничества, указывали на факт дачи взятки в размере 100 руб. надлежащему судебному чиновнику министром юстиции графом В.Н. Паниным⁴.

В судах господствовал инквизиционный порядок процесса по уголовным делам. Судопроизводство было закрытым и тайным. Суд принимал решения по докладам своей канцелярии, базировавшимся на письменных материалах досудебного формального полицейского следствия. Приговор выносился заочно, без прений сторон, на основе системы формальных доказательств, среди которых выделялось собственное признание – «лучшее свидетельство всего света». Доказательства делились на совершенные и несовершенные. Совершенное доказательство «исключало всякую возможность к показанию невинности подсудимого», тогда как несовершенное оставляло сомнения в его виновности. Для осуждения было достаточно одного совершенного или нескольких несовершенных доказательств в совокупности. В случае недостатка доказательств позволялось оставлять подсудимого «в подозрении» и освобождать от суда⁵. Под этими формулами закона, как писал в 1904 г. сибирский судья П.Е. Маковецкий, было «погребено множество уголовных дел, решения по которым на современную оценку смело можно приравнять к явно неправосудным»⁶. По некоторым сведениям, суд осуждал примерно двенадцать подсудимых из ста. Остальные освобождались от суда и, главным образом, оставались «в подозрении»⁷.

Запутанность, письменность судебного процесса, канцелярщина приводили к волоките. Множество дел рассматривалось более двадцати лет⁸. Многие из них поражали своим объемом. В. Бочкарев рассказывал об одном незначительном деле, заключающем в себе со всеми относящимися к нему справками 23 тыс. листов⁹. Приниженное положение судов в стране стало причиной их укомплектования малограмотными и некомпетентными сотрудниками. И.А. Блинов в качестве примеров невежественности судей приводил факты заведения ими дел «о подложном присвоении крестьянскому мальчику Василию женского пола», «о драке со взломом», «об учинении мещанскому старосте буйства на лице»¹⁰. Часто судьи, кроме своих основных обязанностей, занимались работой, совершенно не соответствующей их званию. Они топили печи, подрабатывали сторожами, прибирали помещения судов. Однажды В.Н. Панин зашел в одно из столичных судебных учреждений и увидел там человека с метлой. Узнав о том, что это заседатель суда, министр юстиции опешил и, не сумев произнести ни слова, покинул суд¹¹.

Дореформенная государственная система была неспособна удовлетворить элементарные потребности населения в правосудии. На почве господства розыскных начал в судопроизводстве развилось сословие добровольных помощников, часто проходивцев, по классификации П.Н. Обнинского, «ходатаев по делам» и просто «ходоков»¹², от всякого родства с которыми решительно отрекалась пореформенная российская адвокатура¹³. Адвокатам не было места в дореформенном процессе. Власть относилась к ним с предубеждением. Николаю I принадлежит высказывание: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»¹⁴.

Представители общественности однозначно негативно отзывались о тогдашних судебных порядках. Их непригодность, указывал знаменитый дореволюционный юрист А.Ф. Кони, в «главных чертах и житейских проявлениях была признана всеми»¹⁵.

«Старый суд! – писал в 1880-х гг. видный общественный деятель, идеолог славянофильства И.С. Аксаков. – При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже! ...»¹⁶ «Черна в судах неправдой черной...», – так заклеил крепостническую империю с ее средневековым судебным строем известный поэт и публицист А.С. Хомяков. К благу России, высшие чиновники страны и сам император поняли, что после отмены крепостного права необходимо реформировать судебную систему. Александр II поручил готовить коренную судебную реформу комиссии из лучших правоведов, которых фактически возглавил С.И. Зарудный.

20 ноября 1864 г. император утвердил Судебные уставы. Они вводили вместо сословной юстиции судебные учреждения, общие для лиц всех сословий и с единым порядком судопроизводства. В России утверждались независимость суда от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, гласность, состязательность, устный характер процесса, участие в нем присяжных заседателей и адвокатов.

Устанавливались новые судебные органы – коронный и мировой суды. Коронный суд имел две инстанции: первой являлся окружной суд (обычно в каждой губернии, которая составляла судебный округ), второй – судебная палата, объединявшая несколько судебных округов и состоявшая из уголовного и гражданского департаментов.

В судебном разбирательстве по уголовным делам принимали участие присяжные заседатели, избираемые из населения на основе умеренного имущественного ценза. Для каждого дела назначались по жребию двенадцать присяжных, которые выносили вердикт, т.е. устанавливали, виновен ли подсудимый в инкриминируемом ему деянии, и если виновен, то заслуживает ли снисхождения? На основе вердикта суд в составе председателя и двух членов принимал постановление об освобождении оправданного присяжными подсудимого или определял меру наказания при-

знанному виновным. Решения окружных судов с участием присяжных заседателей считались окончательными, а без их участия могли быть обжалованы в судебной палате. Приговоры судов, принятые на базе вердиктов присяжных, обжаловались в высшей кассационной инстанции – Сенате – только в случае нарушения законного порядка судопроизводства или обнаружения каких-то новых обстоятельств по делу. Сенат, не решая дела по существу, передавал его на вторичное рассмотрение в другой суд, либо в тот же суд, но с другим составом судей и присяжных заседателей.

Для разбора мелких правонарушений и гражданских тяжб с иском до 500 руб. в уездах и городах учреждался мировой суд с упрощенным судопроизводством в составе одного судьи. Как правило, мировые судьи избирались уездными земскими собраниями. Кандидатами на эту должность допускались местные жители не моложе 25 лет, «не опороченные по суду и общественному приговору», имеющие высшее образование или прослужившие «преимущественно по судебной части» не менее трех лет. Судебными уставами предусматривалась должность почетных мировых судей из местного населения. Они не получали жалования, могли сочетать судебную деятельность с другими занятиями и рассматривали дела в случае болезни или отсутствия участковых мировых судей.

Каждый уезд в судебном отношении составлял мировой округ, который делился на мировые участки. Решения мировых судей обжаловались на уездном съезде мировых судей. Мировой судья приговаривал признанных виновными к денежному штрафу не свыше 300 руб., аресту до 6 месяцев, к заключению в тюрьму на срок не более года. Мировой суд, скорый в решении дел, без волокиты, стал весьма популярным среди населения.

Председатели и члены судебных палат и окружных судов утверждались императором, а мировые судьи – Сенатом. После этого они по закону не подлежали ни увольнению в административном порядке, ни временному отстранению от должности. Они

могли быть отстранены только в случае привлечения к суду по обвинению в уголовном преступлении, причем решался этот вопрос также в судебном порядке.

Для юридической помощи нуждающимся и для защиты обвиняемых создавалась адвокатура, а предварительное следствие по уголовным делам, которое ранее осуществлялось полицией, теперь перешло в руки судебных следователей. Присяжные поверенные и судебные следователи обязывались иметь высшее юридическое образование. Институт присяжных поверенных создавался в качестве особой корпорации, которая состояла при судебных палатах, но не входила в состав суда и пользовалась самоуправлением под контролем судебной власти. Адвокаты учреждали при палате особый совет для надзора за своими членами в каждом судебном округе.

Надзор за законностью действий судебных учреждений осуществлялся обер-прокурором Сената, прокурорами судебных палат и окружных судов. Они подчинялись непосредственно министру юстиции как генерал-прокурору. Каждый прокурор имел штат помощников – товарищей прокурора. В связи с утверждением принципа состязательности прокуратура наделялась обвинительной властью и поддерживала обвинение при рассмотрении дел в судах.

Несмотря на некоторые недостатки, Судебные уставы совершили настоящую революцию в судебных порядках. Изменения, произведенные судебной реформой 1864 г., знаменовали собой, как писал выдающийся дореволюционный юрист И.Я. Фойницкий, «поворот от порядка полицейского к порядку правовому, от правительственной опеки – к системе самостоятельности и самодеятельности народной»¹⁷. Один из «веховцев» Б.А. Кистяковский указывал, что судебная реформа создала судебную организацию, «соответствующую тем требованиям, которые предъявляют суду в правовом государстве»¹⁸.

Действительно, реформа явилась самым крупным в истории дореволюционной России шагом к правовому государству и соз-

данию гражданского общества. Ее принципы и учреждения (особенно два демократических института – суд присяжных и адвокатура), несмотря на систематические нападки и ограничения со стороны самодержавия, способствовали становлению в стране цивилизованных норм законности и правосудия, автономизации, большему отделению общества от государства.

К сожалению, новый суд, по выражению известного русского либерального историка И.В. Гессена, «вошел в государственный организм инородным телом, которое по общему физиологическому закону должно быть ассимилировано или низвергнуто»¹⁹. Новая система правосудия находилась в явном противоречии со всей государственной машиной самодержавия, со старыми порядками, лишь поколебленными отменой крепостного права и другими реформами. Консерваторы осознали, что в таком централизованном, авторитарном государстве, каким оставалась пореформенная Россия, демократия и либерализм в немалой степени опирались на независимость судов. Применение Судебных уставов 1864 г., в первую очередь на политических процессах, показало, что новый суд непригоден для защиты сословных привилегий дворян и чиновников, и борьбы с революционным движением – положения о несменяемости и независимости судей, суде присяжных, автономном институте адвокатуры, состязательности и гласности судопроизводства, выборном мировом суде – только расшатывают самодержавие.

Мировые судьи нередко вставали на сторону обездоленных. Присяжные заседатели, вопреки желанию и прямому давлению со стороны властей, иной раз выносили вызывающе независимые вердикты, оправдав, например, в 1878 г. стрелявшую в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова революционерку Веру Засулич, а в 1885 г. – морозовских ткачей. Русская адвокатура завоевала общенациональное признание своей борьбой за право и правду, сумела поставить себя – юридически и политически – на нео-

бычайную для авторитарного государства высоту, выдвинула плеяду выдающихся судебных защитников.

Неудивительно, что уже вскоре после утверждения Судебных уставов из них начинают изымать чуждые природе самодержавного государства положения и дополнять их разного рода реакционными «новеллами». В «многострадальное жите» превратилось существование новых судов²⁰. Процесс, получивший название судебных контрреформ, растянулся на десятилетия. В ходе него ограничивалась гласность, состязательность судопроизводства, независимость суда от административных властей, осуществлялось наступление на суд присяжных, практически уничтожался мировой суд, ущемлялась автономия адвокатской корпорации. Особенностью судебной контрреформы было то, что она началась в период, когда другие реформы Александра II еще не завершились, и основывалась не на одном законе, а на целом ряде нормативных актов. В результате контрреформ, подорвавших важные устои нового суда, произошло его приспособление к политическому режиму.

В связи с наметившимся изменением взгляда правительственных кругов на преобразования российской юстиции, подвергся корректировке процесс учреждения новых судов на территории империи. Судебные уставы в различных частях страны вводились на разных условиях в течение 35 лет. В полном объеме судебная реформа проводилась лишь в центре страны, а в остальных регионах передовое судопроизводство устанавливалось со всевозможными ограничениями. Чем позже на той или иной территории начиналось преобразование суда, тем больше там было этих ограничений.

Первоначально Судебные уставы не распространялись на Сибирь. Между тем, в 1860-е гг. проблема необходимости и условий судебного преобразования в крае активно обсуждалась, разрабатывались его проекты. Сибирская обстановка отличалась спецификой, связанной с малонаселенностью реги-

она, отсутствием в надлежащем числе лиц, удовлетворявших предусмотренным уставами образовательным и имущественным цензам, наличием большого количества нерусского населения. Поэтому главным вопросом, решаемым судебными деятелями, административными чиновниками, представителями общественности, стала проблема приспособления положений уставов к особенностям сибирского региона.

Разнообразием выделялись предложения относительно порядка введения мирового суда. Одни считали возможным установить выборность мировых судей, но при этом отменить некоторые цензовые ограничения, другие выступали за учреждение назначаемого «от правительства» мирового института, третьи полагали нужным мировых судей поначалу назначать, а затем, со временем, ввести выборность²¹. Вместе с тем в Сибири отсутствовали земские учреждения, которые, как предусматривали уставы, обязывались избирать мировых судей. Предварительное проведение земской реформы – неременное условие установления выборной мировой юстиции. Но введение земств откладывалось на неопределенные сроки. В 1866 г. министр внутренних дел П.А. Валуев, отвечая на запрос председателя комиссии, разрабатывавшей проект судебного преобразования в Сибири, В.П. Буткова, дал понять, что ожидать скорого осуществления в крае земской реформы не следует²².

Учреждение предусмотренных уставами институтов присяжных заседателей и присяжной адвокатуры, съездов мировых судей также представлялось проблематичным. В особом отделе, созданном в 1867 г. под начальством В.П. Буткова для подготовки реформы сибирского суда, обозначились группировки противников и сторонников введения института присяжных заседателей к востоку от Урала. Первые указывали, что при «разноплеменности сибирского населения суд присяжных не может быть судом общественной совести», а исполнение обязанностей присяжных в условиях значительной

протяженности региона станет «чрезмерно тяжелой повинностью» для сибиряков. Вторые, они составляли большинство и их предложения легли в основу проекта комиссии, не считали расстояния настолько великими, чтобы их преодоление повлекло какие-то сложности. Комиссия признала Сибирь вполне подготовленной к суду присяжных и приняла решение о возможности его распространения на территории сибирских губерний и областей между 50° и 60° северной широты, т.е. в полосе с высокой плотностью населения. При этом предполагалось допустить существенные отступления от общих судебных правил. Намечалось включить в число присяжных офицеров, чиновников и «нижних чинов воинских команд и управлений», отказаться от имущественных ограничений, уменьшить численный состав коллегии присяжных до шести представителей общественности²³. Однако члены комиссии не учли, что правительственные чиновники, видя угрозу политическому режиму в распространении демократических настроений в среде сибирского населения, никогда бы ни пошли на демократизацию состава суда присяжных путем отмены цензовых ограничений. Другие предложения комиссии также не удовлетворяли правительство, т.к. вели к перекройке основ только что созданного судебного законодательства.

Проект особого отдела предусматривал пополнение съездов мировых судей судебными следователями или членами окружного суда и допуск к адвокатской практике лиц без юридического образования²⁴. Современный исследователь дореволюционной адвокатуры в Восточной Сибири С.Л. Шахерова справедливо считает, что предлагаемые в комиссии под председательством В.П. Буткова отклонения от общего устройства адвокатуры привели бы к созданию такого института, «который изначально искажал задачи защиты прав личности на суде»²⁵.

В целом, лица, предлагавшие в 1860-е гг. свои программы проведения судебного преобразования, были убеждены в невоз-

возможности применения к Сибири Судебных уставов в полном объеме. Но в реформаторской эйфории либеральной эпохи трудности проведения судебной реформы в регионе казались преодолимыми. Как представлялось, небольшая корректировка положений уставов позволяла их ввести. При этом виделись незначительными намеченные отступления от начал этого кодекса, на самом деле ограничивающие действие либеральных принципов. Судьба большинства лиц, предоставивших свои соображения по вопросу о реформировании сибирского суда, так или иначе была связана с Сибирью. Их желание ускорить судебное преобразование отодвигало на второй план заботу об его содержательной стороне.

В 1870 г. комиссия под председательством В.П. Буткова закрывалась²⁶. Проекту особого отдела, как позже писали «Тобольские губернские ведомости», отводилось «глухое место в архивах»²⁷. С этого момента от участия в разработке судебной реформы в Сибири фактически отстранялась общественность. В последующие годы ей занимались, в основном, чиновники разных уровней и ведомств.

В 1870-е – начале 1880-х гг. в Министерстве юстиции осознавали, по словам тогдашнего министра юстиции Д.Н. Набокова, «крайнюю неудовлетворительность положения судебной части в Сибири»²⁸, но никаких попыток ее преобразовать не принималось. В то же время министерские чиновники отказались от идеи коренного реформирования судов в крае, мотивируя это недостатком денежных средств, вызванным войной 1877–1878 гг.²⁹ Современный исследователь С.В. Чечелев, указывая на дороговизну судебной реформы и скромные возможности российского бюджета, считает вполне оправданным поворот к практике проведения лишь некоторых улучшений сибирского дореформенного судоустройства и судопроизводства³⁰.

Аргумент о высокой стоимости судебной реформы как о препятствии к ее осуществлению выдвигался противниками Судебных уставов в начале 1860-х гг. Тогда этот довод решительно отвергал-

ся. «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, – утверждали чиновники, разрабатывавшие уставы, – происходит в особенности от несовершенства основных органов отправления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве, и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судоустройства не только полезны, но необходимы, и сама недостача денег составляет не возражение против усовершенствований в судебном ведомстве, а доказательство их необходимости»³¹.

Действительно, новые суды обходились казне недешево. Вместе с тем факт осуществления судебных преобразований на основе уставов во многих регионах империи непосредственно после войны с Турцией³² не позволяет говорить о скудности бюджета как об обстоятельстве, решающим образом повлиявшем на изменение правительственного курса относительно реформы сибирского суда. Главную роль в откладывании основательного судебного преобразования в Сибири скорее сыграла расстановка приоритетов во внутренней политике самодержавия, в числе которых проблема правильного устройства суда на территории к востоку от Урала не заслуживала первоочередного внимания. Реформы суда в России, указывал позже министр юстиции Н.В. Муравьев, «естественно должны были отодвинуть несколько на второй план заботы об улучшении управления и суда в Сибири»³³.

Сибирское же общество с начала 1860-х гг. с нетерпением ожидало установление нового суда. На взгляд провинциальной общественности, в судебной реформе край нуждался больше, чем остальные регионы России³⁴. Видный представитель либерального народничества Н.Ф. Анненский позднее писал: «Нельзя не признать, что для Сибири, этой страны исконного чиновничьего произвола, потребность в судебной реформе была, быть может, настоятельнее и жгучее, чем для коренной России»³⁵.

В Сибири поначалу не сомневались в скором осуществлении судебного преобразования и готовились к нему. С октября 1861 г. в Иркутске закладывалась традиция проведения «юридических вечеров», на которых разбирались спорные правовые вопросы, занимались чтением юридических журналов, устраивались пробные судебные заседания с присяжными заседателями, защитниками и обвиняемыми³⁶. В 1863 г. общественность Тобольска обсуждала возможность учреждения в городе юридического общества³⁷.

Высшие сибирские чиновники готовились к установлению нового суда. Так, в циркуляре от 15 августа 1865 г. тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович наказывал: «Ввиду предстоящего осуществления судебной реформы, представляется весьма важным для облегчения перехода от старого порядка судопроизводства к новому принять меры к скорейшему окончанию дел, производящихся в существующих ныне судебных местах»³⁸. Уверенные в том, что скоро в крае будут введены мировые учреждения, члены Томского губернского совета на заседании 24 января 1868 г. обязали окружных исправников собрать необходимые для реализации этого мероприятия сведения³⁹.

В 1870-е – первой половине 1880-х гг. сибирские пресса, городские думы нередко поднимали вопрос о введении Судебных уставов в полном объеме либо об учреждении отдельных судебных институтов (мировой юстиции, судебных следователей)⁴⁰. В начале 1880-х гг. сибирское общество охватила эйфория ожидания реформ, вызванная празднованием трехсотлетия присоединения Сибири к России. Городские думы края, сибиряки, находившиеся в столице, решили ходатайствовать о необходимости реформ в правительстве⁴¹. В дни торжеств, по словам корреспондента «Русских ведомостей», «лучшие люди с нетерпением ожидали введения в Сибири новых судов, земских учреждений, нового городского устройства, открытия университета»⁴². Видные представители сибирской общественности пребывали в уверен-

ности, что преобразования последуют незамедлительно. «Необходимость сибирских реформ, – писал в 1881 г. идеолог областного течения Н.М. Ядринцев, – до такой степени ясно сознается правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были бы удовлетворены»⁴³. Однако надежды сибиряков оказались обмануты. Н.М. Ядринцев констатировал: «Нового суда и земства пока не дается. Предстоит писать и просить»⁴⁴.

Тем временем в Сибири действовал дореформенный суд, являвшийся по оценке современников, «странной аномалией»⁴⁵, «истинным бичом и наказанием египетским для населения»⁴⁶. Пороки, характерные для российского дореформенного судоустройства и судопроизводства, в сибирских условиях проявились в наибольшей степени.

Судебными функциями обладали разные, многочисленные судебные и административные органы. Процесс правосудия порой находился в руках самых незначительных чиновников. Один из них, занимавший скромную должность волостного писаря, вспоминал: «Дела по волостному правлению было много: не говоря уже про те обязанности, которые касались непосредственно крестьянского самоуправления и земского хозяйства, – приходилось ведать совершенно побочные дела, из которых главными по сложности и обилию работы были судебные и полицейские. Урядников тогда не было, земские заседатели приступали к следствиям по материалу, разработанному волостными правлениями в порядке дознаний. Таким образом, по всякому преступлению и проступку (мировых судей также не было) приходилось выезжать на место, охранять следы преступлений, делать розыски, выемки, обыски, задерживать заподозренных, принимать меры пресечения. Одним словом, на волостных правлениях лежали функции, перешедшие с введением судебной реформы к мировым судьям и чинам общей полиции. Можно поэтому представить до какой степени волости

были завалены работой, большая часть коей лежала на писаре, являвшимся главным руководителем и воротилой»⁴⁷.

Принцип разделения властей в крае не действовал. Н.М. Ядринцев указывал: «...Неизвестно, где кончается полиция и начинается суд – так тесно связаны они между собой»⁴⁸. Досудебным следствием по уголовным делам занимались исключительно полицейские чиновники. Для них обязанность проведения расследований являлась второстепенной, и они ее как следует не исполняли. Недаром сибирские генерал-губернаторы отмечали особенно неудовлетворительное состояние следственной части в Сибири⁴⁹. Один из публицистов указывал, что сибирские полицейские чиновники были «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления»⁵⁰. Однако они владели огромной властью. Н.М. Ядринцев констатировал: «Земский заседатель в одно и то же время и полицейский чиновник, и судебный следователь, и верховный вершитель судеб целого участка, имеющего подчас до 100 тысяч населения»⁵¹. Полицейские чиновники представлялись грозными и всемогущими. «Грозой и язвой сибирской деревни» назвал позже земских заседателей исследователь сибирского чиновничества Н.А. Гурьев⁵². В опубликованном в «Восточном обозрении» фельетоне говорилось о пределах полномочий этих служащих: «Что такое сибирский заседатель-следователь? Это лицо, которое может всякого заподозрить в каком угодно преступлении и начать обвинять. Но от него же зависит повернуть так или иначе процесс. Он в то же время может отдать подсудимого на обычный суд и расправиться волостным порядком, он же и администратор, поэтому его приказаниям будут повиноваться тотчас, без промедления»⁵³.

Существующая система позволяла полицейским следователям пользоваться большой властью отнюдь не в интересах правосудия. За ними закрепилась самая дурная слава. «Виртуозами вымогательства» назвал их Г. Кеннан⁵⁴. Институт по-

лицейских следователей оказался несостоятельным в качестве органа уголовного возмездия. В Сибири привыкли смотреть на укрывание чинами полиции фактов преступлений за взятки, как на явление вполне обыденное⁵⁵. Зачастую полицейские следователи действовали на руку преступникам, имевшим все шансы скрыть следы преступлений⁵⁶.

Беспорядки в следственной части стали возможными, как справедливо отмечалось в прессе, из-за отсутствия контроля над ее деятельностью⁵⁷. Прокуратура, в соответствии с Судебными уставами осуществлявшая надзор за производством предварительных следствий, в Сибири фактически не имела права вмешиваться в дела полиции. В этом отношении показательна одна из резолюций Тобольского губернского совета, в которой лицам прокурорского надзора было указано на их место: «Губернский прокурор при действующих в настоящее время отношениях его к полиции не может давать полицейским управлениям и чинам их предписаний, а тем менее требовать чинов полиции в свою камеру для личных объяснений»⁵⁸.

Одной из острейших проблем сибирского дореформенного суда являлась волокита. А.И. Деспот-Зенович отмечал, что множество уголовных и гражданских дел в окружных судах не имели движения⁵⁹. По наблюдению корреспондентов «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения», судопроизводство нередко затягивалось на 5–6 лет только в первой судебной инстанции⁶⁰. Томский губернатор в 1884 г. обнаружил в одной из полицейских частей Томска 611 дел, в т.ч. самых важных, по которым не производились расследования в течение восьми лет. Полгода являлись тем минимальным сроком, полагал губернатор, в который могло уложиться следствие в окружных судах⁶¹, а, например, по данным на 1885 г., в производстве Кузнецкого окружного суда находились дела, начатые более пятнадцати лет назад⁶². В этих условиях население часто предпочитало отказываться от услуг судов. Количество дел, поступавших в судебные учреждения, было ничтож-

но малым. Так, в 1880 г. в Томский губернский суд, обслуживающий губернию с населением более миллиона человек, поступило всего 189 гражданских дел⁶³.

Судебные чиновники находились в трагическом положении. До 1885 г. оклады их содержания определялись штатным расписанием от 6 декабря 1856 г. Плохое материальное положение судей, по словам министра юстиции Д.Н. Набокова, «граничившее с нищетой», не стимулировало приток в состав судов компетентных, высоконравственных судебных деятелей⁶⁴. Сибирское население вполне обосновано считало жалование судей ничтожным, понимало, что прожить на него трудно и поэтому с сочувствием относилось к разгулу взяточничества среди местных служителей Фемиды. Сотрудники, как правило, имели низкую профессиональную подготовку. Сибирские обыватели говорили о судьях, что они «не только ничего не понимают в законах, но даже народ малограмотный»⁶⁵.

Попытки привлечь на судебную службу опытных юристов заканчивались провалом. «Некоторые из приглашаемых лиц в Западную Сибирь, попадая на места окружных судей, – писала одна из газет, – говорят, немедленно подали в отставку, устрасаясь беспорядков, найденных в этих учреждениях»⁶⁶. Против приезжающих юристов плели козни местные чиновники, вынуждая их покидать службу или идти на сделки с собственной совестью. В качестве примера, характеризующего положение порядочного, компетентного судебного деятеля в дореформенной системе правосудия, «Восточное обозрение» приводило факт самоубийства тюменского судьи с высшим образованием, принявшего дела окружного суда. Он, застав делопроизводство в абсолютном хаосе, впал в отчаяние и застрелился⁶⁷.

О недоступности суда для населения, нравственном разложении судебных чиновников красноречиво свидетельствовала ситуация, сложившаяся в Тобольском губернском суде в 1876 г. Исполняющий обязанности председателя этого суда П.А. Вол-

ков, как узнал генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, «не ходил в суд по случаю пьянства, а если и бывал, то в самом пьяном виде, так что не в состоянии держаться на ногах, падал перед просителями». Посетители уходили ни с чем, некоторые больше не приходили, а тех, кто все-таки решался еще раз наведаться в суд, встречала та же картина. Члены судебного учреждения, «пользуясь слабостью председателя», редко посещали место своей работы. Генерал-губернатор отреагировал на эти беспорядки: сначала назначил проведение ревизии Тобольского губернского суда, а затем поручил возбудить уголовное расследование⁶⁸.

Парализовать деятельность судебной системы мог и недостаток отпускаемых из казны средств. Так, «Восточное обозрение» и «Сибирская газета» сообщали, что на ноябрь и декабрь 1882 г. у Томского окружного суда при самом экономном расходовании не оставалось средств на дальнейшее отправление правосудия. Корреспонденту «Восточного обозрения» приходилось лишь восклицать: «Есть ли пределы экономии⁶⁹»?

В связи с объективной потребностью населения в юридической помощи, отсутствием сторон в дореформенном судопроизводстве, недостатком юридически грамотных людей, в Сибири получило развитие «защитничество», характерное для российских архаичных судебных порядков вообще. В Сибири «черная банда», как назвала «подпольную адвокатуру» одна из газет края⁷⁰ («знахари юриспруденции», «аблакатура», «ходатаи по делам», «юриспруденты», «ходоки», «подпольная юриспруденция», «подпольная адвокатура» – так в Российской империи именовали многочисленную, стихийно развивавшуюся, ничем не объединенную категорию лиц, малокомпетентных, незаконно оказывавших в корыстных и неблаговидных целях юридические услуги населению), включала в себя откровенных мошенников, которые в полной мере использовали пороки дореформенного суда в меркантильных, иногда преступных интересах. Корреспондент «Восточного обозрения» указывал, что они – «ловкие аферисты, профес-

сия которых состоит в том, чтобы быть посредниками для взяток. Эти лица, безнравственные и ловкие представители местной казуистики, окончательно деморализовали местные суды и лишили правосудие всякого значения»⁷¹. Другой публицист писал: «В Сибири создалась целая стая ходатаев по делам, громко именующих себя местными адвокатами. Нравственных достоинств и качеств в представителе защиты никто не искал, общество привыкло видеть местного ходатая защитником неправды, не останавливающегося ни перед подлогом, ни перед покражей документа из дела, а нередко и всего дела»⁷².

О безвыходном, беспомощном положении обывателя перед лицом «знахарей юриспруденции» рассказывалось в опубликованном в «Сибирской газете» письме «Адвокатура для бедных». Говорилось, что не знавшие законов сибиряки вынуждались «идти к одному из тех, обыкновенно адвокатов, которые принимают своих клиентов в кабаках». Тот за рубль, «пару пива» и «косушку водки» писал прошение, «но большей частью ободрать обдирал, а ничего не делал, потому что сам ничего не знал и не умел». «Про надувательство и обирание бедных такими адвокатами, – констатировал корреспондент газеты, – всякий может рассказать много самых возмутительных вещей»⁷³. «Дежурства» «ходатаев» в кабаках были характерным явлением для пореформенной России. По информации современного историка А.Д. Поповой, именно эти заведения чаще всего использовали в качестве своих «офисов» нечистые на руку юристы-любители⁷⁴.

Деятельность в качестве «адвокатов» признавалась обществом постыдной, безнравственной. Один из участников обсуждения «Основных положений преобразования судебной части в России», курганский мещанин, выступавший в роли защитника, говоря о своем «несчастье» принадлежать к «юриспрудентам», называл своих собратьев по ремеслу «крючкодеями», «самозванцами-адвокатами», «трутнями»⁷⁵.

Однако в среде сибирских поверенных имелись известные и достойные люди. В 1860-е гг. в качестве адвоката томского купца Б.Л. Хотимского выступал известный революционер-народник В.В. Берви-Флеровский⁷⁶. Благими намерениями руководствовался адвокат-томич, бывший присяжный поверенный округа Киевской судебной палаты В.П. Каргамышев, бесплатно оказывавший юридические услуги людям из слабо обеспеченных слоев населения. В отзыве на письмо «Адвокатура для бедных» он призвал других представителей адвокатского сословия Томска поддерживать его начинание⁷⁷.

В целом, дореформенная судебная система Сибири действовала весьма неэффективно. Она не могла удовлетворить потребностей в правосудии добропорядочных подданных и создавала условия, которыми пользовались преступные элементы для избежания наказаний. В статье «Сибирская уголовщина», помещенной в «Восточном обозрении», рассказывалось о сибирском правосудии: «Следствие в Сибири страшно только на минуту, а потом дела совершенно изменяются. Ловкий и опытный человек даже не боится этих следствий и подсудностей, особенно человек, имевший место и протекцию. За всяким следствием следует преследование, за одним судом следует другой. Где-нибудь найдется смягчение, а не то обеление. Подсудимый при прежних порядках не дремал, а только ухмылялся»⁷⁸. При таком состоянии правосудия суды являлись школой безнаказанности, беззакония. «Полным недоверием... к правосудию и закону» характеризовалось правосознание сибирского населения⁷⁹. Право перестало играть должную роль. «Всякого свежего человека, приезжающего в Сибирь, – констатировал корреспондент «Сибирской газеты», – поражает то пренебрежение к законам и судам, которое высказывается всеми, начиная от крестьянина и кончая высокообразованным человеком»⁸⁰.

В правительственных кругах хорошо сознавали, что сибирская система правосудия находилась в самом бедственном состо-

янии. Мысль о необходимости проведения судебного преобразования в крае волновала руководство. Активным сторонником реформы выступала сибирская администрация. Чиновники пытались привлечь внимание правительства к нуждам края, что сближало их с либерально настроенной интеллигенцией и, в частности, с областниками. С Н.М. Ядринцевым сотрудничал Н.Г. Казнаков⁸¹, которому были близки проблемы сибирского суда. Генерал-губернатор приглашал для работы в судебных учреждениях молодых юристов⁸², постоянно обращался за юридическими советами к А.Ф. Кони и даже сделал ему предложение занять должность тобольского губернатора⁸³. Последовательным приверженцем судебных преобразований являлся и генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, считавший дореформенные судебные порядки «самым больным местом Сибири»⁸⁴. Он полагал, что деятельность судов «граничила с отсутствием правосудия» и придавал первостепенное значение их преобразованию⁸⁵. Д.Г. Анучин признавал край вполне подготовленным к проведению судебной реформы, а его население, как он указывал в телеграмме императору 6 декабря 1882 г., способным «воспринять те великие реформы, которые дарованы России державной волей царя-освободителя»⁸⁶. Один из чиновников, участвовавших в 1882 г. в мероприятии по упразднению генерал-губернаторства Западной Сибири, докладывал министру юстиции: «Судебная реформа более других необходима... Оставить Тобольскую и Томскую губернии в настоящем их положении невозможно». «Крайне необходимым» считал судебное преобразование и томский губернатор, который в 1884 г. отмечал: «Настоящий порядок следствий и суда самым вредным образом отзывается на всей деятельности местной администрации»⁸⁷.

Существовавшая в Сибири судебная система никого не устраивала, а интересы государства и общества требовали ее реформирования. В первой половине 1880-х гг. началась разработка преобразования, которая по времени совпала с периодом са-

мых яростных нападков на новые российские суды, как справедливо указывает современный историк А.В. Ремнев, «с ужесточением критики справа в адрес Судебных уставов 1864 г.»⁸⁸.

Консервативный напор обрушился не только на отдельные судебные учреждения, принципы, но и угрожал всей системе, созданной Судебными уставами. Сложившиеся реалии, отношение правительства к вопросам переустройства сибирской действительности, как делу второстепенному, на время отодвинули осуществление в крае коренной реформы юстиции.

Примечания

1. Цит. по: Гессен И.В. Указ. соч. – С. 12.
2. Корнилов А.А. Курс русской истории XIX в. – М., 1993. – С. 259.
3. Арсеньев К.К. Итоги судебной реформы // Вестник Европы. – 1871. – № 3. – С. 373.
4. См.: Ефремова Н.Н. Указ. соч. – С. 59–60; Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. – Б. м., 1934. – Т. 4. – С. 102; и др.
5. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // СЗРИ. – Т. 15. – Ч. 2. – 1857. – С. 304–344.
6. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129.
7. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда) // Джаншиев Г.А. Сборник статей. – М., 1914. – С. 210; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 37.
8. См.: Блинов И.А. Судебный строй и судебные порядки перед реформой 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. – Т. 1. – Пг., 1914. – С. 31.
9. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа. – Т. 1. – М., 1915. – С. 223.
10. Блинов И.А. Указ. соч. – С. 28.
11. См.: Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова. – С. 517.
12. Обнинский П.Н. Откуда идет деморализация нашей адвокатуры // Обнинский П.Н. Сборник статей. – М., 1914. – С. 195.
13. См.: Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) // История русской адвокатуры. – Т. 1. – М., 1997. – С. 311.
14. Цит. по: Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова. – С. 536.
15. Кони А.Ф. Дмитрий Александрович Ровинский // Кони А.Ф. Избранные произведения. – М., 1980. – С. 328.

16. Аксаков И.С. Сочинения. – Т. 4. – М., 1887. – С. 525.
17. Фойницкий И.Я. Указ. соч. – Т. 1. – С. 42.
18. Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М., 1991. – С. 130.
19. Гессен И.В. Судебная реформа. – С. 142.
20. Чубинский М.П. Указ соч. – С. 200.
21. См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. – СПб., 1863. – С. 10–11, 90, 104–106, 109; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. – СПб., 1863. – С. 31; Соображения особого отдела комиссии, высочайше утвержденной для работ по преобразованию судебной части, по предложениям главных местных начальств и должностных и частных лиц Сибирского края, о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части в Сибири. – Б. м., [1867]. – С. 5–10.
22. Соображения особого отдела... С. 19.
23. См.: Арефьев Н. Указ. соч. – С. 50; Соображения особого отдела... С. 34–37, 52–53.
24. Соображения особого отдела... – С. 29, 42.
25. Шахерова С.Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1885–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. – С. 14.
26. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4а. Л. 1 об.
27. Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 26 июля.
28. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4а. Л. 1 об.
29. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 121; РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 2.
30. Чечелев С.В. Некоторые вопросы... – С. 106.
31. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 3. – СПб., 1867. – С. XL.
32. В 1878–1883 гг. судебная реформа проводилась в Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Киевской, Волынской, Минской, Могилевской, Подольской губерниях; в губерниях Уфимской, Оренбургской, Астраханской, устанавливались мировые суды отдельно от общих (См. например: Ефремова Н.Н. Указ. соч. – С. 94–97).
33. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 1.
34. См.: Замечания о применении... – С. 34, 50, 88.
35. Анненский Н.Ф. Указ. соч. – С. 166.
36. См.: Вологодский П. Указ. соч. – С. 1–3; Арефьев Н. Указ. соч. – С. 48–49.
37. Орлов А.И. Мысли об учреждении в Тобольске юридического общества // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. – Тюмень, 2004. – С. 485–488.

38. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии... – С. 228.
39. ГАТО. Ф. Ф-292. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.
40. См.: Альтшуллер М.И. Земство в Сибири. – Томск, 1916. – С. 42; Восточное обозрение. – 1882. – 1 апреля; 15 июля; 30 сентября; 1885. – 13 июня; Корнилов А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. // Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. – СПб., 1912. – С. 7–8; Сибирская газета. – 1881. – 5 апреля; Сибирь. – 1876. – 21 марта; 1877. – 17 июля; и др.
41. См. например: Корнилов А. Указ. соч. – С. 9; Ядринцев Н.М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 г. // Вестник Европы. – 1881. – № 12. – С. 846.
42. Цит. по: Альтшуллер М.И. Указ. соч. С. 42.
43. Ядринцев Н.М. Трехсотлетие Сибири. С. 847.
44. Цит. по: Сесюнина М.Г. Потанин Г.Н. и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества. – Томск, 1974. – С. 101.
45. Сибирь. – 1877. – 17 июля.
46. Арефьев Н. Указ. соч. – С. 51.
47. А.К. Указ. соч.
48. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892. – С. 541.
49. См.: Восточное обозрение. – 1882. – 30 сентября.
50. Сибирь. – 1876. – 21 марта.
51. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – С. 541.
52. Гурьев Н.А. Сибирские чиновники былого времени // Сибирский наблюдатель. – 1901. – № 10. – С. 31.
53. Восточное обозрение. – 1883. – 3 марта.
54. Кеннан Г. Сибирь! – СПб., 1906. – С. 238–240.
55. Сибирь. – 1876. – 21 марта.
56. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии... – С. 2.
57. Сибирь. – 1876. – 21 марта.
58. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 1185. Л. 132.
59. См. например: Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии... – С. 301.
60. Сибирская газета. – 1882. – 28 ноября; Восточное обозрение. – 1882. – 15 июля.
61. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107в. Л. 27–28 об.
62. ГАТО. Ф. Ф–237. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.
63. Там же. Ф. Ф–21. Оп. 1. Д. 285. Л. 3 об.
64. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4а. Л. 1 об.
65. Сибирская газета. – 1882. – 28 ноября.
66. Сибирь. – 1877. – 17 июля.

67. Восточное обозрение. – 1882. – 15 июля; 1885. – 6 июня.
68. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 750. Л. 8; Д. 751. Л. 4–4 об., 9–10.
69. Сибирская газета. – 1882. – 28 ноября; Восточное обозрение. – 1882. – 26 августа.
70. Восточное обозрение. – 1884. – 24 мая.
71. Там же. – 1885. – 6 июня.
72. Там же. – 20 июля.
73. Сибирская газета. – 1883. – 18 сентября.
74. См.: Попова А.Д. Деятельность пореформенной судебной системы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1999. – № 5. – С. 46.
75. Замечания о применении ... – С. 107.
76. См.: Рабинович Г.Х. В.В. Берви-Флеровский в Томске // Томску – 375 лет: Сборник статей. – Томск, 1979. – С. 70.
77. Сибирская газета. – 1883. – 2 октября.
78. Восточное обозрение. – 1885. – 16 мая.
79. См.: Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – Тобольск, 1898. – С. 40.
80. Сибирская газета. – 1882. – 28 ноября.
81. См.: Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. – Т. 6-7. Новосибирск, 1983–1986. – С. 300–301; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX в.: Проблемы регионального управления. – С. 62.
82. Восточное обозрение. – 1882. – 15 июля.
83. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. – С. 197.
84. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. – Т. 1. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками Восточного сибирского округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. – Вып. 1. – Иркутск, 1884. – С. 136.
85. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 45, 46 об.
86. См.: Сибирская газета. – 1883. – 9 января.
87. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107в. Л. 2, 26 об.
88. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика... – С. 147.

ГЛАВА II. ЮСТИЦИЯ «ПЕРЕХОДНОГО РЕЖИМА» (СЕРЕДИНА 80-х – СЕРЕДИНА 90-х гг. XIX в.)

1. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1885 г.

Министр юстиции Д.Н. Набоков в начале 1883 г. поднял вопрос о необходимости преобразования сибирской системы правосудия. 20 февраля он предоставил в Государственный совет записку с предложениями «о некоторых изменениях в законах», регламентировавших деятельность судов в регионе. В ней министр указывал на беспорядки в судебных учреждениях и констатировал: «До сих пор не коснулась Сибири ни одна даже из тех предварительных, переходных мер, которые предшествовали учреждению нового суда в губерниях Европейской России»¹.

В записке предлагалось осуществить «хотя бы весьма немногие, наиболее неотложные» меры по усовершенствованию сибирских судебных порядков. При этом Д.Н. Набоков подчеркивал, что проект предполагал введение в крае «временных и переходных» судебных правил². «Переходный режим», в соответствии с планом Министерства юстиции, состоял: во-первых, в установлении института судебных следователей для производства следствий по наиболее важным делам; во-вторых, в реорганизации прокурорского надзора на основаниях, действовавших в регионах, где мировые судебные учреждения вводились отдельно от общих; в-третьих, в «усилении» состава местной юстиции; в-четвертых, в упрощении порядка производства следствий и рассмотрения дел и порядка обжалования решений и приговоров судов; в-пятых, в «незначительном» увеличении жалования судебных чиновников³.

Проект судебного преобразования в Сибири рассматривался в Государственном совете 8 октября 1883 г., 24 марта 1884 г. и

14 января 1885 г.⁴ После обсуждения в Государственном совете предложения Министерства юстиции с незначительными корректировками вошли во «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае», утвержденные 25 февраля 1885 г.⁵

Основой судебной реформы 1885 г. стала комбинация положений нескольких законодательных актов 1860-х гг., в т.ч. так называемых «облегчительных» правил от 11 октября 1865 г., в свое время призванных, по словам Г.А. Джаншиева, внести в дореформенные судебные порядки некоторые «элементы» и «начала нового процессуального строя»⁶. С введением Временных правил дореформенная судебная система Западной Сибири приобрела законченный вид.

Законом 25 февраля 1885 г. упразднились должности губернских, окружных и городских стряпчих, приставов гражданских и уголовных дел при полицейских управлениях Тобольска, Тюмени, Каинска и Томска, столоначальников и секретарей в некоторых окружных судах. Отменялось «присутствование» в окружных судах, «участие» при производстве досудебных следствий по делам о купцах и мещанах представителей от этих сословий. Впервые в Западной Сибири при окружных судах учреждались должности судебных следователей: по одной в большинстве судебных округов, по две в Тобольско-Сургутском, Ишимском, Курганском, Тюменском, Тюкалинском округах и четыре в Томском. Новым стало устройство института прокурорского надзора. В каждом округе вводилось по одной должности товарища прокурора⁷. Вновь устанавливался штат западносибирской системы правосудия (см. табл. 1 приложения). В губерниях учреждалось по губернскому суду и девять окружных судов – в Тобольской, шесть – в Томской.

Окружные суды являлись первой судебной инстанцией по уголовным и гражданским делам, вторую ступень составляли То-

больский и Томский губернские суды. Подсудность окружным и губернским судам определялась мерой наказания, которая могла последовать в соответствии с предъявляемым обвинением, а по гражданским делам – суммой иска. Окружные суды рассматривали уголовные дела, по которым ни один из подсудимых не обвинялся в преступлении или проступке, «влекущем за собой наказание, соединенное с лишением всех прав состояния или с потерей всех либо некоторых особенных прав и преимуществ». По гражданским делам окружными судами решались тяжбы со стоимостью иска, не превышающей 1000 руб. Иск на сумму 30 руб. рассматривался окончательно. Более значимые уголовные дела и гражданские иски ценой более 1000 руб. были подсудны губернским судам. Там же решались дела о ссыльных⁸.

Досудебным следствием занимались полицейские чиновники и учрежденные Временными правилами судебные следователи. За производством следствий наблюдали лица прокурорского надзора. По их предложениям начинали расследования судебные следователи, им обязывались «немедленно» докладывать о своих следственных действиях чины полиции⁹.

Когда следователи считали, что собранные ими сведения о преступлении и преступнике достаточны для вынесения судебного приговора, они направляли следственный материал надлежащему лицу прокурорского надзора. По важным делам прокурор составлял письменное заключение, где излагал обстоятельства дела, и поддерживал обвинение в суде, что и являлось одной из главных новых процессуальных норм. Подсудимому, в соответствии с Временными правилами, председателем суда назначался защитник из состоявших при суде чиновников или из «посторонних лиц». В случае недостатка желающих выступить в качестве заступника подсудимого таковой ему не назначался. На окончательном следствии могли присутствовать не только подсудимые и их защитники, но и посторонние лица, в числе, «позволяющем помещением суда». За нарушение «благопристойности» предсе-

датель суда имел право удалить подсудимого и его поверенного. После выслушивания прокурорского обвинения защитник, если он был назначен, произносил «объяснения», а затем суд выносил приговор, объявлявшийся публично¹⁰.

Как считали чиновники Министерства юстиции, введение прокурорского обвинения, начал состязательности, «изустного разьяснения» в суде наиболее важных уголовных дел, должно было «способствовать правильному их разрешению». Особенности защиты подсудимых связывались с «малолюдством некоторых сибирских городов и недостатком там лиц, могущих с пользой для дела принимать на себя защиту по уголовным делам»¹¹.

По менее важным уголовным делам, рассматриваемым окружными судами, суд, по сути, выступал и обвинителем, и защитником подсудимого. На судебном разбирательстве зачитывалась докладная записка, составленная членом суда и содержащая краткое изложение обстоятельств дела. Подсудимый и его поверенный, имеющие право присутствовать на судебном заседании, по окончании доклада могли лишь «обращать внимание на обстоятельства, уменьшающие вину»¹².

Реформа 1885 г. оставила судебные полномочия за административными учреждениями. Досудебными следствиями занималась полиция. Частные жалобы на окружные суды «на медленность и проволочку» приносились в губернские правления, на губернские суды – в общие губернские управления¹³. Положения последних относительно жалоб на губернские суды, как в июне 1885 г. разьяснил Сенат, считались окончательными и не подлежали дальнейшему обжалованию¹⁴. «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» требовали утверждения приговоров губернаторами по некоторым категориям уголовных дел, в частности, о должностных преступлениях. Губернатор имел право «ходатайствовать о смягчении участи подсудимого» перед министром юстиции и останавливать исполнение приговоров¹⁵. Также Временные

правила, предусматривая возможность исполнения обязанностей товарищей прокурора заседателями окружных судов, смешивали власть прокурорского надзора с судебной¹⁶.

Надзор за судебными учреждениями Западной Сибири принадлежал министру юстиции и, в иерархическом порядке, высшим судебным установлениям за низшими. Председатели губернских судов назначались императором, товарищи председателей, советники губернских судов, губернские прокуроры и их товарищи, председатели и заседатели окружных судов, судебные следователи – министром юстиции. Порядок надзора за судами в Западной Сибири в известной степени выгодно отличался от правил, установленных законом 25 февраля 1885 г. в Восточной Сибири и Приамурском крае, где значимую роль играла власть генерал-губернаторов. Им принадлежала функция надзора за судебными учреждениями и назначения судебных следователей, и заседателей окружных судов¹⁷.

Введение специализирующегося на расследовании преступлений института судебных следователей, реорганизация прокурорского надзора в сторону усиления эффективности его деятельности по изобличению преступников и их обвинению, придание, в условиях слабо гарантированной защиты, обвинительного уклона следствию, свидетельствовало о стремлении царского законодателя повысить силу репрессии сибирской судебной системы. На этот счет недвусмысленно высказался один из современников преобразования, узнавший о проекте судебной реформы. Он писал: «Если наши соображения основательны, то оказывается, что правительство озабочено вопросом, как бы получше обставить уголовное возмездие»¹⁸. Усиление карательного потенциала суда соответствовало общим тенденциям развития судебного законодательства России, но особенно в Сибири, где преступность достигала огромного размаха, было крайне важным осуществление должного наказания преступников. Однако положения Временных правил отлича-

лись непоследовательностью и противоречивостью, не позволяющими в полной мере решать даже те скромные задачи, которые ставились перед сибирской юстицией самодержавием.

Штат учрежденного института судебных следователей – 22 чиновника на всю Западную Сибирь¹⁹ – представлялся весьма незначительным. Сами чиновники Министерства юстиции еще до проведения реформы оценивали это число как «самое ограниченное»²⁰. Деятельность сибирских судебных чиновников не получала должного материального поощрения, т.к. Министерство финансов отказало довести размер их жалования до уровня оплаты труда судебных деятелей в регионах, где действовали Судебные уставы²¹. Следовательно, престижность службы в учреждениях сибирской юстиции не могла быть высокой, что, конечно, не способствовало привлечению на нее опытных чиновников.

Временные правила не изменили основ дореформенного судопроизводства с его нормами о силе доказательств и улики (система формальных доказательств), формальном следствии. Смысл этих судопроизводственных правил состоял в том, чтобы подчинить по возможности все действия судебных чиновников воле закона, лишить процесс влияния пристрастий отдельной личности, связать его наперед установленными, универсальными, стандартными, применимыми к каждому конкретному делу нормами. Потому следователь, начиная расследование, несмотря на индивидуальные особенности дела, порой на его незначительность, обязывался произвести иногда сложные и трудоемкие, в результате часто ненужные, следственные операции и зафиксировать их в материалах дела. Практика проведения формальных следствий в России показывала, что такой порядок приводил к потере скорости судопроизводства, волоките, накапливанию и обрастанию дел «бумагами». Формальное следствие, эволюционировавшее во времена господства розыскного порядка процесса, было чуждым порядку состязательному. Исключительно на материалах, собранных следователем,

судьи могли выносить приговор. Задача досудебного следствия при розыском процессе состояла в установлении фактов как вины, так и невинности подсудимого. По сути, стадия формального следствия являлась в уголовном судопроизводстве решающей, а роль в нем следователя, в дореформенных условиях, как правило, полицейского чиновника, весьма важной.

Судебные уставы значение формального следствия придали следствию окончательному, т.е. только на судебном заседании в условиях состязания сторон выяснялись все, имеющие значимость, нужные для вынесения приговора, обстоятельства дела. Элементы формального следствия на стадии досудебного расследования присутствовали лишь в той степени, в какой на окончательном разбирательстве отсутствовали элементы состязательности. С введением начал состязательности в сибирских судах создалась противоречивая ситуация. Досудебное формальное следствие осталось в полном объеме, и оно же стало присутствовать на окончательном следствии. Если бы реформа 1885 г. действительно установила в судах порядок состязательности, то отпадала необходимость в проведении в полном объеме досудебного формального следствия, если признавалась нужда в последнем, то теряли смысл прокурорское обвинение и все введенные механизмы состязательности.

На противоречивость преобразования указывало оставленное в неприкосновенности положение о формальных доказательствах. Судья не имел права определять значение доказательств и улик в соответствии со своим внутренним убеждением. Приговоры по уголовным делам, как фиксировалось «Законами о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», основывались «на существо доказательств и на точном разуме законов, а не на едином лишь судебском рассуждении»²². В таких условиях выяснение обстоятельств дела в состязании сторон, призванное склонить судью к принятию решения, устность и гласность судопроизводства не имели смысла.

Современники судебной реорганизации 1885 г. считали ее незначительной. Как писал П.В. Вологодский, по отношению к ней слово реформа было принято заключать в кавычки²³. Судебные чиновники разных уровней, представители сибирской общности называли судебное переустройство «полуреформой», «полумерой», «слабой попыткой к реформе», «мерой малосильной», «так называемой у нас реформой»²⁴. Некоторые должностные лица, не дожидаясь результатов реформы, сразу включили ее в разряд неудачных. В своем отчете за 1885 г. томский губернатор указывал, что преобразование «не могло оказать особенно благоприятных последствий»²⁵.

В отдельных газетных публикациях с осторожностью говорилось о положительном значении реформы 1885 г. В «Сибирском листке» указывалось, что она «принесла известную долю пользы в делах правосудия»²⁶. Преобразование внесло «свежую струю в затхлую, удушливую атмосферу допотопных судебных порядков», утверждалось в «Томском листке», что напрямую связывалось с «обновлением» прокурорского надзора и следственной части, а также с приездом в край людей с юридическим образованием²⁷. О появлении в 1885 г. лиц с юридической подготовкой говорил в речи, посвященной проведению в Сибири судебной реформы на основе Судебных уставов в 1897 г., директор училищ Тобольской губернии П.И. Панов²⁸.

Действительно, чиновники Министерства юстиции позаботились, чтобы с реализацией Временных правил 25 февраля 1885 г. привлечь в судебные учреждения Сибири судебных деятелей из других регионов. Около 30% назначенных приказом от 1 октября 1885 г. министром юстиции на вновь установленные в Западной Сибири судебные посты чиновников переводились из Европейской России и Степного края. Курс правительства на усиление институтов преследования и обвинения обозначился и в отношении распределения лиц, приезжающих из других частей страны, по судебным должностям. В основном,

ими замещались должности учреждений прокурорского надзора и судебных следователей, тогда как штаты самих судов менялись мало (см. табл. 2 приложения).

Привлечением новых, более квалифицированных судебных деятелей, прежде всего, определялось значение преобразования 1885 г. Вместе с тем его реализация стала проявлением изменений в отношении самодержавия к Сибири. Высшие чиновники империи, наконец, обратились к проблемам сибирского правосудия. Значимость реформы заключалась и в том, что она являлась последним испытанием дореформенной судебной системы на жизнеспособность и становилась, в этом смысле, важным этапом на пути к дальнейшим преобразованиям суда. Незначительная по содержанию, она, по справедливому замечанию министра юстиции Н.В. Муравьева, «принесла большую пользу судебному делу уже тем, что подготовила почву и отчасти людей» к будущей реформе на основе Судебных уставов²⁹.

Закон 25 февраля 1885 г. мало учитывал потребности западносибирского региона в юстиции. Обвинительный уклон судопроизводства мог только пагубно сказаться на справедливости правосудия. Из Временных правил следовало, что суды в Сибири устанавливались как правоохранительные органы. Придание правоохранительных функций юстиции было одним из направлений судебной контрреформы в России. Преобразование сибирского суда совпало по времени с периодом самых неистовых атак на учрежденную Судебными уставами судебную систему. В правительственных кругах вынашивались планы коренного пересмотра положений судебного законодательства. В этом отношении показательное содержание записки, направленной К.П. Победоносцевым императору в 1885 г. Обер-прокурор среди прочего указывал на необходимость ликвидировать независимость суда, «ввести судебные установления в общий строй государственных учреждений», поставить под контроль деятельность адвокатуры, тем самым, ограничив

«адвокатский произвол», шире применять начала заочности судопроизводства, «отделаться» от суда присяжных³⁰. Во времена, когда подобные мероприятия планировали самые влиятельные государственные деятели империи, не могло быть и речи о реализации передовых начал судопроизводства в Сибири.

Кроме того, изменения судебных порядков в русле контрреформ к моменту разработки проекта преобразования в сибирском регионе только начинали давать свои плоды. Например, с 1883–1884 гг. стала повышаться сила репрессии суда присяжных³¹. Процесс судебных контрреформ не был доведен до логического завершения, суд еще не до конца приспособился к существующему политическому режиму. Это обстоятельство также способствовало ограниченности реформы 1885 г.

В Сибири ощущался недостаток лиц с юридическим образованием. Малочисленность таковых в России, по мнению современного исследователя Н.Н. Ефремовой, стала «одной из причин поэтапного проведения судебной реформы»³². Действительно, реализация судебного преобразования на основе Судебных уставов в их полном объеме требовала наличия значительного числа образованных людей. Однако при осуществлении реформы суда в России применялись разные варианты уставов Александра II. Существовала возможность допустить отступления от их положений и при распространении на Сибирь, но правительство не пошло на такой шаг. Вместе с тем недостаток людей с образованием не препятствовал изменениям в порядках судебного процесса. Тем не менее, их не было сделано и, скорее, по причине недоверия самодержавия к региону, стремления правительства строго контролировать общественную жизнь края, сковывать самостоятельность его жителей. Этим можно объяснить усиление институтов уголовного преследования и обвинения при закреплении архаичных судебных правил о формальном следствии и системе формальных доказательств, не допускающих ни малейшей возможности проявления инициативы судебными чиновниками.

Непоследовательность реформы 1885 г. вызвана и нежеланием правительства тратить на содержание судов в Сибири. Министр юстиции Д.Н. Набоков говорил о том, что преобразование должно быть «наименее обременительным для казны», как об одном из главных его условий³³. Побуждениями экономии определялась незначительность жалования судебных чиновников, установление судов с заведомо недостаточным штатом.

Временные правила вступили в действие 1 октября 1885 г.³⁴ Таким образом, Западная Сибирь стала одним из последних регионов пореформенной России, до которого дошли судебные преобразования. Проведенная, прежде всего, в охранительных целях, судебная реформа отличалась ограниченностью и противоречивостью. В ней нашло выражение особое отношение самодержавия к краю, отразились тенденции развития судебного законодательства империи. Сущность архаичных судебных порядков изменилась мало, их недостатки, как показала деятельность юстиции после реализации преобразования, не ликвидировались.

2. СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАКАНУНЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ УСТАВОВ 1864 г.

В истории вопроса о преобразовании сибирской дореформенной системы правосудия в 1885–1897 гг. выделяется два периода. До 1892 г. в правительственных кругах о реформе суда, функционировавшего на основе Временных правил 25 февраля 1885 г., основательно забыли. Результатом проведенной в 1892 г. по поручению министра юстиции Н.А. Манасеина под руководством обер-прокурора первого департамента Сената П.М. Бутовского ревизии судебных учреждений Западной Сибири стало осознание необходимости коренной реорганизации юстиции края.

Деятельность системы правосудия после 1885 г. показала несостоятельность судебной реформы. Причем в бедственном состоянии оказались институты, призванные, как рассчитывали правительственные чиновники, усовершенствовать правосудие. Перестроенная следственная часть, вновь учрежденная система прокурорского надзора не могли в полной мере решать возложенные на них задачи.

Скоро выяснилось, что «усиленный» следственный аппарат, вновь образованная система прокурорского надзора действовали неэффективно. Судебные следователи и чиновники полиции не справлялись с нагрузками. В Томской губернии в 1886 г. накопилось 6707 неоконченных следствий. Эту цифру томский губернатор характеризовал как «громадную»³⁵. В Тобольской губернии в том же году было зафиксировано 6465 нерешенных дел³⁶. В дальнейшем в Томской губернии положение исправилось. Около 4700 неоконченных расследований находилось в производстве в 1892 г.³⁷ Но в Тобольской губернии волокита достигла огромных размеров: П.М. Бутовский, проводя ревизию, обнаружил не менее 18000 незавершенных следствий³⁸. Отдельные дела находились в производстве до семнадцати лет³⁹. Вместе с тем выявленные в ходе ревизии цифры неоконченных следствий являлись меньшими, чем в действительности, поскольку имела место практика фальсификации, сокрытия данных. Например, в 1893 г. тобольский губернский прокурор С.Г. Коваленский при проверке делопроизводства одного из земских заседателей Ишимского округа выявил 1023 дел, вместо 79, на наличие которых в отчетных ведомостях указывал полицейский чиновник⁴⁰.

Следственные проволочки сопутствовали деятельности судебных следователей. В Тобольской губернии к 1 сентября 1886 г. у них в производстве находилось 180 неоконченных следствий, к 1 сентября 1887 г. – 438⁴¹, а в 1892 г. – около 1400⁴². В среднем по 108 незаконченных расследований приходилось на одного чиновника в 1892 г. При самых благоприятных условиях и напряже-

нии всех сил следователи в Европейской России успевали рассмотреть 140 дел ежегодно⁴³. Без малого год был необходим следователям Тобольской губернии, чтобы расследовать только залежавшиеся дела.

Одной из причин волокиты стала малочисленность судебных следователей. «Совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» считали их количество представители местного административного и судебного ведомств⁴⁴. Негативно сказывалось отсутствие четкого определения круга занятий судебных следователей. При подготовке реформы 1885 г. предполагалось возложить на них расследование наиболее важных преступлений. В своей инструкции тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель называл этих чиновников «как бы следователями по особо важным делам»⁴⁵. Однако на практике судебные следователи зачастую рассматривали незначительные уголовные дела, а полицейские чиновники расследовали серьезные преступления. Так, в Тобольской губернии в 1887 г. чины полиции провели 75% следствий по делам, подсудным губернским судам, а 25% от всего количества решаемых судебными следователями дел подлежали разбирательству в окружных судах⁴⁶.

Вообще, регламентация деятельности института судебных следователей отличалась противоречивостью, указывающей на отсутствие определенной позиции у судебных чиновников относительно места этого учреждения в системе правосудия и его возможностей. Тобольский губернский суд 9 апреля 1886 г. распорядился впредь не приглашать судебных следователей для пополнения присутствия окружных судов, т.к. их число ограничено и «они всегда должны быть заняты исключительно производством следствий»⁴⁷. 23 июня 1890 г. губернский суд, запретив пополнять состав окружных судов чинами полиции, предписал включать в число членов суда судебных следователей⁴⁸. Министр юстиции Н.А. Манасеин, не обращая внимания на чрезмерность объема следовательской работы, 19 марта 1888 г. рекомендовал переда-

вать на рассмотрение судебных следователей «возможно большее число» дел⁴⁹.

Множество следствий и после реформы 1885 г. производили чины полиции. Эти, по выражению товарища председателя Тобольского губернского суда Н.П. Геллертова, «жрецы правосудия в полицейском мундире»⁵⁰ зарекомендовали себя с наихудшей стороны. Максимальная нагрузка по проведению досудебных расследований легла на местных земских заседателей (заседателя за широкие полномочия сибирские крестьяне называли «баринном»⁵¹). Для них обязанность проведения следствий не являлась главной, и они не могли уделять ей достаточно времени. Так, один из западносибирских заседателей только шесть дней в месяц занимался рассмотрением следственных дел, посвятив остальное время другим занятиям⁵². Кроме того, полицейских чиновников активно привлекали к отправлению правосудия в качестве членов окружных судов, и связывалось это с недостатком последних должностных лиц⁵³. Такой порядок находился в явном противоречии с принципами справедливого судопроизводства, отрывал чинов полиции от исполнения основных обязанностей, делая их административную деятельность менее эффективной. Тобольский губернатор Н.М. Богданович указывал в своем всеподданнейшем отчете за 1894 г., что участие полицейских чиновников в судебных делах действовало «в ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния»⁵⁴.

Вместе с тем полицейские следователи не обладали должной квалификацией. На момент проведения ревизии П.М. Бутовским среди 54 чинов полиции Тобольской губернии ни один не имел юридического образования, немногие окончили курс гимназии, образование некоторых ограничивалось «домашним воспитанием», а их нравственный уровень, как указывал обер-прокурор, был чрезвычайно низким. Из-за большой текучести кадров полицейские следователи зачастую не успевали ознакомиться с принятыми следственными делами. С 1889 г. по 1 августа 1892 г. в То-

больской губернии 54 должности чинов полиции занимали 170 лиц. Причем за этот период в четвертом участке Тюмени сменилось 7 чиновников, во втором участке Ялуторовска – 6, во многих участках по 5⁵⁵.

Полицейские следователи нередко пренебрегали своими обязанностями, нарушали процессуальные правила. Они не являлись по вызову судебных следователей, оконченные дела отправляли не соответствующему лицу прокурорского надзора, а в суд или в полицейское управление⁵⁶, часто поручали проведение расследований своим малограмотным письмоводителям, приглашали в качестве экспертов по сличению подчерков почтальонов, писарей⁵⁷.

Для деятельности полицейских чиновников были характерны злоупотребления, незаконные действия. В 1888 г. товарищ прокурора по Каинскому уезду неоднократно обращал внимание томского губернского прокурора на ставшую обычной практику утаивания земскими заседателями следственных дел под наименованием дознаний⁵⁸. В ходе ревизии начала 1890-х гг. выяснилось, что подобными способами злоупотребляли все без исключения полицейские чиновники Тобольской губернии⁵⁹. Иногда чины полиции, стремясь улучшить показатели своей работы, занижали действительные цифры нерасследованных преступлений⁶⁰, по их общему признанию, отказывались возбуждать уголовные дела по жалобам населения⁶¹, а, заводя следствия, не принимали мер к их завершению⁶². В среде полицейских чинов, указывал П.М. Бутовский, получило распространение взяточничество. В 1889–1892 гг. в Тобольской губернии были уволены со службы 13 полицейских, 7 из которых были осуждены⁶³.

Полицейские следователи оказались неспособными результативно бороться с преступностью, наоборот, часто позволяли преступникам оставаться безнаказанными, скрывать следы преступлений, что не могло не сказаться на отношении к ним со стороны населения. В отчете за 1886 г. томский губернатор конста-

тировал: «Благонамеренные люди не питают к полицейским чинам, производящим следствия, того необходимого доверия, каким пользуются всюду чины новых судебных учреждений, а злонамеренные видят в них людей, с помощью которых они всегда имеют возможность избегнуть кары за свои преступления путем обмана или подкупа»⁶⁴. Вообще, судебные деятели давали исключительно негативные оценки полицейскому следствию. С.Г. Коваленский считал его главнейшим пороком системы правосудия⁶⁵. П.М. Бутовский приравнивал поступление сообщения о совершенном преступлении чину полиции к «началу гибели дела»⁶⁶.

Административные и судебные чиновники, считая дальнейшее сохранение у полиции обязанностей проведения досудебных следствий неприемлемым, выступали за передачу этих функций судебным следователям. Председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращеневский и тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель, сразу после реформы 1885 г. заявив о том, что полицейское следствие «гибельно» отражается на отправлении правосудия, предложили изъять расследование преступлений из компетенции чинов полиции⁶⁷. Настаивали на этом тобольский и томский губернаторы. Последний предлагал осуществить данную меру, невзирая на то, что следственный аппарат Томской губернии, как показали результаты ревизии 1892 г., находился в состоянии, по словам П.М. Бутовского, «неизмеримо лучше, чем в Тобольской губернии»⁶⁸. В целом, состояние досудебного следствия Западной Сибири признавалось неудовлетворительным. «Дальнейшее оставление следственной части в тех условиях, в которых она находится в настоящее время, – признавал обер-прокурор, – должно быть приравнено к отказу от правосудия»⁶⁹.

Одной из главных причин бедственного положения институтов досудебного следствия, по мнению членов комиссии, ревизовавшей западносибирскую систему правосудия, являлось отсутствие должного надзора за их деятельностью со сто-

роны прокурорских работников⁷⁰. Казалось бы, в 1885 г. лица прокурорского надзора наделялись широкой властью. И сибирякам сотрудник прокуратуры представлялся одной из самых могущественных фигур среди местных чиновников. «Прокурор все может, коли захочет, – говорили крестьяне, – даже барина сместить может»⁷¹. На практике возможности прокурорского надзора оказались ограниченными. Ощущался острый недостаток числа товарищей прокурора, разграничение прокурорских участков проводилось нерационально, вознаграждение за их труд было невысоким, но даже из своего скромного жалования они зачастую выделяли деньги, чтобы восполнить недостаток отпускаемых казенных средств на расходы своей канцелярии⁷². Порой из-за недофинансирования товарищи прокурора не имели возможности выполнять свои служебные обязанности. К примеру, в 1888 г. у товарища прокурора Каинского округа отсутствовали средства на объезд участков земских заседателей с целью ознакомления с их делопроизводством⁷³.

Округа товарищей прокурора совпадали с административными округами губерний. Чиновников Министерства юстиции не озадачивало то обстоятельство, что численность населения в округах различалась, следовательно, различалось число возникавших там уголовных дел. В результате отдельным товарищам прокурора, по словам К.Б. Газенвинкеля, было «делать нечего», поскольку дел поступало немного, тогда как большинству других, чрезмерно обремененных работой, требовалась «немедленная помощь»⁷⁴. К числу последних П.М. Бутовский относил барнаульского товарища прокурора, в производстве которого обнаружилось огромное количество дел – 1600⁷⁵.

Нигде в России прокуроры настолько не обременялись работой, как в Сибири. Труд местных сотрудников прокуратуры публицист Н. Арэфьев называл «прямо варварским трудом»⁷⁶. Их количество явно не соответствовало объему прокурорской работы. Чиновники Министерства юстиции признавали число сибир-

ских товарищей прокурора «ничтожным»⁷⁷, недостаточным считал его и П.М. Бутовский, который, указывая на трагическое положение этого института, констатировал: «Прокуратура Тобольской губернии, заваленная непомерным трудом, превосходящим все, что я когда-либо видел за всю мою свыше тридцатилетнюю службу в судебном ведомстве, обречена на безмолвное созерцание следственной части»⁷⁸.

После преобразования 1885 г. судебные учреждения с формальной стороны функционировали удовлетворительно, но качество их работы, особенно окружных судов, вызывало серьезные нарекания. В дореформенном уголовном процессе им отводилась незначительная роль. По сути, дело решалось на стадии досудебного следствия. В центр же внимания чиновников судов было поставлено не существо подлежащего их рассмотрению вопроса, а бумажное действие, оставлявшее след в решении вопроса. Система формальных доказательств и формальное досудебное следствие сводили к минимуму возможность проявления чиновниками самостоятельности. Важнейшим качеством судебного служащего являлись не широта его познаний, не уровень квалификации, а исполнительность, способность следовать предписанным нормам. Вследствие этого правительство не заботила проблема укомплектования штатов судов.

Условия для привлечения на судебные должности грамотных и достойных людей не создавались. В учебных заведениях давно не преподавались применявшиеся в Сибири нормы судопроизводства, а приезжавшие в край судебные деятели лишь на месте узнавали об их существовании⁷⁹. С.Г. Коваленский связывал отсутствие лиц с юридической подготовкой на судебных постах с тем, что работа судей «ничем не оплачиваема»⁸⁰. Низким жалованием судей, «колоссальностью» их труда объяснял Н. Арэфьев отказ специалистов-юристов замещать сибирские судебные должности. Судьи, решившиеся приехать из Европейской России в Сибирь, стремились вернуться обратно⁸¹. В результате некото-

рые члены судов были юридически безграмотны⁸², отдельные не имели никакого образования⁸³, а на судебные места назначались, по мнению чинов Министерства юстиции, «непригодные лица»⁸⁴.

Чиновники судов не отличались нравственными качествами. Безнравственностью, готовностью пренебрегать своими обязанностями, выделялся состав Ишимского окружного суда. Двое из трех его заседателей не выходили из «запоев», являлись на службу пьяными, валялись на улицах. Один из заседателей прислуживал купцам во время ярмарок⁸⁵. Окружной судья Ф.И. Григорьев заставлял подчиненных «совершенно голословно» составлять отчетные ведомости⁸⁶. Вскоре его обвинили в растрате и отстранили от должности. Против назначенного на его место судьи, ставшего негодным старому составу суда, плелись интриги⁸⁷.

По общему отзыву судебного и административного начальства, в сибирских судах ощущался штатный дефицит⁸⁸. Однако предлагаемые ими способы исправления положения ограничивались теми, которые не приводили бы «к испрошению кредитов из средств государственного казначейства»⁸⁹. Нехватка судей привела к практике пополнения состава окружных судов чинами полиции⁹⁰, судебными следователями⁹¹, возложения обязанности докладов дел на секретарей суда⁹². Судейские чиновники нередко привлекались к исполнению прокурорских обязанностей, что в некоторых случаях вынуждало останавливать работу органов юстиции. Такая ситуация сложилась в 1886 г. в Мариинском окружном суде. Один из его заседателей по поручению губернского прокурора действовал в качестве товарища прокурора, другой заболел, и в результате, по словам председателя Томского губернского суда, стало «невозможно составлять по делам заседания»⁹³.

Законом от 25 февраля 1885 г. в сибирское судопроизводство вносились элементы состязательности, следовательно, возрастала необходимость в поверенных. Однако преобразование отличалось противоречивостью: вопрос об официальном учрежде-

нии адвокатуры в Сибири не ставился, а значит, роль защитников в суде продолжали играть случайные люди. Сотрудник «Северного вестника» Н. Арефьев писал, что и после реформы среди них «преобладающим контингентом по-прежнему являлись разные проходимцы»⁹⁴. Один из немногочисленных тогда сибирских адвокатов-специалистов В.П. Картамышев подверг преобразование конструктивной критике. Правосудие, по его мнению, мало изменилось: следствие проводили безграмотные полицейские чиновники, судили постоянно пьяные заседатели, а население оставалось в плену бесчисленных «ходатаев», большинство которых являлись ссыльными преступниками⁹⁵.

Состав «подпольной адвокатуры» в разных частях Сибири был примерно одинаков. В иркутском «Восточном обозрении» он описывался так: уволенные за «плутни» канцеляристы, штрафованные чиновники, отставные военные, выгнанные со службы полицейские, завсегдатаи кабаков, высланные по уголовным делам. Последняя категория представлялась наиболее многочисленной и влиятельной. Попавшие в Сибирь не по своей воле уголовники раскрывали здесь все свои способности и разворачивали бурную деятельность по оказанию «помощи» сибирякам, а новые условия этому благоприятствовали. Необходимость выживания в суровом крае, снисходительное отношение к сосланным со стороны местной администрации, опыт юридического характера, приобретенный во время предварительного следствия и скитаний по этапу – все это в союзе с «наглостью и страстью к кляузничеству», по мнению корреспондента газеты, являлось факторами, стимулировавшими занятия новоиспеченных «юриспрудентов». Они быстро забывали свои прошлые дела и начинали заниматься поиском клиентуры, дачей советов и написанием «гумаг»⁹⁶.

Кроме «кабацких», известен еще один тип «аблакатов», названных современниками «хлестаковыми от правосудия», которые, не имея образования и юридических знаний, делали акцент на внешние атрибуты профессии: солидная наружность, благо-

пристойная обстановка в кабинете, выставленная на показ в шкафах юридическая литература. Такие лица имели состоятельную клиентуру и немалый доход, но именно их активность была более опасной для сибирского населения и нежелательной для квалифицированной адвокатуры⁹⁷.

В середине 1890-х гг. один из судебных следователей Тобольской губернии целенаправленно собирал информацию о «ходатаях» и пришел к выводу, что в основном в их состав входили ссыльные из категории бывших чиновников, которым закон вообще запрещал оформлять юридические документы⁹⁸. Во всеподданнейшем отчете за 1893 г. томский губернатор сообщал о происхождении и деятельности «подпольных юрисконсультов». Оказавшиеся в Сибири представители интеллигенции, писал он, «не имея никаких средств к своему пропитанию, направляют всю свою преступную деятельность на эксплуатацию местных жителей путем шантажа, подпольной адвокатуры, подговором темного несведущего люда к подаче неосновательных, кляузных прошений и жалоб, а также посредством разного рода мошеннических проделок»⁹⁹.

Активность «подпольных адвокатов», считали сибирские правоведаы, сводила на нет престиж адвокатской профессии, способствовала складыванию подозрительного и презрительного отношения к квалифицированным поверенным. Юристы-самозванцы компрометировали последних своими трактовками действовавшего законодательства, посягая на самое святое для каждого юриста-профессионала. «Знахари юриспруденции», по едкому замечанию корреспондента «Сибирского вестника», брались «толковать законы и толковали их так, как, может быть, старый деревенский дьячок истолковал бы учение Фихте о субъективности наших знаний»¹⁰⁰. Судебный процесс с участием «аблакаты» сводился к следующему: «Ходатай торгует собой, перебегает с одной стороны на другую, два ходатая изобличают друг друга в плутовстве, в подлогах, и никто не может разобрать, кто из

них чист, так как оба они – один другого чернее». Последствия деятельности «подпольных адвокатов» выражались в «разорении легковерных, заключении безвинных в каталажки и тюрьмы», возбуждении ненужных уголовных и гражданских дел¹⁰¹.

Арсенал способов, с помощью которых «адвокаты» обманывали малограмотное население, был, видимо, широк. О мошеннических операциях одного из «ходатаев по делам» докладывал в 1893 г. Н.М. Богдановичу С.Г. Коваленский. Этот «защитник», получив заранее установленную плату, на заседание суда не явился, но гонорар вернуть отказался. В другом эпизоде его клиентами стали и истец, и ответчик одновременно, и он, войдя в сговор с одним из них, действовал в ущерб другому¹⁰².

В годы функционирования юстиции «переходного режима», с появлением квалифицированных юристов, некоторым изменением задач судебной организации наметились попытки борьбы с «подпольной адвокатурой». Хотя архаичная сибирская юстиция по-прежнему строилась таким образом, что позволяла правоведам-самозванцам иметь свой сомнительный доход, он добывался труднее и труднее, в схватках с администрацией и судебским сообществом. Так, в округе Ишимского окружного суда сложилось весьма вольно обращавшееся с правосудием братство из председателя суда, заседателей и водившего с ними дружбу и обдeldывающего совместные «дела» «подпольного адвоката» из ссыльных Родзянко. Когда на место отстраненного председателя назначался новый судья, он запретил Родзянко посещать суд, на что «аблакат» ответил доносами в вышестоящие инстанции. Как отмечал П.М. Бутовский, подобное состояние дел было свойственно всей сибирской юстиции, он констатировал «безысходное положение, в которое поставлены свежие судебные деятели, попавшие в среду сибирских судов»¹⁰³. Известны случаи решительной и результативной борьбы с адвокатами-мошенниками. Одного особенно деятельного «ходатая по делам» выслали из

Канска в Нарым, другого подвергли непродолжительному тюремному заключению¹⁰⁴.

Карательная машина, каковой намеривались сделать сибирский суд правительственные чиновники в ходе судебной реформы 1885 г., таким образом, давала серьезнейшие сбои. Должной уголовной репрессии она не обеспечивала. По информации Министерства юстиции, незначительные преступления и проступки в Сибири по-прежнему не преследовались¹⁰⁵, но и самые дерзкие преступления, по словам министра юстиции Н.В. Муравьева, оставались «весьма часто безнаказанными и нерасследованными»¹⁰⁶. «Суд не служит угрозой для преступников и защитником для обиженных и угнетенных»¹⁰⁷, – говорилось в одной из министерских аналитических записок о репрессивном потенциале сибирской системы правосудия.

Сибиряки игнорировали судебную организацию. П.М. Бутовский считал случаи обращения населения в суды «исключительными». «Обыкновенно к нему обращаются только люди, – писал обер-прокурор, – хорошо изучившие судебную волокиту, причем они пользуются судом в личных видах, нередко обращая его в орудие мести»¹⁰⁸. Тобольский губернатор докладывал императору, что крестьяне предпочитали иметь дело с волостными судами, нежели с общими судебными учреждениями¹⁰⁹. «Сибиряк, коренной или пришлый, – констатировали правительственные чиновники, – почти не пользуется судом»¹¹⁰.

Местные жители, видя бездеятельность судебных органов и безнаказанность злоумышленников, находили способы самостоятельно осуществлять уголовное возмездие. Самосуд стал повседневностью и получил широчайшее распространение в крае. Членов комиссии, командированной в 1892 г. для проведения ревизии западносибирской юстиции, потрясала беспощадность расправ с преступниками. С.Г. Коваленский отмечал, что в регионе получил развитие самосуд в «совершенно дикой и зверской форме»¹¹¹. «Полное недоверие к репрессивной дея-

тельности судебных учреждений, – указывал П.М. Бутовский, – вызывает случаи возмутительного самосуда, который составляет там обычное явление»¹¹².

Сибиряки не испытывали иллюзий относительно способностей официальной юстиции быстро и качественно рассматривать гражданские иски. С.Г. Коваленский замечал, что «тяжущиеся, изуверившись в возможности своевременного разрешения их споров судом, либо жертвуют своими личными и имущественными интересами, либо для отыскания таких прибегают к способам случайным и совершенно произвольным». «Ненормально редкими» считал губернский прокурор случаи обращения в суд и указывал на «совершенное почти отсутствие в местных судебных установлениях дел гражданских»¹¹³. «Ничтожным» представлялось количество гражданских дел и чиновникам Министерства юстиции¹¹⁴.

Господство дореформенных судебных порядков служило преградой экономическому прогрессу. Беспорядок в организации гражданского судопроизводства отрицательно воздействовал на предпринимательскую деятельность, на приток иностранных капиталов¹¹⁵. Иностранцы принимали меры к тому, чтобы местом суда не была Сибирь, а иностранные страховые компании отказывались страховать речные суда, плавающие по рекам региона¹¹⁶.

Главные пороки сибирской юстиции озвучил в речи в Государственном совете 6 апреля 1896 г. министр юстиции (с 1894 г.) Н.В. Муравьев: «Медленность, волокита, формализм, недостаток личных и материальных средств, бледная, часто вовсе безуспешная деятельность, упущения, беспорядки, иногда даже злоупотребления, крайняя отдаленность и недоступность суда, низкий уровень плохо обставленного личного состава и в результате полное недоверие обывателей к правосудию и закону – таковы преобладающие характеристические черты сибирской юстиции. ...Ее положение близко к бессудию и несправии и совершенно не соответствует достоинству правительственной власти»¹¹⁷.

Авторитарный режим не мог допустить неуважения к власти и пренебрежительного отношения к ее учреждениям со стороны населения. В духе патернализма самодержавие требовало, чтобы подданные чувствовали отеческое попечение с его стороны и ощущали повседневную правительственную заботу о своей безопасности. К концу XIX в. правящие круги уже не смели игнорировать интересы интенсивно развивавшейся Сибири. Край постепенно включался в число регионов, которым уделялось повышенное правительственное внимание. Усиление борьбы с преступностью и ужесточение наказаний злоумышленников, правильная организация гражданского судопроизводства – те задачи, которые царизму предстояло решить незамедлительно.

Еще до проведения П.М. Бутовским ревизии судебных мест принимались меры по улучшению сибирского правосудия. Вообще, по сравнению с предшествующим этапом, трансформация сибирской юстиции «переходного режима» определялась другими акторами и характеризовалась повышенной результативностью. Раньше на развитие вопроса о судебном реформировании в регионе существенное влияние оказывали общественность и административные чиновники, но при этом преобразований суда не проводилось, теперь активнее всех воздействовали на политику модификации правосудия судебные деятели, и благодаря их инициативности судопроизводство и судоустройство в Сибири постепенно совершенствовались.

Изменения второй половины 1880-х – первой половины 1890-х гг. диктовались стремлением поднять судебную ресурсоемкость и повысить эффективность работы сибирского суда, а их направленность заключалась в рационализации судоустройства, в отказе от самых устаревших форм судопроизводства, в увеличении судейских жалования и штата.

Наиболее значимыми преобразованиями в правосудии Сибири стали меры 1886 г. В июне председатель Тобольского губернского суда З.Н. Геращеневский в представлении министру

юстиции предложил разделить губернские суды на два отделения: уголовное и рассматривающее иные дела. Эту инициативу поддержали и чиновники Томского губернского суда¹¹⁸. Безусловно, специализация деятельности отделений судов на разбирательство определенного рода дел казалась более целесообразной. Законом от 17 ноября 1886 г. министру юстиции предоставлялось право дробить губернские суды Западной Сибири на отделения¹¹⁹.

Представлялась насущной ликвидация архаичных правил о силе доказательств и улик (системе формальных доказательств), формальном следствии. 12 июня 1886 г. принимается закон о преобразовании порядка управления в Туркестанском крае, 12-я статья которого предполагала отмену норм о формальных доказательствах¹²⁰. Председатель Томского губернского суда Е.Ю. Баршевский запросил Министерство юстиции «разрешить вопрос о том, относится ли эта статья высочайшего повеления ко всем местностям, где действует старое судопроизводство». Министр юстиции ответил, что она касается всех регионов империи, и Сибирь не является исключением¹²¹. С тех пор в России вердикты судей базировались «на точном разуме законов и на существовании собранных по делу доказательств и улик, сила и значение коих определялись по внутреннему убеждению». При этом «оставление в подозрении» впредь не допускалось, а приговоры могли быть вынесены только об оправдании подсудимого, освобождении от суда или наказании виновного¹²². Именно с того времени, как писал в 1904 г. председатель Тобольского окружного суда П.Е. Маковецкий, перестали «подозревать» на пространстве всей империи¹²³.

Мера 12 июня вызвала достаточно широкий общественный резонанс. Сибирские юристы выразили к ней самое положительное отношение, в местной прессе ее характеризовали как «коренной переворот» и «реформу»¹²⁴. Данное процессуальное изменение представлялось прорывом в области правосудия и ступенью

к проведению коренной судебной реформы в регионе¹²⁵, оно, по мнению П.Е. Маковецкого, являлось «единственной светлой точкой на темном фоне старых судебных порядков»¹²⁶.

Отмена системы формальных доказательств – это преобразование огромного историко-юридического значения, правда, когда его осуществляли в процессе ликвидации норм дореформенного судопроизводства при замене их процессуальными правилами, основанными на началах Судебных уставов. Недаром знаменитый русский юрист А.Ф. Кони считал основным началом судебной реформы 1864 г. отмену положений о силе доказательств и улик¹²⁷. Реализация в Сибири правила о внутреннем убеждении могла дать положительные результаты лишь в случае ее осуществления в комплексе с другими изменениями уголовного судопроизводства. Было необходимо в полной мере осуществить принципы состязательности, гласности, устности судебного процесса, ликвидировать досудебное формальное следствие, начала заочного разбирательства дел, повысить квалификацию судей. Иначе внутреннее убеждение теряло смысл и могло привести к негативным последствиям. Судебные чиновники, лишённые простора в применении правил об «оставлении в подозрении» и возможности ссылаться на предписанные теоретиками системы формальных доказательств нормы, попали в затруднительное положение. С одной стороны, они обязывались прийти к заключению о виновности или невиновности подсудимого, с другой, процессуальные механизмы дореформенной юстиции не позволяли им в должной мере сформировать свое внутреннее убеждение. Работники судов не имели возможности заслушивать свидетельские показания, их решения не основывались на состязании сторон, в общем, не действовал принцип непосредственности оценки свидетельств. На это указывал в 1892 г. известный сибирский судебный деятель П.В. Вологодский: «Судьи руководствовались своим "внутренним убеждением" при оценке записей следователя, в громадном большинстве случаев – полицейского чиновника о до-

казательствах и уликах, а не самими доказательствами и уликами, непосредственно виденных и слышанных судьями»¹²⁸.

Следствием противоречивости регламентации уголовного процесса стали медленность рассмотрения дел, нередкие ошибки при вынесении приговоров. Судебные чиновники вынуждались посылать материалы формального следствия на доследование, порой затягивая судопроизводство на несколько лет¹²⁹. Часто плохо расследованные полицейскими и судебными следователями дела, писал С.Г. Коваленский, «ложились без проверки в основание постановляемых судами приговоров», которые оказывались «неправильными по существу», несоответствующими «требованиям справедливости»¹³⁰. Н.В. Муравьев считал принципиально «невозможным» вынесение правильных вердиктов, поскольку материалы формального следствия поступали в сибирские суды в неудовлетворительном состоянии¹³¹. Даже Томский губернский суд, в состав которого входили лучшие сибирские судебные деятели, принимал неверные решения¹³². Приговоры многих окружных судов не мотивировались¹³³ или, как обнаружил в 1892 г. П.М. Бутовский в Барнаульском окружном суде, их вообще не обосновывали¹³⁴.

Судебная реформа 1885 г. задумывалась как «наименее обременительная для казны»¹³⁵ и, в силу этого, не решила вопросы должного финансового и кадрового обеспечения сибирской системы правосудия. Министерство юстиции, восполняя данный пробел, в 1888–1889 гг. увеличило штат судебных следователей, товарищей прокурора, заседателей окружных судов в Приамурском крае и Забайкальской области, установило дополнительное содержание чинам судебного ведомства Иркутской губернии и Якутской области¹³⁶. После проведенной в 1892 г. ревизии начинается устранение недостатков в судостроительстве Западной Сибири. В наиболее бедственном состоянии находились судебные органы, прежде всего, следственный аппарат Тобольской губернии, где в 1892–1894 гг. в два этапа

значительно увеличивалось число судебных следователей и товарищей прокурора¹³⁷. Причем, увеличивая штат судебных следователей, чиновники Министерства юстиции уделяли внимание уровню профессиональной подготовки этих должностных лиц. Так, почти все из них имели высшее образование, чем и выделялись среди местных судебных работников¹³⁸. Вместе с тем они становились более доступными для населения и теперь проживали не только в городах, а расселялись и за их пределами¹³⁹.

Тем не менее, меры по увеличению штата судебных чиновников Н.В. Муравьев считал недостаточными: они не привели «к существенному улучшению дела»¹⁴⁰. По мнению С.Г. Коваленского, эти мероприятия имели значение «лишь в смысле спасения» судебной организации «от окончательной гибели». Однако нельзя игнорировать тот факт, что с формальной точки зрения деятельность следственной части, которой касались меры 1892–1894 гг., улучшилась. В 1894 г. общее количество неоконченных следствий доводилось до нормы¹⁴¹. Позитивность результатов от увеличения числа судебных чиновников отмечал и тобольский губернатор Н. М. Богданович. В октябре 1894 г. он писал: «Скорость производства следствий измеряется ныне уже не годами, как прежде, а месяцами и неделями, значение и сила уголовной репрессии значительно увеличилась»¹⁴².

Между тем, улучшение показателей деятельности следственной части Тобольской губернии во многом связано с удачным стечением обстоятельств. В 1893–1894 гг. наблюдалось понижение уровня преступности. В 1893 г. увеличивался штат чиновников по крестьянским делам и расширялся круг их действий¹⁴³. Кроме того, пришлось мобилизовать усилия чиновников полиции, направив их деятельность на проведение расследований. Н.М. Богданович считал ценой исправления состояния досудебного следствия «лихорадочное напряжение сил всех деятелей по следственной части», сознательное «пренебрежение другими,

часто административными, обязанностями чинов полиции». При этом губернатор был убежден в невозможности долгое время сосредоточивать усилия полицейских чиновников на расследовании преступлений и предполагал, что успехи следственной части «заменяются новым упадком»¹⁴⁴.

В общем, искусственное соединение во Временных правилах 1885 г. начал дореформенного и построенного в соответствии с Судебными уставами судоустройства и судопроизводства, как показала деятельность сибирской системы правосудия «переходного режима», не дало позитивных плодов. Положения законов, регламентировавших работу суда в 1885–1897 гг., состояли, по заключению чиновников Министерства юстиции, «в явном, неприимом между собой противоречии»¹⁴⁵; новый и старый порядки судопроизводства, указывал председатель Иркутского губернского суда А. Клопов, несовместимы¹⁴⁶.

Именно с двойственностью судебных правил были связаны проблемы юстиции Сибири, и даже самые прогрессивные преобразования «переходного периода» давали неоднозначные результаты. Мероприятия 1892–1894 гг., не имея большого значения, однако, стали симптомом перемен в отношении правительственных чиновников, чинов Министерства юстиции к проблеме судебной реформы в Сибири. В них просматривается заинтересованность в повышении качества сибирского правосудия.

Опыт неудавшихся преобразований сибирского судопроизводства заставил чиновников Министерства юстиции отказаться от практики частичных, половинчатых мер и склониться к мнению о необходимости коренного переустройства судебных порядков. Все чаще речь шла о введении в Сибири Судебных уставов 1864 г., адаптация которых к условиям края в середине 1890-х гг. представлялась менее сложной, чем в предыдущие десятилетия. Этому способствовали во многих сферах бурное развитие Сибири и определяемое нарастанием полицейских тенденций в поли-

тике самодержавного государства приспособление судебной организации под существующий режим.

После контрреформ Судебные уставы к 1890-м гг. уже не несли в себе той угрозы (мнимой и реальной) самодержавию, которую представляли собой уставы образца 1864 г. Реакционные меры, направленные на ограничение судебной власти, несменяемости и независимости судей, представительства общественности в суде, компетенции суда присяжных и прав адвокатского сообщества, гласности и устности рассмотрения дел, сделали юстицию «послушной». Они, наряду с появившимися в годы контрреформ ретроградными процессуальными механизмами (например, заочность судебного разбирательства), в случае введения Судебных уставов в Сибири позволяли государству, с одной стороны, контролировать деятельность судебной системы, а с другой – приспособить этот кодекс к имевшим место особенностям сибирской действительности.

В последней трети XIX в. в жизни Сибири произошли разительные перемены. Население края увеличилось с 1863 по 1897 г. примерно в 1,7–1,8 раз¹⁴⁷. Многие, в основном западносибирские округа, по плотности населения и вообще по населенности стали догонять, а иногда превосходить некоторые уезды Европейской России, где были введены Судебные уставы¹⁴⁸. За сибиряками начали признавать способность воспринять передовые формы судопроизводства, что и отмечал ознакомившийся с местной жизнью П.М. Бутовский¹⁴⁹. Сибирское население, по словам С.Г. Коваленского, «ни в каких отношениях не отличалось» от населения других регионов России¹⁵⁰. В сибирской же прессе зачастую сибиряков ставили выше по уровню общего умственного развития, чем жителей Европейской России¹⁵¹. А. Клопов не видел разницы и в экономическом развитии между Сибирью и другими регионами империи¹⁵². По мнению некоторых чиновников Министерства юстиции, по крайней мере, Западная Сибирь ничем не отличалась от соседствующих с ней европейских районов страны¹⁵³. Доводы

о неподготовленности сибирского края к судебной реформе становились все более беспочвенными. «...За десять последних лет и в особенности с начатием работ по постройке железной дороги, – докладывал в 1896 г. в Государственном совете министр юстиции Н.В. Муравьев, – Сибирь поразительно ушла вперед, и нынче вся она настоятельно требует преобразования суда»¹⁵⁴.

В пореформенный период представители сибирской общественности получили возможность заявить на всю империю о потребностях Сибири. В 1875 г. увидела свет первая частная общесибирская газета – иркутская «Сибирь», в 1881 г. появляется томская «Сибирская газета», с 1882 г. в Санкт-Петербурге начинается издание «Восточного обозрения» и т.д. Со страниц периодической печати сибиряки все время напоминали правительству и широкой общественности о значимости вопроса о введении Судебных уставов в Сибири. Стране стали известны их доводы о возможности, необходимости и своевременности проведения такой реформы. Строительство «Великого рельсового пути», открытие первого сибирского высшего учебного заведения, организация переселения указывают, что в стратегических планах самодержавия краю стало отводиться значительное место.

Существенно изменился состав судейского сообщества края. Появились люди, идеалом для которых являлись Судебные уставы. Среди лиц, кто всеми силами старался приблизить реформу на основе последних, были два томских юриста – судья и адвокат – председатель Томского губернского суда Е.Ю. Баршевский и действительный студент Московского университета поверенный В.П. Картамышев.

Е.Ю. Баршевский родился в 1849 г. в Эстляндской губернии и в возрасте трех лет переехал с родителями в Томск по месту службы отца-почтмейстера. Будущий председатель суда, окончив частную томскую гимназию, завершил образование в 1872 г. в Казанском университете со званием действительного студента,

и как «казенный» студент он обязывался в течение восьми лет находиться на государственной службе в Сибири.

С 1873 г. жизнь Е.Ю. Баршевского навсегда связана с ведомством Министерства юстиции. Сначала он зачисляется томским окружным стряпчим, а два года спустя – советником Томского губернского суда¹⁵⁵. В 1876 г. его отметили «за отличную усердную службу» орденом Святого Станислава 3-й степени¹⁵⁶. В течение трех с лишним лет он трудился в Степном крае в качестве уездного судьи и там «снискал любовь и совершенное доверие всего населения и русского, и киргизского»¹⁵⁷, а затем кратковременно занимал должности Семипалатинского областного прокурора и председателя Тобольского губернского суда. 28 января 1881 г. Е.Ю. Баршевский назначается председателем губернского суда в Томске¹⁵⁸ и находится на этом посту до конца своих дней.

В Томском губернском суде того времени сосредоточились самые разнообразные проблемы, свойственные деятельности всей сибирской судебной системы. Многофункциональность, катастрофическая нехватка финансирования, сомнительная квалификация сотрудников, устаревший порядок судопроизводства, в условиях которого, по свидетельству одного современника, даже «честные люди не в силах судить здесь по правде», а «судят поверхностно, чтобы дело сбыть с рук»,¹⁵⁹ – те обстоятельства, с какими приходилось по мере возможностей бороться и мириться Е.Ю. Баршевскому.

Сияясь избавить сибирскую юстицию от ее дурной славы, он берется за наведение порядка в губернском суде, пытается привить судьям должное отношение к своим обязанностям, подбирает достойных работников¹⁶⁰. Благодаря этим стараниям Томский губернский суд заслужил известность учреждения с лучшим составом сотрудников сибирской провинции¹⁶¹. Благодаря Е.Ю. Баршевскому окончательно отошли в историю нормы о формальных доказательствах. Но сам председатель Томского губернского суда не успел воспользоваться плодами своей созидатель-

ной деятельности. В феврале 1887 г. Е.Ю. Баршевский скончался от острой сердечной недостаточности, спровоцированной ревматизмом, «заработанным» в Степном крае. Он не дождался введения в Сибири Судебных уставов 1864 г. – мероприятия, во имя которого его мысль неустанно работала.

В жизни В.П. Картамышева ничего не предвещало появления в Сибири. Родившийся в богатой дворянской семье Харьковской губернии, окончив в 1873 г. юридический факультет Московского университета, молодой юрист служил кандидатом на судебные должности при прокуроре Харьковской судебной палаты, помощником присяжного поверенного, избирался почетным мировым судьей родного Старобельского уезда, принимал активное участие в деятельности земства¹⁶².

В 1879–1881 гг. В.П. Картамышев занимался адвокатской практикой в Киеве, и там в его судьбе случилось событие, вынудившее поменять местожительство на сибирскую провинцию. Блестящего адвоката (его речи публиковали ведущие юридические периодические издания) лишили звания присяжного поверенного по причине, вероятно, его скандального характера. В Сибири он появился осенью 1881 г., где продолжил свои киевские «подвиги». По словам находившегося в ссылке Е.В. Корша (поверенного, одного из редакторов популярного «Судебного вестника», участника в качестве защитника в «процессе 193-х»), «за три года, прожитых Картамышевым в Томске, он перезнакомился со всем городом, за ним установилась репутация юриста знающего, но не всегда выгодного, благодаря своему буйному нраву. В пьяном виде он не знал никакого удержу, лез, что называется, на рожон и причинял немало забот администрации». Томский губернатор В.И. Мерцалов даже грозился выслать смутьяна в далекий Нарым¹⁶³. Но главное, В.П. Картамышев – активный судебный деятель, безвозмездно оказывавший юридические услуги бедным слоям сибирского населения, озабоченный идеей организации для юридического «вспомоществования» специальных учреждений¹⁶⁴.

Как адвокат В.П. Картамышев имел успех. Когда ему удалось выиграть сложный и запутанный процесс о наследстве купца Хамитова в Иркутске, полученный солидный гонорар он направил на организацию нового периодического издания «Сибирский вестник» (1885–1905 гг.), через которое популяризовал проблемы местной юстиции. Судеустройству в Сибири была посвящена передовая статья в первом же номере газеты.

Разрабатывая рецепты совершенствования местной юстиции в Сибири, В.П. Картамышев придерживался консервативных взглядов. Он указывал, что если для горожан необходим мировой суд, соответствующий Судебным уставам, то при разрешении в сельской местности региона «мелких правонарушений и грошовых споров» вовсе необязательно строго придерживаться принципа разделения властей, и тут можно было апробировать соединение в одном лице должности мирового судьи, чиновника по крестьянским делам и нотариуса¹⁶⁵. Такой подход якобы «сблизит крестьянских начальников с населением района, еще больше поднимет их нравственный авторитет и влияние, еще сильнее укрепит их положение как «посредников» между жизнью и законом»¹⁶⁶.

Потомственный дворянин В.П. Картамышев, размышляя подобным манером, следовал патерналистской традиции и возрождал картину патриархальных отношений в крестьянской среде. В Сибири помещичье землевладение почти отсутствовало, и здесь чиновник – «добрый барин», способный одновременно творить и милостивый суд, и справедливую административную расправу над подвластным деревенским населением. В период контрреформ 1880-х гг. в России, когда подвергался нападкам принцип независимости судебной системы, такие воззрения служили основанием для реставрации сословно-феодалных порядков, восстановления власти дворянства над крестьянством, которая была подорвана, в частности, введением выборных, бессловных мировых судов в 1864 г. Реализация судебно-административной реформы 1889 г. в стране (установление института земских начальни-

ков из дворян и ликвидация мировой юстиции)¹⁶⁷ стала осуществлением наиболее ретроградных идей эпохи реакции.

Е.Ю. Баршевский и В.П. Картамышев являлись одними из первых представителей новой сибирской генерации судебных деятелей, имеющих высшее юридическое образование, высокую квалификацию и большой творческий потенциал, социально активных, охваченных стремлением сознательно и качественно реализовать правосудие и усовершенствовать судебную систему края. Благодаря усилиям таких юристов готовилась почва для проведения в Сибири коренной реформы юстиции.

Сохранение дореформенного судебного законодательства в Сибири противоречило и замыслам самодержавия. Абсолютистский политический строй Российской империи требовал подробной регламентации жизни общества, мелочной опеки над ним, наличия ощущения у населения присутствия власти. Вседозволенность и безнаказанность, распространившиеся в Сибири во многом благодаря порочному устройству судебной организации, правительство должно было пресечь.

Таким образом, реформа сибирского суда 1885 г. и последующие судебные преобразования не имели успеха. Незначительные по своему содержанию они, тем не менее, являлись важной стадией в развитии вопроса о судебной реформе в Сибири. Лишь после 1885 г. началось широкомасштабное исследование деятельности суда в крае, ставились вопросы об эффективности его функционирования, обобщались сведения о потенциале сибирской системы правосудия, изучалась возможность применения к особым условиям региона тех или иных судебных институтов, процессуальных механизмов. Тогда появились первые проекты проведения судебной реформы на основе Судебных уставов, отличавшиеся от амбициозных проектов 1860-х гг. рассудительностью и обоснованностью. Результаты преобразования 1885 г. показали, что дореформенные судебные правила несовместимы с нормами судостроительства и судопроизводства, заложенными в Су-

дебных уставах, а их существование не удовлетворяет потребности Сибири и не согласуется с интересами правительства.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4а. Л. 1–1 об.; Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 1–1об.
2. Там же. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 1 об., 46.
3. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 121.
4. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 45.
5. ПСЗ-III. – Т. 5. – № 2770 (далее – Временные правила 25 февраля 1885 г.).
6. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. – М., 1898. – С. 441.
7. Временные правила 25 февраля 1885 г. Ст. I-II.
8. Там же. – Ст. 17, 20, 27.
9. Там же. – Ст. 5–11.
10. Там же. – Ст. 12–15, 23–24; Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // СЗРИ. Т. 15. Ч. 2. – СПб., 1876. – Ст. 319–322, 391–394.
11. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107а. Л. 49.
12. Законы о судопроизводстве... // СЗРИ. Т. 15. Ч. 2. – СПб., 1876. Ст. 386–390.
13. Временные правила 25 февраля 1885 г. Ст. 33.
14. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 1186. Л. 3.
15. Законы о судопроизводстве... // СЗРИ. Т. 15. Ч. 2. – СПб., 1876. Ст. 415, 419.
16. Временные правила 25 февраля 1885 г. Ст. 41.
17. Там же. Ст. 1, 4.
18. Сибирская газета. – 1883. – 30 октября.
19. ПСЗ-III. Т. 5. Отд. 2-е. № 2770.
20. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 48 об.
21. Там же. Л. 53 об.
22. Законы о судопроизводстве... // СЗРИ. Т. 15. Ч. 2. – СПб., 1876. Ст. 395.
23. Вологодский П. Указ. соч. – С. 5.
24. См.: Сибирский вестник. – 1893. – 8 декабря; 1898. 3 января; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – С. 40; Степной край. – 1897. – 2 января; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 5; Д. 10393. Л. 81 об.; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129; и др.
25. Коллекция печатных записок РГИА. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1885 г. Л. 8.

26. Сибирский листок. – 1897. – 3 июля.
27. Томский листок. – 1897. – 2 июля.
28. Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 12 июля.
29. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. – СПб., 1900. – С. 408.
30. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. – М.-Пг., 1923. – С. 508–511.
31. См.: Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. – СПб., 1901. – С. 90; Щегловитов И.Г. Репрессия суда присяжных в России // Журнал гражданского и уголовного права. – 1893. – № 7. – С. 20.
32. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: Традиции, новации, проблемы // Государство и право. – 1996. – № 11. – С. 89.
33. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 1 об.
34. ГАТюмО. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 379. Л. 11–12.
35. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 5 об.
36. ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.
37. Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 25.
38. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П.М. Бутовским. – С. 1.
39. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 11 об.
40. Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 17.
41. Там же. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.
42. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... – С. 1.
43. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 158.
44. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 10.
45. Газенвинкель К.Б. Указ. соч. – С. 2.
46. ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 98.
47. ГАТюмО. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–3.
48. Там же. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 386. Л. 25–26.
49. ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 102–102 об.
50. Геллертов Н.П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. – 1895. – № 3. – С. 26.
51. См.: Восточное обозрение. – 1883. – 3 марта; Киевский И. Указ. соч. – № 8. – С. 2.
52. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 29.
53. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 11; ГАТюмО. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–3; Ф. И-40. Оп. 2. Д. 386. Л. 25–26.
54. ГАТ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1. Л. 61.
55. Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 8 об.–9, 13–13 об.
56. Там же. Д. 789. Л. 10, 12, 41.
57. Там же. Д. 875. Л. 8–9, 14.

58. ГАТО. Ф. Ф-22. Оп. 1. Д. 1135. Л. 20–20 об., 51–51 об.
59. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 10.
60. Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 17.
61. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 6.
62. ГАТО. Ф. Ф-22. Оп. 1. Д. 1135. Л. 25–26.
63. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 14–15 об., 27, 124.
64. Коллекция печатных записок РГИА. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г. Л. 12.
65. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 6 об.
66. Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 15 об.
67. Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 6 об.
68. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... – С. 22.
69. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 19.
70. Там же. Л. 21.
71. Киевский И. Указ. соч. – № 8. – С. 2–3.
72. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 11.
73. ГАТО. Ф. Ф-22. Оп. 1. Д. 1135. Л. 20–20 об.
74. РГИА. Ф. 1405. Оп. 91. Д. 2855. Л. 3.
75. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... – С. 82–83.
76. Арефьев Н. Указ. соч. – С. 55.
77. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 10 об.
78. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 16.
79. См.: Геллертов Н.П. Указ. соч. С. 34; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 89 об.
80. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 13.
81. Арефьев Н. Указ. соч. – С. 54.
82. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 37.
83. ГАТО. Ф. Ф-22. Оп. 1. Д. 1000. Л. 5.
84. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 7.
85. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 33–34.
86. ГАТюмО. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 386. Л. 55–56, 109.
87. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 33–34.
88. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 7.
89. ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 7–8.
90. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 11; ГАТюмО. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–3.
91. ГАТюмО. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 386. Л. 25–26.
92. Там же. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 435. Л. 73.
93. ГАТО. Ф. Ф-22. Оп. 1. Д. 1000. Л. 5.
94. Арефьев Н. Указ. соч. С. 55.
95. Сибирский вестник. – 1885. – 16 октября; 1886. – 1 мая.
96. Восточное обозрение. – 1888. – 4 декабря; 1890. – 16 сентября.
97. Сибирский вестник. – 1893. – 16 декабря.
98. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 43. Л. 124.

99. РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 113. Л. 14.
100. Сибирский вестник. – 1891. – 13 января.
101. Восточное обозрение. – 1890. – 16 сентября.
102. ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 12.
103. Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 33–36.
104. Восточное обозрение. – 1890. – 16 сентября.
105. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 9.
106. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. – СПб., 1896. – С. 490.
107. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 5.
108. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 123.
109. Там же. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1. Л. 66–67.
110. Судебная реформа в Сибири. – СПб., 1896. – С. 4.
111. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 3–3об.
112. Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 125.
113. Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 6, 8.
114. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 6.
115. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика... С. 205–206.
116. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 125.
117. Муравьев Н.В. Указ. соч. Т. 2. С. 389–390.
118. РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 46. Л. 894.
119. ПСЗ-III. Т. 6. № 4021.
120. Там же. № 3814.
121. ГАТО. Ф. Ф-22. Оп. 1. Д. 1000. Л. 199.
122. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках // СЗРИ. Т. 15. Ч. 2. – СПб., 1892. – Ст. 367.
123. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129.
124. См.: Восточное обозрение. – 1886. – 25 декабря; Сибирский вестник. – 1886. – 22 октября; Сибирская газета. – 1886. – 26 октября.
125. Восточное обозрение. – 1886. – 25 декабря.
126. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129.
127. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1967. – С. 211.
128. Вологодский П. Указ. соч.
129. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 124.
130. Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 8, 10–10 об.
131. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 2 об.–3.
132. См.: Томич. Письма из Томска // Тобольские губернские ведомости. – 1894. – 5 июня.
133. ГАТюмО. Ф. И-65. Оп. 1. Д. 435. Л. 42–43.
134. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... С. 82–83.

135. РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107д. Л. 1 об.
136. ПСЗ-III. Т. 8. № 5155, 5309; Т. 9. № 6434.
137. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 122; ПСЗ-III. Т. 13. № 10006.
138. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 16. Л. 7–8.
139. Геллертов Н.П. Указ. соч. – С. 25.
140. Общий обзор деятельности... С. 9; РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 3.
141. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 4.
142. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 239. Л. 2 об.
143. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 3 об.
144. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 2–3 об.
145. Там же. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 11 об.
146. Там же. Д. 10393. Л. 83 об.
147. См.: Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 100.
148. См.: Азиатская Россия. Т.1. – СПб., 1914. – С. 88–89; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. Вып. 5. – СПб., 1890. – С. 16–38.
149. См.: Арефьев Н. Указ. соч. – С. 55.
150. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 5.
151. См. например: Сибирский В. Указ. соч.
152. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 79.
153. Там же. Оп. 542. Д. 241. Л. 8.
154. Муравьев Н.В. Указ. соч. Т. 2. – С. 393.
155. Сибиряк. Забытый сибирский деятель (биографическая заметка) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. – 1900. – № 2. – С. 70–72.
156. ГАТО. Ф. Ф-21. Оп. 1. Д. 207. Л. 40 об.
157. Сибирская газета. – 1887. – 1 марта.
158. ГАТО. Ф. Ф-21. Оп. 1. Д. 207. Л. 30.
159. О положении дел в Томском губернском суде см.: Сибирская газета. – 1882. – 28 ноября.
160. Сибирский вестник. – 1887. – 25 февраля.
161. См.: Томич. Указ. соч.
162. Сибирский вестник. – 1885. – 18 июля.
163. Корш Е.В. Указ. соч. – № 5. – С. 423–449.
164. Сибирская газета. – 1883. – 2 октября.
165. Там же. – 1889. – 1 марта.
166. Там же. – 1887. – 10 мая.
167. ПСЗ-III. Т. 9. № 6195, 6196, 6483.

ГЛАВА III. ВВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ АЛЕКСАНДРА II

1. ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ОТ 13 МАЯ 1896 г.: ОСОБЕННОСТИ СИБИРСКОЙ ЮСТИЦИИ

20 октября 1894 г. министр юстиции Н.В. Муравьев поручил разработку проекта судебной реформы в Сибири специально созданной комиссии под председательством П.М. Бутовского¹. Весьма плачевное состояние сибирского судопроизводства вынудило министра дать особое направление вопросу об его преобразовании, не дожидаясь результатов работы возглавляемой им комиссии при Министерстве юстиции, учрежденной летом 1894 г. для пересмотра российского судебного законодательства (так называемая «муравьевская» комиссия). Однако предполагалось, что намеченные последней изменения существующего судебного строя в России могут быть приняты во внимание при разработке реформы сибирского суда².

В состав комиссии П.М. Бутовского вошли представители заинтересованных министерств, чиновники центрального управления Министерства юстиции, а непосредственными выразителями интересов Сибири в комиссии являлись тобольский, енисейский и иркутский губернские прокуроры С.Г. Коваленский, А.Н. Лубенцов и Н.И. Харизоменов³. Каждый из этих сибирских прокурорских работников представил проект судебного преобразования в крае⁴. В комиссии обобщались и мнения различных судебных и административных чиновников Сибири, предлагавших собственные варианты судебного переустройства. На основе собранного материала составлялись «Объяснительная записка к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» и «Объяснительная записка к проекту штатов судебных установлений в Сибири», которые обсуждались комиссией

24 февраля, 10 марта, 31 мая и 6 июня 1895 г.⁵ Все участники рассмотрения вопроса о реформе системы правосудия в регионе говорили о ее насущности и почти все о своевременности. Лишь представитель Министерства внутренних дел А.С. Стишинский, оставшись при особом мнении, заявил о необходимости осуществления реформы суда только одновременно и в связи с распространением на край института земских начальников⁶.

11 октября 1895 г. Н.В. Муравьев запросил разрешение на реализацию судебной реформы у императора. Николай II, дав согласие на проведение преобразования, написал в «высочайшем соизволении»: «Дай бог, чтобы Сибирь через два года получила столь необходимое ей правосудие наравне с остальной Россией»⁷. 1 марта 1896 г. министр юстиции представил проект судебной реформы в Государственный совет. Там он обсуждался 6 апреля и 8 мая 1896 г.⁸, а затем 13 мая был утвержден в виде «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири»⁹.

Положения закона 13 мая 1896 г. совершенно не соответствовали заявленному, казалось бы, благим целям самодержавия. Декларированное в царском манифесте, сопровождавшем Временные правила, намерение создать в Сибири «скорый» и «правый» суд, облегчить участие населения в судопроизводстве¹⁰ не было реализовано из-за многочисленных отступлений от положений Судебных уставов.

Самым значимым ограничением сибирского судопроизводства являлось отсутствие суда присяжных. 1870-е – первая половина 1890-х гг. стали сложным периодом его развития в Российской империи. Деятельность этого учреждения являлась предметом критики самых влиятельных государственных чиновников. Один из идеологов реакции К.П. Победоносцев представлялся главным яростным противником института присяжных заседателей. В 1885 г. в записке императору Александру III он отмечал: «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России

совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России. Трудно достигнуть этого разом, но можно достигнуть постепенно, изъемя один за другим разряды уголовных дел из ведения присяжных...»¹¹.

Подобные ретроградные размышления зачастую расценивались и расцениваются, как устоявшееся в правительственных кругах стремление уничтожить суд присяжных, что далеко от истины. Нападки реакционных сил на это учреждение простирались лишь до того рубежа, за которым открывались достоинства института присяжных заседателей не только для общества, но и для государственной власти. Он был необходим самодержавию как весьма действенный процессуальный механизм, ускоряющий судопроизводство и необременительный для казны. Правительство ограничивалось изъятием из его компетенции тех категорий дел, в решении которых имело заинтересованность, и проведением мер, призванных сделать более лояльным состав присяжных. Вскоре усилился карательный потенциал «суда общественной совести». В 1893 г. будущий министр юстиции И.Г. Щегловитов писал: «Постепенно повышаясь с 1883 г., репрессия суда присяжных в России почти сравнялась с репрессией судебных палат по особым присутствиям с участием сословных представителей и немногим уступает в строгости коронному суду»¹². К концу XIX в. институт присяжных заседателей вполне удовлетворял самодержавие. Несмотря на все атаки, по выражению известного юриста и публициста Г.А. Джаншиева, он по-прежнему оставался «центральной узлом» судебной системы, ее «главным нервом и душой»¹³, и его распространение продолжилось.

Поэтому в возможность устранения суда присяжных при проведении судебной реформы на началах Судебных уставов

представители провинциальной общественности первоначально не поверили. Когда до Сибири дошли первые слухи о намерении правительственных чиновников отказаться от идеи установления института присяжных в крае, сотрудники газеты «Восточное обозрение» выразили надежду, что в данное сообщение «вкралась неточность»¹⁴. Тем временем, корреспонденты центральных и сибирских периодических изданий настаивали на необходимости введения этого учреждения в Сибири, для чего, считали они, препятствия отсутствовали¹⁵.

Другого мнения придерживались чиновники, причастные к разработке судебного преобразования в сибирском регионе. Енисейский губернский прокурор А.Н. Лубенцов в своем проекте писал, что «малая населенность края», многочисленность «неблагонадежного ссыльного элемента», а также «инородцев, не знающих русского языка и стоящих на низкой ступени умственного развития, делают невозможным введение в Сибири института присяжных заседателей»¹⁶. В «Объяснительной записке к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» говорилось о специфике «воззрений» сибиряков «относительно значения и важности некоторых преступлений», как о преграде учреждению суда присяжных¹⁷. На «затруднительность» исполнения обязанностей присяжных для населения при больших расстояниях указывал Н.В. Муравьев¹⁸. По мнению чиновников Министерства земледелия и государственных имуществ, отсутствие «более или менее развитого класса благонадежных людей» в Сибири не позволяло учредить там «суд общественной совести»¹⁹.

Подобную аргументацию чиновников следует признать безосновательной. Законодательство содержало достаточный арсенал средств, чтобы не допустить включения в состав присяжных лиц с ненормальными «воззрениями», «неблагонадежных», не знающих русского языка. Никаких подсчетов числа сибирских жителей, соответствующих требованиям, предъявляемым законом к заседателям, накануне реформы не производилось. Когда

в 1900 г. такое исчисление все-таки провели (на западе Сибири), выяснилось, что количество возможных присяжных было достаточным, а во многих уездах значительно превышало требуемую норму²⁰. Не имел под собой оснований и тезис о высокой степени обременительности обязанностей заседателей для сибиряков, связанной с трудностью преодоления больших расстояний. Заседания окружных судов в сибирском крае разрешалось проводить в уездных административных центрах в ходе выездных сессий. Многие уезды Сибири по площади не превосходили губерний Европейской России, и вряд ли исполнение обязанностей присяжных было бы труднее для сибирских жителей, чем для населения других российских регионов.

Между тем, справедливость вердиктов присяжных заседателей определялась знанием местных условий, где произошло преступление и в которых проживал подсудимый. Указывая на это обстоятельство, тогдашние критики судебной реформы говорили, что суд присяжных нужнее всего как раз в Сибири, поскольку большинство из коронных судей, по крайней мере, в первое время, приезжали сюда из Европейской России²¹. Порядок обжалования приговоров окружных судов без участия присяжных предполагал возможность подачи по каждому делу апелляционной жалобы в судебную палату, тогда как вердикт суда с участием присяжных выносился окончательно и подлежал обжалованию только в кассационном порядке. Поэтому следствием отсутствия суда присяжных при больших сибирских расстояниях могла стать волокита.

Современники судебной реформы прекрасно понимали нелепость аргументов чиновников. Сравнивая сибирские условия со схожими условиями некоторых регионов империи, где действовал суд присяжных (Вологодская, Вятская, Пермская губернии), они приходили к выводу об его применимости в крае²². У местной общественности взялся повод заняться выяснением действительных причин игнорирования института присяжных.

Газета «Восточное обозрение» писала: «Очевидно, что суд присяжных не введен в Сибири не потому, что нашу окраину считают еще неподготовленной к нему, а по другим соображениям»²³. Корреспондент «Сибири» указывал на отрицательное отношение правительства к институту присяжных вообще, как на причину его нераспространения на сибирский регион²⁴. По мнению профессора Томского университета Н.Н. Розина, отказ от суда присяжных стал следствием «сомнений правительства, вполне основательных, ввиду малого знакомства с бытом нового края», при этом «убеждения в незрелости и неподготовленности Сибири к общественной судебной деятельности» у столичных чиновников не было²⁵. Иную оценку выражал томский присяжный поверенный, депутат III Государственной думы Р.Л. Вейсман. Он писал: «Так называемая "неподготовленность населения" – это жу-пел, жалкий и смешной, прикрывающий собой принцип *divide et impera!* Среди завистей и ненавистей нужна еще одна зависть младшей сестры – колонии к метрополии. Пусть Сибирь помечтает пока о суде присяжных, и у нее не будет времени мечтать о чем-нибудь другом, о том, что составляет вечный кошмар метрополии по отношению к колониям...»²⁶. Довод о неготовности края к учреждению «суда общественной совести» Р.Л. Вейсман считал «глубоким предрассудком»²⁷.

Тезис о «неподготовленности» россиян к суду присяжных использовали его противники еще при разработке Судебных уставов в начале 1860-х гг., и тогда он признавался «неубедительным»²⁸. Во время проведения судебной реформы в Сибири представители общественности края это положение также отвергали: уровень развития местных жителей считался более высоким, чем населения Европейской России, их находили вполне способными к отправлению правосудия²⁹.

К игнорированию «суда общественной совести» в ходе преобразования сибирской юстиции, в ряду других, привели два обстоятельства, на которые современники не обращали существен-

ного внимания. Реформа проводилась во время деятельности при Министерстве юстиции «муравьевской» комиссии (1894–1899 гг.), призванной пересмотреть функционировавшее в России судебное законодательство и, кроме прочего, определить участь института присяжных заседателей, а в случае принятия решения о сохранении – пределы его компетенции. В частности, председатель комиссии министр юстиции Н.В. Муравьев предлагал изъять из ведомства суда присяжных все дела, «носящие так или иначе политический характер», о преступлениях по должности, «об особо сложных и специальных преступлениях, для уразумения которых нужно тщательно разобраться во множестве запутанных и технических данных или в особых гражданских отношениях»³⁰. В годы, когда бурно обсуждались такие немаловажные проблемы, вопрос о введении данного учреждения в Сибири вряд ли мог получить движение.

В основу сибирской судебной реформы легли проекты прокуроров С.Г. Коваленского, А.Н. Лубенцова и Н.И. Харизоменова. Во главе комиссии по преобразованию суда в Сибири стоял сделавший карьеру на прокурорском поприще товарищ министра юстиции П.М. Бутовский, прокурором являлся главный идейный вдохновитель изменений в области правосудия конца XIX в. министр Н.В. Муравьев³¹. Роль прокурора-обвинителя в уголовном судопроизводстве состояла в обеспечении государственных интересов уголовного преследования. Место прокурорского ведомства И.Я. Фойницкий определял «на рубеже между властями правительственной и судебной»³². Н.В. Муравьев – крупнейший теоретик основных принципов устройства и деятельности прокуратуры – утверждал, что она, являясь «полуадминистративным» учреждением, представляет собой «как бы враждебный суду орган»³³.

В силу своего особого положения система прокурорского надзора более иных органов юстиции восприимчива к изменениям в политической конъюнктуре. Прокуроры уже в интересах

собственной организации не могли быть горячими сторонниками суда присяжных, хорошо устроенной адвокатуры, принципов независимости суда и несменяемости судей. Беспристрастность присяжных заседателей и коронных судей, умелая защита на шумевших процессах 1870–1880-х гг. и, как следствие, оправдание подсудимых явно не относились к заслугам сотрудников прокуратуры. Ряд положений судебной реформы в Сибири показывает, что искажения Судебных уставов при их применении к краю были выгодны прокурорской корпорации, и ее представители на данном этапе попросту пренебрегли основательным изучением возможности введения суда присяжных.

Между тем, институт присяжных заседателей являлся одним из важнейших атрибутов свободы в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Посредством этого либерального учреждения общество осуществляло право судить своих представителей, реализовывался принцип самостоятельности и автономности народа, в конечном итоге – народного суверенитета. Наличие-отсутствие суда присяжных в отдельном регионе страны стало критерием угодности этой территории самодержавию либо ее неблагонадежности. Не облагодетельствовав данным прередовым институтом Сибирь, самодержавие, тем самым, признало ее недостойной свободы.

На явное противоречие между официально сообщенными устремлениями правительства и осуществленными на практике положениями особенно красноречиво указывало устройство в Сибири мировой юстиции. На мировых судей края не распространялись принципы выборности, несменяемости и независимости. Назначение, перемещение и увольнение участковых и добавочных мировых судей всецело зависело от министра юстиции³⁴. Только для почетных мировых судей устанавливался трехгодичный срок исполнения обязанностей³⁵. Такой подход существовал в империи давно. Начало этому искажению уставов было положено еще в 1866 г. при проведении судебной реформы в За-

кавказье³⁶. В ходе реализации судебных преобразований во второй половине 1890-х гг. в Архангельской и Черноморской губерниях, в Средней Азии и Казахстане применялся такой же, как и в Сибири, порядок³⁷.

Подверглись корректировке требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должности почетных мировых судей. Кандидаты на эту должность могли не обладать недвижимой собственностью, как того требовал п. 3 статьи 19 Учреждения судебных установлений³⁸. В «Объяснительной записке к проекту Временных правил об устройстве судебной части в Сибири» указывалось, что эта мера вызвана стремлением увеличить число возможных почетных мировых судей. Теперь в их состав включались лица, «служащие в правительственных учреждениях»³⁹.

В Сибири участковым и добавочным мировым судьям присваивался 6-й класс по чинопроизводству⁴⁰, а не 5-й как предусматривалось Судебными уставами. В результате местные мировые судьи назначались не высочайшим указом, а министром юстиции, у них уменьшался размер пенсий, что могло негативно отразиться на престижности службы.

Чрезвычайно увеличивались пределы компетенции сибирской мировой юстиции. Как и в Закавказье, ведомству мировых судей в Сибири по гражданским делам подлежали иски, оцененные не свыше 2000 руб., тогда как Судебными уставами предельная сумма иска, подсудного мировому судье, определялась в 500 руб.⁴¹

Расширялись рамки юрисдикции сибирского мирового суда и по уголовным делам. В Уставе уголовного судопроизводства говорилось, что ведомству мировых судей подлежат проступки, за которые налагались: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания на сумму не свыше 300 руб.; арест не свыше 3-х месяцев; заключение в тюрьме на срок до полутора лет. Сибирскому же мировому судье предписывалось рассматривать дела о правонарушениях, за которые не следовало нака-

зание, «лишающее или ограничивающее прав состояния». При чем в его компетенцию входили дела по преступлениям и проступкам, за которые следовало взыскание на сумму до 600 руб., а в совокупности с гражданским иском «о вознаграждении за вред и убытки» – до 2000 руб. По Временным правилам окончательным считался приговор мирового судьи, когда денежное взыскание не превышало 100 руб., в то время как Судебные уставы определяли в качестве такового приговор с суммой взыскания не свыше 30 руб.⁴² Расширение пределов подсудности ближайших к населению судебных органов в известной степени делало судопроизводство более скорым. Однако при наделении широкой властью единоличных судей в Сибири, крае чиновничьего произвола, где надзор вышестоящих инстанций был затруднен, создавалась почва для злоупотреблений.

Временные правила не разделяли судебные учреждения Сибири на две системы: общие и местные суды. Несмотря на то, что многие сибирские судебные деятели выступали за введение в крае съездов мировых судей (например, председатели Тобольского и Иркутского губернских судов З.Н. Геращеневский и А. Клопов, тобольский губернский прокурор К.Б. Газенвинкель⁴³), эти органы не устанавливались. Обязанности съездов мировых судей возлагались на окружные суды, которым также принадлежал надзор за мировыми судьями⁴⁴, что умаляло независимость мирового института. По словам чиновников Министерства юстиции, это отступление от Судебных уставов диктовалось недостатком в регионе образованных лиц и вытекающей отсюда невозможностью, в условиях отсутствия большого количества почетных мировых судей, сформировать корпус мировых съездов «почти без участия участковых мировых судей». Не представлялось возможным создать съезды и по причине занятости мировых судей разъездами по участкам⁴⁵. Последнее обстоятельство было последствием «новаторства» министерских чиновников, возложивших обязанности проведения предварительных следствий на сибирских ми-

ровых судей. Действительно, не представлялось возможным собрать участковых мировых судей, в качестве следователей разъезжающих по своим участкам, в одном месте и в одно время.

Сосредоточение судебных и следовательских функций в руках мировых судей⁴⁶ следует признать самой противоречивой мерой при реформировании местной юстиции в Сибири. Чиновники Министерства юстиции и сам Н.В. Муравьев указывали, что результатом этого соединения обязанностей будет приближение местного суда к населению и уменьшение его стоимости⁴⁷. При разработке Судебных уставов в начале 1860-х гг. предложение о наделении мировых судей следственными обязанностями решительно отвергалось⁴⁸. В статье 42 Учреждения судебных установлений фиксировалось правило, в соответствии с которым должность участкового мирового судьи «как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке» не могла быть «соединяема» с другой должностью «по государственной и общественной службе».

Однако в «эпоху муравьевской юстиции», как назвал то время Р.Л. Вейсман⁴⁹, заговорили о позитивности совмещения судебных и следовательских функций. Н.В. Муравьев, защищая 6 апреля 1896 г. в Государственном совете проект установления мирового суда, говорил, что «совмещение в одном лице и судьи, и следователя вовсе не грозит в Сибири теми теоретическими трудностями, которые, не вдаваясь вглубь вопроса, обыкновенно выставляют против такого совместительства»⁵⁰.

Создание судебно-следственного института, придавая обвинительный уклон судопроизводству, напрямую противоречило задачам справедливого правосудия. На практике такой порядок мог привести к негативным последствиям. Некоторые общественные деятели считали неудачным опыт деятельности с 1866 г. судей-следователей в Закавказье⁵¹. Корреспондент «Северного вестника» предупреждал, что соединение судебно-следственных обязанностей в Сибири приведет к волоките, но «если они избе-

гут волокиты, – писал он о мировых судьях, – то это может означать их недобросовестность»⁵². Говорили о возможных отрицательных последствиях сибирские судебные чиновники. Тобольские председатель губернского суда и губернский прокурор отмечали: «Как ни симпатична идея о соединении в одном лице обязанностей мирового судьи и следователя, но едва ли идея эта, на практике, поведет к желаемым результатам... Мировой судья не будет в состоянии разбирать дела и производить следствия одновременно»⁵³. Они выражали серьезные сомнения в том, что путем соединения судебно-следственных обязанностей будет достигаться экономия государственных средств.

Некоторые судебные чиновники, среди которых был С.Г. Коваленский, находили желательным все обязанности по ведомству Министерства юстиции в сибирских округах сосредоточить у мировых судей⁵⁴. На них Временные правила и возложили исполнение функций нотариусов⁵⁵. Кроме того, мировые судьи обязывались в пределах своих участков исполнять поручения Губернских присутствий по опекунам делам, переносить рассмотрение дел в ближайšie к местам их возникновения селения, если они возникали далее 50 верст от камеры мирового судьи, на них и судебных следователей ложилась обязанность производства судебных действий по поручению окружных судов и исполнения приговоров последних в рамках судебных действий. Местным участковым и почетным мировым судьям предписывалось входить в состав присутствий окружных судов, заседавших как в качестве съездов мировых судей, так и суда первой степени⁵⁶.

Совмещение функций судьи и следователя, а в некоторых районах и нотариусов, превращало мировой суд в Сибири в весьма специфичный институт, резко отличавшийся от этого учреждения, построенного на основании Судебных уставов. Подчеркивал это и Н.В. Муравьев. Выступая в Государственном совете, он говорил, что сибирские «судьи-следователи названы мировыми

для того, чтобы не менять без особой надобности уже существующее на окраинах и привычное уху наименование»⁵⁷.

Действительно, законом 13 мая 1896 г. искажалась сама суть института мировых судей. В начале 1860-х гг. он задумывался как «хранитель мира», примиряющий стороны на основе доверия к суду. «Главнейшая задача его, – разъясняли основы предполагаемого устройства мирового суда чиновники, разрабатывавшие Судебные уставы, – и высшее качество его правосудия – примирение. Для успешного исполнения такого важного призвания мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненной жизнью»⁵⁸. Важнейшей задачей сибирского мирового суда стала репрессия, а устранение начала выборности мировых судей не содействовало повышению их авторитета.

Устройство других судебных учреждений более соответствовало общим правилам. На территории от Урала до Тихого океана в каждой губернии и области учреждалось по одному окружному суду, в Иркутске открывалась судебная палата, в ведомстве которой находилось 7 из 8 устанавливаемых окружных судов (Тобольский окружной суд первоначально включался в округ Казанской судебной палаты). При окружных судах состояли прокуроры, осуществлявшие надзор за деятельностью местных судебных установлений и судебных следователей с помощью товарищей прокурора.

На общих основаниях закон 13 мая 1896 г. устанавливал в Сибири адвокатуру. В «Объяснительной записке к проекту Временных правил» говорилось, что «учреждение в Сибири присяжных поверенных не вызывает никаких отступлений от общих по сему предмету постановлений», следовательно, «должен сохранить силу закон, коим образование советов присяжных поверенных не допускается»⁵⁹.

Между тем, особое место института адвокатуры в судопроизводстве вызывало необходимость специального устройства сословия поверенных. Судебными уставами 1864 г. адвокатура устанавливалась в России в виде особой общественной единицы, находящейся при судебных учреждениях, но не в их составе, имеющей право автономии в вопросах внутренней жизни и дисциплинарную власть над своими членами. С распространением уставов Александра II присяжные поверенные каждого округа судебной палаты объединялись в одно целое общим собранием и избираемым им советом.

В дальнейшем самодержавие попыталось усилить свое воздействие на адвокатуру. С середины 1870-х гг. прекратилось образование новых советов присяжных поверенных. В регионах, где эти учреждения не создавались, их правами и обязанностями наделялись окружные суды. В России, таким образом, сословие присяжных поверенных разделилось на две части, права которых существенно отличались. В регионах, где действовали советы присяжных поверенных (округа Санкт-Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат), как констатировали члены «муравьевской» комиссии, «присяжные поверенные каждой палаты представляли из себя отдельное сословие, имеющее особый орган своего общественного самоуправления». В округах прочих судебных палат (Киевской, Одесской, Казанской, Саратовской, Виленской, Тифлисской и Варшавской), считали эти чиновники, «присяжные поверенные являлись лишь совокупностью отдельных лиц одного и того же рода занятий, но не состоящих между собой ни в какой определенной связи и не пользующихся правами самоуправления»⁶⁰. Самостоятельность второй из категорий поверенных была подорвана, а порядок исполнения функций советов окружными судами, естественно, как справедливо указывал И.Я. Фойницкий, «в корне нарушал независимость адвокатуры и задерживал ее последовательное развитие»⁶¹. Временные правила, возложив на окружные суды обязанности вы-

дачи свидетельств поверенным на право ходатайствовать в судах «по чужим делам»⁶², отнесли сибирских адвокатов к последней из обозначенных категорий.

Для Сибири делалось исключение из общих положений, обусловленное якобы «недостатком лиц, желающих принять на себя защиту подсудимых»⁶³. Если у подсудимого отсутствовал защитник, то он назначался председателем суда из «местных чиновников судебного ведомства, исключая судей и лиц прокурорского надзора»⁶⁴. Это положение наносило удар по состязательному порядку процесса, предполагающему наличие отдельно стоящих от суда сторон, их равноправие и освобождение суда от их процессуальных функций. Довод о «недостатке лиц» слабо обоснован. При существовании дореформенных судебных порядков, при весьма невыгодной постановке защиты, адвокатское сословие в крае было мало развито. Предположение чиновников Министерства юстиции о том, что с введением Судебных уставов, а значит, состязательности, не найдется защитников, могло оказаться неверным.

В закон 13 мая 1896 г. включался ряд норм, противоречащих утвержденным Судебными уставами началам. Временные правила, в частности, предоставляли министру юстиции право делать «необходимые изъятия» из правил Учреждения судебных установлений, регулировавших образовательный и профессиональный ценз, необходимый для вступления в ту или иную должность судебного ведомства⁶⁵. Это давало возможность расширить круг лиц, могущих стать чиновниками судебных учреждений, но наносило ущерб правосудию, поскольку открывало доступ к судебной деятельности людям неквалифицированным и неопытным.

Некоторые статьи правил предназначались облегчить участие населения в судопроизводстве. По гражданским делам свидетели, проживающие далее 200 верст от места, в которое их вызывали, могли просить о допросе в месте их проживания. По гражданским и уголовным делам, подсудным мировым су-

дьям, «прошения, жалобы и всякого рода бумаги» разрешалось пересылать по почте. По отдельным уголовным делам, подсудным окружным судам, подсудимый освобождался от личного присутствия на судебном разбирательстве, если проживал далее 200 верст от места заседания суда. Проживающие на том же расстоянии свидетели имели право не являться в суд. Их письменные показания, равно как и показания подсудимых, и письменные заявления и объяснения не прибывших на судебное заседание частного обвинителя и гражданского истца, на нем зачитывались⁶⁶. Эти отступления от общего порядка судопроизводства Н.В. Муравьев считал допустимыми, а необходимость их применения связывал с недостатком в крае «сведущих и добросовестных поверенных», с «громадностью расстояний, неустройством путей сообщения»⁶⁷. В Судебных уставах подобное отсутствовало. По некоторым категориям дел, рассматриваемым в сибирских судах по закону 13 мая 1896 г., сохранялись, таким образом, худшие процессуальные дореформенные нормы: письменность и заочность судопроизводства.

К негативным последствиям могли привести и перекосы в разделении сфер деятельности между сибирскими судебными учреждениями. Отказ от съездов мировых судей и суда присяжных увеличивал нагрузку на общие судебные установления. Казалось бы, окружные суды, передавая часть своих полномочий мировым судьям с их очень широкой подсудностью, избавлялись от немалой доли своей работы. Но на них ложилась не менее хлопотная обязанность съездов мировых судей, там обжаловались в апелляционном порядке неокончательные приговоры и решения мировых судей, в кассационном порядке – окончательные. Добавлялось работы и судебным палатам, в которых позволялось обжаловать любые приговоры и решения окружных судов, постановленные ими в качестве, как съездов мировых судей, так и судов первой степени⁶⁸. Все это тяжелым бременем легло на плечи чиновников общих судебных учреждений.

Отсутствие суда присяжных повлекло за собой включение во Временные правила, казалось бы, незначительной, но весьма характерной для суда без участия присяжных заседателей процессуальной нормы. Оправдательные приговоры окружных судов считались неокончательными, и прокуроры наделялись правом приостанавливать их исполнение⁶⁹.

Итак, можно перечислить основные черты установленного законом 13 мая 1896 г. в Сибири судебного порядка. К судопроизводству не допускалась общественность. Учреждался чиновничий суд: участие чиновников в судебных процессах даже приветствовалось и стимулировалось (отмена имущественного ценза для почетных мировых судей). Ограничивалась судебная независимость и несменяемость, что особенно отразилось на устройстве местной юстиции. Мировые судьи, в порядке служебных перемещений целиком завися от министра юстиции, ставились под надзор окружных судов, а в качестве следователей – под надзор прокуратуры. Существенно ущемлялись начала состязательности процесса и повышалась сила репрессии судебной системы. Защита на судебном разбирательстве не обладала должной силой. Явный обвинительный уклон сибирского уголовного процесса объясняется стремлением повысить карательный потенциал суда.

Сибирские судебные учреждения обладали множеством функций. На практике перекосы в распределении обязанностей между судебными учреждениями, возложение на них порой трудно совместимых функций могли привести к непредсказуемым последствиям, скорее всего, негативным для мировой юстиции. Временные правила обязывали сибирского мирового судью в качестве следователя перемещаться по участку, а в качестве судьи – находиться в своей камере. Мировому судье нужно было стать и специалистом следователем, и знатоком почти всего российского материального и процессуального права, а как нотариусу – успешно удовлетворять правовые запросы населения. Можно серьезно усомниться в самой возможности суще-

ствования человека, профессиональные качества и физические силы которого в полной мере соответствовали бы этим противоречивым требованиям. Такие сомнения высказывались современниками судебной реформы в Сибири. Корреспондент «Северного вестника» предполагал, что «мировой судья вряд ли будет в состоянии исполнять и одну треть накопившихся у него дел», вследствие чего «сибирское население не освободится от прежней судебной волокиты»⁷⁰. Впоследствии выяснилось, что прогноз сотрудника журнала оправдался.

Чиновники правительства, Министерства юстиции, министр юстиции связывали многочисленные отступления от положений Судебных уставов с «особыми местными условиями», «потребностями сибирского края»⁷¹. Однако, по мнению многих очевидцев судебного преобразования, интересы Сибири совершенно не учитывались. Проблема применимости Судебных уставов к сибирским условиям в полном объеме действительно существовала. Представители общественности понимали, что общие судебные правила нуждаются в Сибири в корректировках. И они делались, но, как правильно указывал Р.Л. Вейсман, «не так как надо»⁷², и Судебные уставы распространялись, говорил позже с думской трибуны сибирский депутат В.А. Караулов, «в виде испорченном и укороченном»⁷³.

Осуществление судебной реформы в искаженном виде было вызвано рядом обстоятельств. Временные правила 13 мая 1896 г. стали продуктом времени планомерного приспособления судебной организации к существующему политическому режиму. Этот процесс привел к тому, что российский суд постепенно превращался из носителя правосудия в один из правоохранительных органов. Все более активная передача правоохранительных функций суду – существенное направление судебной контрреформы в последней четверти XIX в. Не случайны по этому поводу заявления министра юстиции Н.В. Муравьева, определявшего суд как «прежде всего проводника и исполнителя самодержавной

воли монарха, всегда направленной к охранению закона и правосудия»⁷⁴, который «как орган правительства должен быть солидарен с другими его органами»⁷⁵.

Высказывания Н.В. Муравьева можно расценивать как установку на создание лояльного самодержавию суда, на включение судебной системы в число государственных административных органов. В Сибири, где в массе населения, среди которого проживало много ссыльных, культивировались демократические настроения, потребность власти карать преступников ощущалась с особой остротой. Поэтому царское правительство проявляло заинтересованность в том, чтобы установить там как можно более «послушный» суд, даже если это прямо противоречило целям правосудия. В связи с этим, были неминуемы ограничения положений Судебных уставов при их применении к Сибири, относящиеся к несменяемости судей, независимости суда, усилению его карательной силы.

Отступления от начал уставов связаны с предположениями «муравьевской» комиссии, которые при разработке судебной реформы в Сибири, по словам Н.В. Муравьева, принимались «в соображение»⁷⁶. Положения проводимого в крае преобразования в полной мере соответствовали плану судебного строительства, задумываемым министром юстиции. Он ставил задачи «приближения» суда к населению, «упрощения правосудия», «удешевления» его для населения «без лишнего отягощения казны», «проникновения» судебной системы «безличным правительственным началом». Министр являлся сторонником назначения всех без исключения должностных лиц судебного ведомства и установления «бдительного и строгого» правительственного «воздействия на суд»⁷⁷.

Между тем, обращает на себя внимание состав комиссии, разрабатывающей судебное преобразование в Сибири. Как уже говорилось, к проекту реформы «приложили руку», прежде всего, чиновники, сделавшие карьеру на прокурорском поприще. По ини-

циативе прокурора Н.В. Муравьева пересматривалось в 1890-е гг. судебное законодательство, именно он, по мнению профессора Томского университета Н.Н. Розина, являлся идеологом тех реакционных сил, «которым были не только чужды, но и невыносимы принципы, заложенные в основание судебной реформы 1864 г.»⁷⁸ Положения судебной реформы в Сибири подтверждают, что «перекройка» Судебных уставов проводилась в интересах прокурорской организации. Прокуратура получила возможность контролировать деятельность мировых судей в качестве следователей, министр юстиции как генерал-прокурор мог назначать, перемещать и увольнять чиновников мировой юстиции, подсудимые лишались качественной защиты.

Важную роль при проведении судебного преобразования играло стремление чиновников Министерства юстиции как можно меньше обременять казну расходами. Правительство не желало нести затраты на благоустройство края. Мысль о том, что «один Невский проспект в пять раз ценнее всей Сибири»⁷⁹, являлась составной частью имперского общественного сознания. Как справедливо отмечал Р.Л. Вейсман, Временные правила установили в крае «правосудие на дешевых началах»⁸⁰. «Суд дешевый, – сказал в одной из своих многочисленных речей Н.В. Муравьев, – синоним суда плохого»⁸¹. Но во время судебной реформы в Сибири эта мысль не посещала министра. Напротив, о «дешевизне» как о главном достоинстве сибирского судебного преобразования говорил он в выступлении в Государственном совете⁸². По его подсчету, «сибирский судебный округ» стоил казне меньше любого другого более чем на четверть⁸³. Экономия достигалась главным образом путем сосредоточения нескольких функций в руках одного судебного органа и установлением судебных учреждений в заведомо незначительном количестве и составе.

На территории Сибири и Дальнего Востока учреждалось 173 должности мировых судей (в Тобольской губернии 37 участковых и 2 добавочных мировых судьи, в Томской соответствен-

но – 32 и 2)⁸⁴, чего было ничтожно мало. Выбранный метод подсчета необходимого количества мировых судей оказался неправильным. Поскольку сибирским мировым судьям предписывалось исполнять две основные обязанности, для них уменьшили вдвое принятые в России предельно высокие нормы нагрузок судей и следователей. Сибирским судьям-следователям предлагалось разбирать ежегодно не более 500–600 дел мировой юрисдикции и 70–80 следственных дел. Применительно к Тобольской и Томской губерниям собирались данные за последние три года о поступлении в дореформенные суды дел в пределах подсудности, проектируемой для сибирских мировых судей. Полученное число разделили на годовые нормы рассмотрения дел мировыми судьями империи⁸⁵. Таким образом определялся количественный состав мировой юстиции Западной Сибири.

Метод определения этих норм не учитывал особенностей сибирских условий. Во внимание фактически не принималась многофункциональность сибирских мировых судей. Игнорировался прежний опыт проведения судебных реформ в России на основе Судебных уставов, когда количество дел, поступающих в новые суды, всегда возрастало. Знали об этом и члены комиссии, готовившей судебное преобразование в Сибири. Так, С.Г. Коваленский в своей записке писал: «Нет никакого сомнения, что число дел мирового разбирательства, как то показывает пример всех тех местностей, где введено было улучшенное судебное устройство, в первый же год введения реформы неминуемо возрастет»⁸⁶. «Значительное возрастание» дел с введением в крае новых судов прогнозировал и Н.В. Муравьев⁸⁷.

Умышленно не замечался фактор быстрого роста населения Сибири. Данные о количестве возникших дел, собранные в 1893 г., могли оказаться совершенно не отражающими реального положения ко времени введения в крае в 1897 г. мировых судов. Неверно распределялись мировые судьи по губерниям. В большей по населенности примерно на полмиллиона жителей Томской губернии⁸⁸

учреждалось на 5 меньше, чем в Тобольской губернии, должностей мировых судей.

Министерские чиновники прекрасно осознавали, что мировой суд вводился в недостаточном составе. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» сравнивался штат устанавливаемой местной юстиции в Тобольской губернии со штатом примерно одинаковой по населенности, но меньшей в 30 раз по площади Могилевской губернии. В ней работали 59 мировых судей и судебных следователей, тогда как в Тобольской губернии их учреждалось всего 44⁸⁹.

Отыскиваются и более показательные сравнения. В Псковской губернии, меньшей в 2 раза по населенности и в 20 раз по площади, в свое время действовало на 9 мировых судей и судебных следователей больше, чем предполагалось установить в Томской губернии⁹⁰. Сами министерские чиновники, характеризуя число вводимых в Западной Сибири мировых судей, говорили о нем как о «крайне умеренном»⁹¹, а Н.В. Муравьев называл его «минимальным». Министр полагал, что в будущем потребуется увеличить состав мирового суда⁹².

Еще в 1889 г. А. Клопов предлагал учредить в Тобольской губернии 38, Томской – 37 мировых судей исключительно с судебными обязанностями⁹³. Тобольские губернский прокурор и председатель губернского суда считали нужным в Тобольской губернии ввести 29 мировых судей и 20 судебных следователей⁹⁴. Министерство юстиции в 1882 г. попыталось изучить вопрос о применимости мирового суда к условиям Сибири. Тогда чиновники исходили из того, что мировой судья способен «обслуживать» район с населением не более 30 тыс. жителей⁹⁵. Население Тобольской губернии в 1897 г. равнялось примерно 1 млн. 440 тыс. чел., Томской – 1 млн. 920 тыс. жителей⁹⁶. Если принять во внимание предложенную в начале 1880-х гг. норму населенности мирового участка, то в первой из губерний штат мировой юстиции должен был состоять из 48, во второй из 60 судей.

Правительство игнорировало вопрос и о достаточном укомплектовании сибирской общей судебной системы. Чиновники, разрабатывающие проект судебной реформы в крае, намеренно выбрали неправильный метод исчисления необходимого числа служащих окружных судов. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» говорилось, что ежегодно члены судов «по опыту успевают отправлять каждый по 450 дел». На эту цифру чиновники Министерства юстиции разделили среднее годовое число дел, возникавших в первой половине 1890-х гг. в губернских дореформенных судах. В состав Тобольского окружного суда, таким образом, включались 8, в штат Томского – 7 членов суда⁹⁷, чего в условиях легко прогнозируемого увеличения следствий в конце 1890-х гг. было недостаточно. Поэтому окружные суды края еще до начала своей деятельности обречались на перегруженность делами, медленность их рассмотрения. Такие последствия казались неизбежными и некоторым сибирским публицистам⁹⁸.

Вряд ли обосновано расположение окружных судов Западной Сибири в губернских центрах. Губернские столицы находились не в середине зоны компактного расселения населения, а на ее северных границах. При том, если Томск оставался во всех отношениях главным городом губернии, то Тобольск свою главенствующую роль все больше утрачивал. Исходя из потребностей правосудия, было бы разумней разместить окружной суд в Тобольской губернии в одном из быстро развивавшихся окружных городов юга.

Нежелание правительства нести затраты на содержание дорогостоящих судебных палат некоторым представителям общественности представлялось причиной задержки судебной реформы в Сибири⁹⁹. Современники считали, что краю нужны минимум три палаты¹⁰⁰. Члены комиссии под председательством П.М. Бутовского говорили о «желательности» учреждения в крае двух судебных палат, но ссылаясь на «значительный расход», вызванный содержа-

ем нескольких палат, чиновники посчитали достаточным введение одной судебной палаты в Иркутске¹⁰¹. Только 11 чиновников вошли в ее штат¹⁰². В каждой же из десяти палат Европейской России, по данным на 1889 г., состояло в среднем по 21 сотруднику¹⁰³. В округе Иркутской судебной палаты проживало 4 млн. 288 тыс. чел., в самом малонаселенном округе из других палат страны – Виленском – 6 млн. 915 тыс. жителей. Но в штат Виленской судебной палаты входило 20 чиновников¹⁰⁴. Всего 4300 руб. выделялось из казны на содержание дополнительного штата Казанской судебной палаты, в округ которой вошла Тобольская губерния¹⁰⁵. Укладываясь в эту сумму, меньшую на 500 руб., чем содержание двух сибирских мировых судей, Казанская палата обязывалась удовлетворить все потребности в ее услугах со стороны округа Тобольского окружного суда.

Вместе с тем, круг деятельности сибирской судебной палаты существенно расширился. Статьи 37 и 69 Временных правил возложили на нее часть обязанностей Сената. В Сибири судебная палата становилась кассационной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами в качестве съездов мировых судей. Этим нововведением чиновники Министерства юстиции намеревались ускорить судопроизводство и сделать суд более доступным для населения¹⁰⁶. Значительно обременить судебную палату должны были отсутствие суда присяжных и обязанность проведения выездных сессий в губернских городах.

Временные правила получили неоднозначную оценку современников. В реакционной прессе положения закона оценивались очень высоко. В «Московских ведомостях» указывалось: «Сибирь получает судебную организацию даже более совершенную, чем та, которая существует в областях коренной России»¹⁰⁷. Самые последовательные критики придавали правилам большое значение. В.Н. Анучин писал, что они несли «коренные изменения принципов судоустройства и судопроизводства»¹⁰⁸.

На фоне почти повсеместного упразднения в 1889 г. мирового суда могло показаться: его введение в Сибири и есть то бла-

го, которое положительно повлияет на отправление правосудия в крае. Н.Ф. Анненский указывал: «По отношению к устройству низшего суда сибирские губернии будут находиться в условиях более благоприятных, чем большинство местностей Европейской России, где с введением института земских начальников в корне нарушен был принцип разделения властей судебной и административной»¹⁰⁹. «Вознаграждением» за долгие годы ожидания судебной реформы называли «Русские ведомости» введение мирового суда с сохранением принципа отделения судебной власти от административной¹¹⁰. «За что Сибирь может быть благодарна метрополии, – подчеркивал Р.Л. Вейсман, – это за то, что введение института земских начальников настолько запоздало для нее, что наша окраина их и не дождалась»¹¹¹. В «Русской мысли» как «на значительно упрощающие судебное дело» указывалось на положения Временных правил, которые требовали от мировых судей передвижения к месту разбора дела, если оно возникало далеко от его камеры, и давали право свидетелям просить об их допросе в месте проживания¹¹².

Все же в целом, судебная реформа получала в свой адрес негативные отклики. Беглое знакомство с законом 13 мая 1896 г. давало повод современникам говорить о том, что он «совсем и не носит на себе следов какой-нибудь большой подготовительной работы», «набросан очень крупными штрихами, вырисовки деталей, применительно к разнообразию местных условий разных частей такого громадного края как Сибирь, мы в нем совсем не находим»¹¹³. Высказывалось сомнение в способности новых судов удовлетворить потребности сибирского населения в правосудии¹¹⁴.

Между тем, игнорирование особенностей судебной реформы может привести к неверным выводам. Так, современный историк М.Н. Игнатьева считает, что нормы Временных правил 13 мая 1896 г. не противоречили принципам Судебных уставов и содержали «реальные гарантии независимости суда, гуманности и законности, защиты прав подданных»¹¹⁵. Одна-

ко принципиально не соответствовали началам уставов 1864 г. положения об отстранении от участия в судопроизводстве общественности, совмещении разнородных функций у судебных органов, ограничения состязательности, устности судебного процесса, ущемление независимости суда и т.д.

Таким образом, правительство, ориентируясь в последней трети XIX в. на приспособление юстиции к политическому режиму, не решаясь коренным образом изменить все судебное законодательство России, широко его перекраивало применительно к регионам, где Судебные уставы вводились впервые. Временные правила не только испытали на себе влияние судебной контрреформы, но и содержали признаки ее углубления.

2. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1897 г.

Закон 13 мая 1896 г. стал для многих сибиряков неожиданностью. Местная общественность не информировалась о производящихся в Министерстве юстиции работах. Сибирь наполняли слухи, не всегда достоверные и вводившие в заблуждение. Так, томская газета «Сибирский вестник» в марте 1896 г., т.е. после внесения Н.В. Муравьевым соответствующего законопроекта на рассмотрение в Государственный совет, сообщала, что судебная реформа откладывается и ее проведение произойдет не раньше, чем с окончанием деятельности «муравьевской» комиссии¹¹⁶.

Несмотря на явные недостатки Временных правил, их учреждение сибирские администрация и общественность встретили с воодушевлением. Чиновники спешно готовились к введению новых судов. Проводилась значительная работа по разделению губерний на мировые участки, по найму жилья и помещений для камер мировых судей. Но уже на этом этапе становилось ясно, что местная юстиция столкнется с проблемами. Недостаток штата мировых судов поставил окружных исправников, на плечи

которых легла ответственность разделения округов на участки, в затруднительное положение. Таким образом, перед местной администрацией ставилась непростая задача. В частности, тобольский губернатор Л.М. Князев, исходя из своего опыта судебной деятельности¹¹⁷, рекомендовал исправникам «избегать учреждения слишком больших участков, поставив обширность участков в известное соотношение к числу возникающих дел, то есть чем больше количество дел, тем меньше должна быть величина участка. Независимо от сего, невозможно также включать в один участок местности, отделяемые одна от другой большими реками, горами, тайгой и другими естественными преградами, так как в противном случае, даже при малом количестве дел и не особенно обширных участках, судьи будут лишены возможности исполнять надлежащим образом свои обязанности»¹¹⁸.

Некоторые чиновники пытались сигнализировать о противоречивости данного им поручения. Ялуторовский исправник докладывал тобольскому губернатору, что разделение округа на три участка «представляется крайне затруднительным». В интересах правосудия, по его мнению, округу требовалось пять участков. Следовательно, мировым судьям были уготованы перегрузки: в Тобольской губернии мировые участки наделили так, что в одном из них ежегодно возникало до 1400 дел мировой подсудности, а в другом – до 150 следственных дел.

Министерство юстиции пыталось в короткие сроки решить проблему укомплектования судебных учреждений. В июне 1896 г. в Сибирь командировались старшие председатели и прокуроры Казанской и будущей Иркутской судебных палат. Цель их поездки состояла в определении местных судебных деятелей, которые могли бы занять ту или иную должность в новых судах. Всем судебным палатам предлагалось указать лиц, желающих перейти на службу в Сибирь. Собранный материал поступил на обсуждение особого министерского совещания, где окончательно устанавливались служащие, получившие назначения в сибирские судебные учреждения¹¹⁹.

Чиновники Министерства юстиции принимали меры для стимулирования приезда в Сибирь судебных деятелей из Европейской России. Желавшие переехать могли рассчитывать на получение специальных пособий «на подъем и обзаведение», выдаваемых в размере годового жалования семейным чиновникам и его трети холостым¹²⁰. Тех, кто уже работал в Сибири, могло заинтересовать повышение окладов по сравнению с до-реформенными. Этим материальные выгоды ограничивались. В докладе 6 апреля 1896 г. в Государственном совете Н.В. Муравьев акцентировал внимание на моральном стимулировании труда судебных работников, перспективах их карьерного роста и возможного повышения жалования в будущем. Министр перечислил несколько причин, способных побудить чиновников вступить на сибирскую судебную службу: перспектива, «быть может, периодических прибавок к содержанию»; «повышение при назначении в Сибирь с низших должностей во внутренних губерниях»; «старательно поддерживаемая надежда, по особо усердном и полезном прослужении известного срока, получить новое повышение или перемещение в лучшую местность»; «идеальное стремление посильно поработать на симпатичной, вновь пролагаемой дороге к правде и законности, желание побороться, во имя света и добра, против зла и мрака»¹²¹.

Несмотря на то, что далеко не все из перечисленных стимулов сулили судебным работникам реальную выгоду, Министерству юстиции удалось добиться их массового переселения из Европейской России за Урал. Статистические данные показывают, что 47% всех назначений выпало на долю людей, так или иначе знакомых с Сибирью, а 53% лиц, занявших должности в сибирских судебных палатах, увидели этот край впервые¹²². Означенная мера позволила поднять на небывалую высоту общий образовательный уровень сибирских судей. Из всего числа лиц, назначенных в новые суды Сибири, 81,5% получили высшее юридическое образование, 10,3% – высшее неюридическое и лишь 8,2% не

имели диплома о высшем образовании, но обладали достаточной юридической практикой¹²³. Привлечение квалифицированных судебных деятелей в сибирские суды следует считать одной из главных положительных черт судебного преобразования 1897 г.

Высочайшим повелением от 19 февраля 1897 г. министру юстиции предоставлялось право утвердить проекты разграничения губерний и областей Сибири на судебно-следственные участки, указав в пределах участков места постоянного пребывания участковых и добавочных мировых судей и распределив их по участкам, а также назначить до 1 июля 1897 г. почетных мировых судей¹²⁴. Еще раньше император позволил министру юстиции лично открыть Иркутскую судебную палату и Иркутский окружной суд. Обязанность начать работу Тобольского окружного суда возлагалась на старшего председателя Казанской судебной палаты А.Н. Щербачева, ввести в действие остальные окружные суды поручалось их председателям¹²⁵.

Открытие новых судов намечалось на 2 июля 1897 г. За несколько дней стали приезжать высокие гости. Вечером 29 июня в Иркутск прибыл министр Н.В. Муравьев. На приветствие городского головы он ответил: «Прибыв к вам по такому поводу, который должен составить эпоху в сибирской жизни, я считаю великим для себя счастьем быть исполнителем мудрой царской воли, даровавшей Сибири новые суды»¹²⁶. В тот же день тобольский губернатор встречал в Тобольске А.Н. Щербачева и прокурора Казанской судебной палаты В.А. Соколова¹²⁷.

В назначенный день новоиспеченные суды начали работу. Редкое периодическое издание обошло это событие стороной. «И печать местная, и русская, – указывалось в "Русском богатстве", – повсеместно приветствовала 2 июля – день введения новых судебных учреждений в Сибири»¹²⁸. По наблюдению корреспондента «Восточного обозрения», «почти все газеты и журналы» посвятили статьи открытию судов в крае¹²⁹. Информацию о столь знаменательном событии распространило Российское телеграфное

агентство¹³⁰. 2 июля 1897 г. в сибирской прессе называли «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири» днем¹³¹.

Ажиотаж, сопровождавший первые шаги реформы, показывает, насколько важной представлялась она сибирякам. Всеобщее воодушевление по ее поводу превратилось в настоящий праздник в местной жизни. «Русские ведомости» писали, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский»¹³². Думы сибирских городов, мещанские и купеческие общества выделяли средства на проведение торжеств, улицы городов украшались флагами, устраивались праздничные обеды, организовывались народные гуляния¹³³. Население края, уставшее от произвола дореформенного суда, ликовало. Оно, по словам Л.М. Князева, «восторженно приветствовало» судебную реформу¹³⁴ и, по мнению корреспондента «Тобольских губернских ведомостей», пребывало в убеждении, что «Сибири действительно дан суд скорый, правый и милостивый»¹³⁵.

На открытии новых судебных учреждений в крае обильно изливались верноподданнические чувства, ораторы произносили хвалебные речи, казалось, энтузиазму сибиряков не было предела. В своих выступлениях судебные деятели и представители общественности говорили о недостатках дореформенных судов, значении судебной реформы, перспективах установленной системы правосудия. Главную речь произнес в Иркутске Н.В. Муравьев. Он находился в уверенности, что реформа проводилась в полном соответствии с Судебными уставами, а предпринятые отклонения от общего судоустройства и судопроизводства представлялись ему «глубоко обдуманнными». Министр, обратившись с напутственными словами к каждой категории судебных деятелей новых судов, указал на особую миссию мировых судей (впоследствии данные слова использовались критиками мировой юстиции края, когда они хотели показать несоответствие задумываемого при проведении реформы результатам практической деятельности мирового института): «Правительство твердо надеется, что сибирские миро-

вые судьбы окажутся на высоте этого исключительного призвания и будут творить царское правосудие с честью, с усердием, скажу больше – с благоговением. В глуши, в одиночестве, среди суровой природы и чуждых людей это будет своего рода подвигом, но пусть даже и так – сознательный подвиг и бескорыстная жертва возвышают и облагораживают того, кто способен на них! В подобном служении ярко засветится искра божья, озаряющая темноту, и если с течением времени цепь мирового судьи сделается в Сибири живым символом закона и правды, то новые судьи сослужат великую, незабвенную службу царю и Отечеству»¹³⁶.

Установленные судебные правила производили безукоризненное впечатление, и потому сбои в деятельности новорожденной юстиции, как представлялось многим из выступавших 2 июля, могли произойти только по вине служебного персонала. Бывший судебный деятель тобольский губернатор Л.М. Князев говорил, что судья, действующий на основании Судебных уставов «в искании правды, имеет в руках своих оружие нестареещее, несовершенством которого он уже не вправе, как судья дореформенный, оправдывать неудовлетворительность служения своего высоким целям правосудия»¹³⁷.

В атмосфере праздника забывались десятилетия ожидания судебной реформы, годы игнорирования проблем сибирской юстиции. «Едва успела созреть эта настоящая потребность в преобразовании суда, как уже она нашла отклик на высоте престола», – заявил на открытии Томского окружного суда его председатель Ф.Ф. Депп¹³⁸. Казались незаметными отступления от общих судебных правил. Выступавшие в тот день не обращали на них внимания. Однако многие периодические издания, освещавшие открытие судебных учреждений, вразрез с общими настроениями участников торжеств, указывали на недостатки реформы, прежде всего, на отсутствие суда присяжных¹³⁹.

Все же в целом, и критики, и сторонники новых судов, как показали дни их введения, отводили огромное значение судебной

реформе 1897 г. Действительно, она коренным образом изменила судебные порядки и реализовала с некоторыми ограничениями принципы Судебных уставов: независимость судебной власти и несменяемость судей, равенство всех перед законом, гласность и состязательность судопроизводства, право обвиняемого на защиту и т.д. Преодолевался разрыв между дореформенным сибирским судом и новыми судами империи, судебные деятели включались в общероссийское судейское сообщество, появился потенциал для сплочения судебной корпорации и приобретения ей веса в системе государственных учреждений Сибири. Население региона получило возможность приобщиться к цивилизованным нормам права и испытать уверенность в скором и справедливом разрешении юридических вопросов судом.

Однако устройство новой юстиции стало уникальным, в таком виде нигде не опробованным, а Сибирь при том оставалась весьма специфическим регионом. Поэтому только деятельность введенной системы правосудия могла показать, насколько оправданными и эффективными являлись меры, с помощью которых чиновники Министерства юстиции попытались приспособить Судебные уставы к сибирским условиям.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 240. Л. 1.
2. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 3 об.
3. Там же. Л. 43 об.
4. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 243; Д. 244; Д. 245; ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50².
5. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 50–54, 73–75.
6. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 2 об–3.
7. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 1.
8. Судебная реформа в Сибири. – С. 3.
9. ПСЗ-III. Т. 16. № 12932 (далее – Временные правила 13 мая 1896 г.).
10. См.: Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – С. 40.
11. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. – С. 508–511.
12. Щегловитов И.Г. Указ. соч. – С. 20.

13. Джаншиев Г.А. Суд над судом присяжных. – М., 1896. – С. 3.
14. Восточное обозрение. – 1893. – 7 февраля.
15. См.: Анненский Н.Ф. Указ. соч. – С. 168–169; Арефьев Н. Указ. соч. – С. 56–57; Вестник Европы. – 1896. – № 6. – С. 777–779; Восточное обозрение. – 1893. – 7 февраля; 1897. – 24 августа; Русские ведомости. – 1896. – 29 мая; Сибирская газета. – 1899. – 1 января; Сибирский В. Указ. соч.; Сибирский вестник. – 1898. – 3 июля; и др.
16. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 245. Л. 14 об.
17. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 129 об.
18. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. [– СПб., 1897]. – С. 6.
19. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 52.
20. См.: Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 3; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 144–145.
21. См.: Анненский Н.Ф. Указ. соч. – С. 168; Арефьев Н. Указ. соч. – С. 56–57; Вестник Европы. – 1896. – № 6. – С. 779; Русские ведомости. – 1896. – 29 мая.
22. См.: Арефьев Н. Указ. соч. – С. 56–57; Сибирский В. Указ. соч.
23. Восточное обозрение. – 1897. – 24 августа.
24. См.: О.Б.А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. – 1897. – № 7. – С. 183.
25. Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 3.
26. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 43–44.
27. Он же. Правовые запросы Сибири. – С. 38.
28. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. – СПб., 1867. – С. 96.
29. См.: Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. – С. 38; Сибирский В. Указ. соч.
30. Муравьев Н.В. Указ. соч. Т. 2. – С. 514.
31. Сведения об их карьерном росте приводятся, например, в работе Ф.И. Гредингера (См.: Гредингер Ф.И. Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам Александра II // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. – Пг., 1914. – С. 248).
32. Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. – С. 539.
33. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. – М., 1889. – С. 27–28.
34. Временные правила. 13 мая 1896 г. Ст. 1, 4.
35. Там же. Ст. 2.
36. См.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции... – С. 99.
37. ПСЗ-III. Т.16. № 12483. Ст. 1, 2, 4; № 12995. Ст. 3; № 15493. Ст. 1, 4.
38. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 2.
39. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 133 об.–134.
40. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 3.

41. Там же. Ст. 24; Устав гражданского судопроизводства // СЗРИ. Т. 16. Ч. 1. – СПб., 1892. Ст. 29, 1462.
42. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 56; Устав уголовного судопроизводства // СЗРИ. Т. 16. Ч. 1. – СПб., 1892. Ст. 33, 126, 1260, 1263.
43. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 21; Д. 10393. Л. 39.
44. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 11.
45. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 128 об.
46. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 7.
47. Отчет по делопроизводству Государственного совета... – С. 506; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 45, 131.
48. См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. – С. 447.
49. Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. – С. 21.
50. Отчет по делопроизводству Государственного совета... – С. 505.
51. См.: Гессен И.В. Судебная реформа. – С. 250.
52. Северный вестник. – 1896. – № 6. – С. 272.
53. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 20 об.
54. ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50². Л. 11.
55. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 53.
56. Там же. Ст. 10, 14, 17, 44, 90.
57. Отчет по делопроизводству Государственного совета... – С. 505.
58. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. – С. 13, 24, 26.
59. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 138.
60. Обсуждение вопроса об изменениях в устройстве адвокатуры // Высочайше учрежденная при Министерстве юстиции комиссия для пересмотра положений по судебной части. – СПб., 1897. – С. 118.
61. Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. – С. 489.
62. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 23.
63. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 146.
64. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 77.
65. Там же. Ст. 18.
66. Там же. Ст. 32, 45, 65, 78, 80, 81, 82.
67. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1896 г. – С. 7; РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 7 об.
68. Временные правила 13 мая 1896 г. Ст. 33, 34, 37, 63, 67, 69.
69. Там же. Ст. 84.
70. Северный вестник. – 1896. – № 6. – С. 271–272.
71. Общий обзор деятельности... – С. 9; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 44 об.
72. Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. – С. 25.
73. Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. – 1909. – № 48. – С. 46.
74. Цит. по: Гессен И.В. Судебная реформа. – С. 224.

75. Цит. по: Чубинский М.П. Указ. соч. – С. 242.
76. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1896 г. – С. 5.
77. Общий обзор деятельности... – С. 32–33.
78. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1916. – С. 71.
79. Цит. по: Альтшуллер М.И. Указ. соч. – С. 73.
80. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 73.
81. Муравьев Н.В. Последние речи. 1900–1902 гг. – СПб., 1903. – С. 106.
82. Он же. Из прошлой деятельности. Т. 2. – С. 400.
83. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 10.
84. ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. № 12932.
85. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 159–162, 158.
86. Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 50².
87. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 10 об.
88. См.: Азиатская Россия. Т. 1. С. 88.
89. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 160 об.
90. См.: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. – С. 16.
91. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 160.
92. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. – С. 403–404.
93. РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 39.
94. Там же. Д. 9921е. Л. 22–22 об.
95. Там же. Оп. 69. Д. 7107в. Л. 8–8 об.
96. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1897 г. Вып. 13. – СПб., 1899. – С. 28–29.
97. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 167–168.
98. См. например: Сибирский вестник. – 1896. – 2 июня.
99. Восточное обозрение. – 1893. – 3 июня.
100. Северный вестник. – 1896. – № 6. – С. 272.
101. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 136.
102. ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. № 12932.
103. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. – С. 1.
104. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1897 г. – С. 56.
105. ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. № 12932.
106. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 45.
107. Московские ведомости. – 1896. – 31 мая.
108. Анучин В. К десятилетию...
109. Анненский Н.Ф. Указ. соч. – С. 171.
110. Русские ведомости. – 1896. – 29 мая.
111. Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. – С. 26.
112. Русская мысль. – 1896. – С. 174.
113. Анненский Н.Ф. Указ. соч. – С. 167.
114. Северный вестник. – 1896. – № 6. – С. 272–273.

115. Игнатъева М.Н. Указ. соч. – С. 4.
116. Сибирский вестник. – 1896. – 8 марта.
117. Л.М. Князев имел за плечами юридическое образование и десятилетия карьеры в судебном ведомстве. В 1872 г. он окончил курс в Петербургском императорском училище правоведения и начал службу в качестве помощника гродненского губернского прокурора; с 1873 г. – кандидат на судебные должности при прокурорах Рязанского, затем Тамбовского окружных судов и исправляющий обязанности судебного следователя; в 1878–1890 гг. – товарищ прокурора в Симбирском, Варшавском, Псковском, Санкт-Петербургском окружных судах; с 1890 г. – прокурор Витебского и Варшавского окружных судов (См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. – Тюмень, 2000. – С. 395).
118. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 1–2; Д. 862. Л. 11.
119. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – С. 40; Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 19 июля.
120. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 49.
121. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. – С. 405
122. См.: Плотников М. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. – 1898. – № 2. – С. 201; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – С. 40; Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 26 июля.
123. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – С. 40–41.
124. ПСЗ-III. Т. 17. № 13775.
125. Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 28 июня.
126. Восточное обозрение. – 1897. – 2 июля.
127. Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 5 июля.
128. О.Б.А. Указ. соч. – С. 176.
129. Восточное обозрение. – 1897. – 24 августа.
130. Степной край. – 1897. – 4 июля.
131. Томский листок. – 1897. – 1 июля.
132. Цит. по: Восточное обозрение. – 1897. – 24 августа.
133. См.: Сибирский вестник. – 1898. – 3 января; Сибирский листок. – 1897. – 29 июня; Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 12 июля; Томский листок. – 1897. – 1 июля.
134. Коллекция печатных записок РГИА. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г. – С. 13.
135. Тобольские губернские ведомости. – 1897. – 12 июля.
136. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. – С. 410–416.
137. Цит. по: Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. – С. 42.
138. Восточное обозрение. – 1897. – 20 июля.
139. См. например: О.Б.А. Указ соч. – С. 176; Восточное обозрение. – 1897. – 4 июля; 24 августа.

ГЛАВА IV. ИТОГИ РЕФОРМЫ 1897 г.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮСТИЦИИ

1. МИРОВОЙ СУД

С первых дней функционирования новой системы правосудия в Западной Сибири вскрывались недостатки в ее устройстве, обнажались пороки в организации судопроизводства. Первоначальные результаты работы новоиспеченного суда получили негативные оценки: публицист В. Сибирский указывал, что деятельность судебной системы «возбудила много затруднений и вызвала немало неудобств для жителей»¹. «Наибольшие недочеты и пробелы, – писала "Сибирская жизнь", – как показал минувший 1898 год, обнаружены в судебной реформе»².

В трудном положении, как и следовало ожидать, оказались мировые судьи. Р.Л. Вейсман писал, что «крах мирового суда последовал немедленно» после его учреждения в крае³. Мировые судьи столкнулись с большим количеством поступающих к ним на рассмотрение дел. «Сибирская торговая газета» через несколько недель после введения мировой юстиции сообщала об ее «завале» делами, ставшим следствием, как считал корреспондент, необходимости исполнять обязанности следователей⁴. В первые месяцы деятельности нового местного суда выяснилось, что количество возникавших дел мировой подсудности превысило все нормы. Например, в определенных участках Тобольской губернии во втором полугодии 1897 г. возникло дел больше, чем, как предполагалось, мировые судьи могли разобрать в течение года⁵. По подсчету председателя Томского окружного суда Ф.Ф. Демпа, в начале 1898 г. в мировые установления Томской губернии поступало в 3 раза больше допустимого дел мировой подсудности, следственных – в 2 раза⁶.

Некоторые тогдашние критики деятельности сибирского суда причину такого положения усмотрели в том, что «заброшен-

ная и глухая страна, долго жаждавшая первых лучей истинного правосудия, так страстно бросилась им навстречу, что крайне затруднила первые шаги новой юстиции»⁷. Поначалу это обстоятельство могло как-то объяснить создавшуюся ситуацию. Тогда авторитет мировой юстиции был непререкаем. Как вспоминал позже один из западносибирских мировых судей, крестьяне «стекались толпами», чтобы «посмотреть новый суд»⁸. Казалось, в нравственном отношении мировой суд соответствовал своему высокому призванию. Одна из газет сообщала, что жителей Ишима поразила вежливость местного мирового судьи⁹. Судебное начальство рекомендовало мировым судьям отказаться от курения при разборе дел¹⁰. Наверно, впервые сибиряки смогли ощутить человеческое к себе отношение со стороны чиновника и получили возможность обратиться в суд без соблюдения письменных формальностей.

Однако скоро выяснилось, что поток производств, возникших в каждом мировом участке, не только не иссякал, а постоянно возрастал. Один из современников указывал на существование в начале XX в. множества участков, где «на руках имелось до 200 следственных и до 1000 мировых дел»¹¹. Как пример волокиты в местных судах края в прессе отмечался факт накопления у единственного мирового судьи Новониколаевска 1600 судебных дел¹². Личный опыт и наблюдения В.Н. Анучина (девять лет проработал в мировой юстиции, а затем пополнил сообщество адвокатов) позволяли ему утверждать, что через каждый судебносудебный участок в среднем ежегодно проходило более 1000 мировых производств и до 150 предварительных следствий¹³.

По сведениям Омской судебной палаты, в 1900–1901 гг. в участке каждого мирового судьи Томской губернии возбуждалось ежегодно в среднем по 1000 дел мировой подсудности и по 100 следственных дел, тогда как в Тобольской губернии в то же время каждый мировой судья заводил соответственно 500–600 и до 80 таких производств (напомним, норма: 500–

600 дел мировой подсудности и 70–80 дел следственных). Эти цифры показывают, что поступление дел в Tobольской губернии было примерно в пределах предписанного, тогда как судьи Томской губернии сталкивались с перегрузками. Отсюда следовало значительное накопление нерешенных дел у мировых судей округа Томского окружного суда, которого пока не наблюдалось у судей тобольского округа. На 1900 г. в производстве мировых судей Томской губернии оставалось примерно 14000 судебных дел, на 1901 г. – около 15000, а на 1902 г. – уже более 17000. Эти цифры говорят о неспособности судей справляться с наплывом дел. В 1900–1901 гг. ежегодно возбуждалось дел мировой подсудности в 20 из 36 участков Томской губернии больше годовой нормы, в 13 из них – более 1000. Тогда же в Tobольской губернии заводилось дел в 27 участках из 39 в пределах нормы, в 6 участках – более 1000. Определены участки-«рекордсмены»: в Tobольской губернии ими стали городские участки Tobольска, Кургана, Тары, Тюмени, где ежегодно возникало до полутора тысяч дел мировой подсудности, в Томской губернии эпицентр постепенно перемещался в южные районы. Так, в барнаульском участке в 1901 г. возникло 2272 уголовных и гражданских дела. Большое число поступающих дел приводило к их накапливанию. В этом плане тоже определились «лидеры». По истечении 1902 г. остались неразрешенными 2036 дел во 2-м участке Змеиногорского уезда и 2567 дел во 2-м участке Каинского уезда¹⁴.

В первом десятилетии XX в. основные показатели деятельности мировой юстиции Западной Сибири неуклонно падали. Число возникавших дел росло. Исчислять их стали тысячами. Например, в 1905 г. 3,5 тыс. дел возбудил мировой судья 1-го участка Курганского уезда, в 1910 г. – около 4 тыс.¹⁵, по 4545 дел ежегодно поступало в производство барнаульского мирового судьи в течение 1907–1909 гг. По мнению председателя Барнаульского окружного суда (установлен в 1910 г.), по

меньшей мере в трех мировых судьях вместо одного работавшего в Барнауле испытывал потребность город¹⁶.

К 1909 г. в Томской губернии остались нерешенными 24015 уголовных дел мировой подсудности, в Тобольской – 9729. С данными показателями западносибирский мировой суд прочно занимал первое место по волоките среди таких учреждений многочисленных регионов, где отсутствовали съезды мировых судей (округа окружных судов Закавказского края, Омской, Ташкентской, Иркутской судебных палат, округа Архангельского, Оренбургского, Троицкого и Уральского окружных судов). Лучшей действовала мировая юстиция по разбирательству гражданских дел. К 1909 г. в Томской губернии их осталось нерассмотренными 7107, в Тобольской – 2843. Если мировой суд Томской губернии по количеству накопленных нерассмотренных гражданских дел шел вслед за мировыми учреждениями Кутаисского округа, то в Тобольской губернии число нерешенных дел равнялось норме¹⁷.

К началу 1911 г. в связи с резким увеличением количества возникающих производств в Тобольской губернии остались нерешенными уже 20794 уголовных и гражданских дел, в Томской – 60412¹⁸. Таким образом, в первой губернии на каждого участкового судью приходилось в среднем по 520 залежавшихся судебных следствий, во второй – по 1185. Исходя из предложенных в 1897 г. Министерством юстиции норм, можно заключить: для того, чтобы рассмотреть только прошлогодние дела, не решая вновь возникших, мировым судьям Тобольской губернии нужен был год, Томской – два года. Деятельность западносибирского мирового суда близилась к коллапсу. Образовывалась, писали «Сибирские вопросы», «такая "судебная пробка", которую не скоро расковыряешь, не то что уж вытащишь»¹⁹.

Основная причина накапливания дел в мировой юстиции связана с ограниченностью ее состава. Правительство не спешило его увеличивать. Единственное заметное пополнение штата местного суда до начала второго десятилетия XX в. осуществля-

лось в 1900 г. Тогда в Тобольской губернии дополнительно учреждалось 3 должности участковых мировых судей и 1 добавочного, в Томской – 6 участковых и 2 добавочных²⁰. Однако эта мера несколько не удовлетворяла потребностей мировой юстиции.

Накопление дел стало последствием возложения на мировых судей трудно совместимых судебных и следовательских обязанностей. Такое соединение функций Р.Л. Вейсман назвал «несчастливым браком, требующим немедленного развода»²¹. Как указывал другой современник, сибирскому мировому судье была уготована роль «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей»²². Обязанность проведения предварительных следствий, писал В.Н. Анучин, придавала деятельности сибирских мировых судей «характер скачек с препятствиями»²³.

Судебные чиновники Сибири с самого начала понимали всю нелепость совмещения судебных и следственных функций. Общее собрание отделений Томского окружного суда на следующий день после установления новой юстиции в крае, воспользовавшись правом, данным статьей 8 Временных правил, разрешающей распределять в городах следственные и судебные обязанности, возложило на двух мировых судей Томска только судебные полномочия, на двух других – следовательские²⁴. Подобная практика получила дальнейшее распространение. В 1905 г. в Тобольской губернии из 40 мировых судей 3 занимались только ведением предварительных следствий и 5 исполняли исключительно судебные обязанности²⁵. На 1 января 1909 г. в Томской губернии 6 мировых судей являлись следователями, 6 собственно судьями и оставалось 36 «смешанных» (судебно-следственных) мировых участков²⁶.

Несовместимость обязанностей судьи и следователя сделала деятельность мирового суда малоэффективной. По следовательским делам мировой судья должен был разъезжать по участку, тогда как интересы суда требовали от него постоянного присутствия в камере. В.Н. Анучин утверждал, что мировой судья

пребывал в поездках по участку по 60 часов в месяц, проезжая при этом по 500–600 верст²⁷.

Сведения относительно разъездов судей систематически не собирались. Тем не менее, имеются определенные данные. В 1905 г. каждый мировой судья Тобольской губернии находился в переездах по участку в среднем по 45 дней (примерно 4 дня ежемесячно)²⁸. В 1899 г. «исключительно в дороге» провели судьи Ишимского уезда от 35 до 60 дней²⁹. Ишимский уезд, являясь одним из самых густонаселенных и небольших уездов Сибири, имел достаточно укомплектованный состав мировых судов, и есть основания считать, что мировые судьи других западносибирских районов тратили на переезды больше времени. Подтверждение тому: сведения о разъездах судей по следственным делам в Барнаульском уезде в 1905–1908 гг. Для них два-три месяца в поездках ежегодно было правилом, и общая продолжительность выездов в эти годы не уменьшалась (см. табл. 3 приложения).

Мировые судьи-следователи вынуждались расследовать следственных дел больше, чем предусматривалось чиновниками Министерства юстиции. Так, в 1900–1901 гг. только 11 мировых судей Томской губернии из 36 возбуждали предварительные следствия в количестве, не превышающем норму в 70–80 дел. Число следствий у остальных чиновников было большим. Каинский судья, например, завел в 1901 г. 199 следственных дел. В Тобольской губернии примерно половина всех мировых судей производили следствий в размере, превзошедшем допустимые пределы³⁰.

Тем временем число предварительных следствий увеличивалось. В 1910 г. в Тобольской губернии 22 из 30 судей-следователей заводили дел значительно выше нормы, в одиннадцати участках было возбуждено более 200 дел, а в 4-м участке Ишимского уезда на расследование мирового судьи поступило 481 дело³¹.

В 1909 г. в южных Барнаульском, Бийском, Кузнецком и Змеиногорском уездах Томской губернии только в одном судебно-

следственном участке поступало предварительных следствий в пределах нормы, в остальных 22 она превышалась. Во 2-м участке Барнаульского уезда возникло 342 дела³².

Совмещение судебных и следовательских обязанностей зачастую ставило мировых судей в нелепое положение. Иногда окружной суд возвращал дело «на разрешение» тому самому судье, который рассматривал его в качестве следователя и признал подсудным коронному суду. Выходило, писал сибирский судебный чиновник М. Войтенков, что «как следователь мировой судья должен быть одного убеждения, как судья – другого»³³.

Качество предварительных расследований, проводимых мировыми судьями, оставляло желать лучшего. «Следствия дореформенных следователей благодаря подбору дел, – писал А. Ветров, – были значительно лучше, чем теперешние следствия мировых судей-следователей»³⁴. Старший председатель Омской судебной палаты Ф.Ф. фон Паркау также невысоко оценивал работу мировых судей в качестве следователей³⁵. Такое состояние предварительного следствия стало прямым последствием теоретических изысканий членов «муравьевской» комиссии. Сам Н.В. Муравьев оставался горячим приверженцем всякого рода «совместительств». В.Н. Анучин рассказывал, что если какой-нибудь сибирский мировой судья намеревался встретиться с министром юстиции, то его предупреждали: «Если Муравьев вас спросит, удобно ли соединение обязанностей судьи и следователя, вы не выдумайте сказать, что неудобно, – поставите себе крест; он не выносит такого мнения»³⁶. Недаром, пока министром юстиции был Н.В. Муравьев, заводить речь о разделении судебных и следственных функций никто не решался.

Обременяющей мировых судей являлась обязанность участия в выездных сессиях окружного суда и исполнения его поручений. Деятельность новых судов в Сибири показала, что на заседания недостаточно укомплектованных окружных судов мировых судей приглашали довольно часто. Таким образом, напри-

мер, призванный «пополнять присутствие» Тобольского окружного суда, заседавшего в Тюкалинске с 1899 по 1903 г. приблизительно по 30 дней ежегодно³⁷, тюкалинский мировой судья отрывался от своих дел, которых у него и без того было более чем достаточно, на целый месяц каждый год.

Разезды по следовательским, судебным делам и поручениям окружного суда зачастую существенно нарушали режим работы мировых судей, а если в их время возникали какие-нибудь непредвиденные, в сибирских условиях нередкие, обстоятельства, судебная деятельность близилась к параличу. Особенно трудно приходилось судьям в обширных по площади участках. Один из таких – 2-й участок Томского уезда, в который входил просторный Нарымский край. На поездки в Нарым мировой судья тратил минимум две недели (этот населенный пункт находился в 475 верстах от Томска, где располагалась камера судьи), причем часто они оканчивались безрезультатно. В июне 1903 г. по причине недельного опоздания парохода судья прибыл в Нарым позже назначенных для разбирательства сроков, и вызванные на суд не явились. В начале лета 1908 г. мировой судья этого участка на месяц выключился из графика работы в связи с очередной неудачной поездкой в Нарымский край. Выехав туда 29 мая, он вернулся в Томск 22 июня, не решив назначенных там к разбору дел из-за невозможности ввиду распутицы собрать необходимых для следствия лиц. Остаток первого летнего месяца судья посвятил в основном разбору накопившейся корреспонденции. Тем не менее, предложенные им объяснения насчет застоя в работе в июне общее собрание Томского окружного суда признало «не заслуживающими уважения». В те же сроки мировой судья 1-го участка Кузнецкого уезда выехал для производства следствий в одно из сел, но из-за обильных осадков бурные потоки таежных рек снесли все мосты. Судья вынужден был вернуться с полдороги в Кузнецк, не выполнив намеченных дел³⁸.

Драмой закончилась поездка мирового судьи 4-го участка Змеиногорского уезда Н.С. Титова для производства дел в одно из сел. 4 ноября 1907 г. он на час оставил без присмотра свою повозку, в которой вез 47 уголовных, 12 гражданских, 7 следственных дел и 3 поручения окружного суда. Лошади, повозка с томами дел, пришлось обнаружить ему по возвращении, исчезли. В течение года Н.С. Титову приходилось восстанавливать утраченные производства³⁹.

Кроме перегруженности, был еще ряд обстоятельств, делающих нормальное отправление правосудия в местной юстиции невозможным. На обустройство камер мировых судей долгое время не выделялось никаких средств. Судебные помещения описывал в популярной столичной газете «Право» М. Войтенков (товарищ прокурора Томского окружного суда в 1905–1906 гг.⁴⁰): «Мировые судьи принуждены зачастую ютиться в ужасных избах при убогой обстановке. Камеры мировых судей представляют из себя такое же убожество и решительно не соответствуют своему назначению. Убожество камер, ютящихся в отвратительных избах, объясняется еще и тем, что на устройство камер были отпущены в каждом участке весьма скудные средства, и лишь один раз – при проведении реформы в Сибири. С течением же времени камерное имущество, и без того незавидное, переходя от одного судьи к другому, пришло в ветхость и совершенную негодность, благодаря чему во многих камерах нет скамей для публики, нет даже стола и стула для судьи, нет такой роскоши, как сукно для стола, а если имеется, то представляет из себя в большинстве случаев удивительно грязные лохмотья. О таких же непременно принадлежностях, как свидетельская комната, помещение для архива или хранения вещественных доказательств, и говорить не приходится, ибо таковых нигде нет»⁴¹.

Явно недостаточными являлись суммы, выделяемые на покрытие канцелярских расходов, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «край-

не недостаточный размер канцелярских средств»⁴². К примеру, в 1913 г. в округе Барнаульского окружного суда на эти цели выделялось 18596 руб., тогда как мировыми судьями фактически потратилось 26062 руб.⁴³ Вообще, у судей зачастую отсутствовали средства на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей – сейфов, мебели, – на что они тратили свои собственные деньги, живя в долг. В 1908 г. мировые судьи Томска решили создать специальную комиссию для определения размера сумм, необходимых на нормальное обеспечение их жизни и деятельности. Они собрали сведения о ценах в губернском городе, и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как на эти нужды казна отпускала лишь 1200 руб. Поэтому мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, в связи с чем их преследовала простуда, в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей⁴⁴.

В особенно тяжелых условиях приходилось работать судьям, камеры которых располагались в оторванных от цивилизации далеких сибирских селениях. Вся трагичность положения таких чиновников показана в представлении мирового судьи 4-го участка Барнаульского уезда Томской губернии (камера в с. Карасук) С.В. Дианина в Томский окружной от 27 января 1909 г. Он писал: «Деятельность мировых судей вообще довольно трудная по количеству работы, тяжесть эта усугубляется еще и тем, что резиденции участков некоторых мировых судей заброшены в такие углы Сибири, что эти мировые судьи обречены на совершенную изолированность от остального культурного мира, к числу таких участков надо отнести 4 следственно-мировой участок Барнаульского уезда с резиденцией в с. Карасук. Карасук расположен от железной дороги в 170 верстах, от ближайшего города (Каинска) – в 200 верстах, от уездного (Барнаула) в – 400 верстах. По-

нятно, что при таком географическом положении Карасука мировой судья обречен почти на безвыездное пребывание в глухом селе. Интеллигенции в селе почти нет, был крестьянский начальник и ветеринарный врач, да эти предпочли жить в с. Ярком, в 100 верстах от Карасука, но к неудобствам полнейшей изолированности с. Карасука от культурного мира и недостатка интеллигенции присоединяются еще неудобства чисто местного характера. Карасук расположен в неприглядной степи с постоянными ветрами летом и вьюгами зимой, ощущается постоянный недостаток дров, получить дрова совершенно невозможно, сколько стоит трудов и напрасной потери времени, не говоря уже о денежных затратах, чтобы купить сажень гнилых дров. Проживая почти без выезда в Карасуке 2 года, я по справедливости могу подтвердить нелестный для Карасука отзыв на судейском языке, что это «место добровольной ссылки для молодых и принудительной для старых юристов». Жизни общественной в Карасуке почти нет никакой, если же к тому мировой судья не успел обзавестись семьей, то он обречен на полнейшее одиночество; единственно, что может удовлетворить и заставить забыть, – это работа и работа, но каждый из нас человек, прежде всего, а не машина, иногда еще очень молодой, чтобы посвятить себя исключительно одной работе, ему хочется жить, но жизни-то здесь в Карасуке нет, здесь медленное и постепенное умирание, всякий человек чувствует себя в Карасуке временным гостем и живет надеждой получить более лучшее для него место. Прожить в Карасуке 2 года уже вполне достаточно, чтобы всеми фибрами своей души рваться отсюда, куда-нибудь уехать и больше не возвращаться!». Заканчивал свою «исповедь» С.В. Дианин просьбой о переводе⁴⁵.

Действительно, 4-й участок Барнаульского уезда имел среди чиновничества самую дурную славу. Так, в 1907 г. крестьянский начальник из Карасука, решив перейти в судебное ведомство, направил в Томский окружной суд два прошения. В первом из них он оговорил, что желал бы работать только в определенных мест-

ностях губернии, а уже во втором, движимый стремлением любыми способами покинуть Карасук, соглашался на назначение его «в любой пункт Томской губернии». Примерно тогда же мировой судья 1-го участка Мариинского уезда К.Е. Стеблин-Каменский просил перевода. Единственное его условие – это не должен быть 4-й участок Барнаульского уезда⁴⁶.

Изолированность судебных работников понижала их профессиональный уровень. Типичный случай произошел с мировым судьей 3-го участка Барнаульского уезда Г.В. Топор-Робчинским, характеризующий не только положение молодого судебного чиновника в отдаленных районах, но и постановку дела правосудия в Сибири в целом. Судебная палата обвинила судью в неправильных действиях, несоблюдении процессуальных норм, «крайней медленности» по следственному производству о братьях П. и Н. Собачкиных, начатому 16 августа 1907 г. на основании материалов полицейского дознания. Г.В. Топор-Робчинский допросить братьев смог лишь 19 сентября, поскольку они находились под арестом в 90 верстах от его резиденции, а он был чрезвычайно занят текущими делами. Но главное – судья с университетской скамьи, проработавший в должности всего три месяца, не знавший способов, практиковавшихся по подобному роду дел местными следователями, добросовестно вел дело в «порядке публичного обвинения», а не как необходимо, «по частным жалобам»⁴⁷.

Следствие неправильно проводилось полгода и затягивалось из-за обычных для сибирских условий обстоятельств (например, посланные судьей за месяц повестки не доходили до адресата). Г.В. Топор-Робчинский узнал случайно, что производит расследование неверно, лишь 16 февраля 1908 г. от проезжавшего через его резиденцию мирового судьи соседнего участка. Дело в порядке «по частным жалобам» приобрело иной поворот. Частный обвинитель отказался от обвинения, и судья освободил находившегося по ошибке под арестом полгода Н. Собачкина (П. Собачкин был отпущен раньше за отсутствием улик)⁴⁸.

Г.В. Топор-Робчинский объяснял неправильное ведение следствия своей молодостью и неопытностью, а медленность производства связывал с занятостью, вызванной «той массой дел, которая имелаась в участке» (около 1500 мировых и 100 следственных дел), обширной территорией участка (разъезды до 150 верст) и большим его населением (до 100 тыс. человек). Судебное начальство оправдало работавшего в таких условиях судью: «Ошибку эту судебная палата не считает возможным поставить в вину мировому судье Топор-Робчинскому ввиду его полной неопытности и проживания в селе, где он был лишен возможности обратиться к кому-либо за советом в затруднительном случае. Равным образом не может быть поставлено в вину г. Топор-Робчинскому и некоторое промедление в производстве дела о Собачкине, ибо представленными Топор-Робчинским цифровыми данными о количестве дел, находившихся в его производстве, промедление это должно быть объяснено не нерадением со стороны судьи, а невозможностью дать ему более скорое движение»⁴⁹.

Отсутствие съездов мировых судей, таким образом, «вместо предполагавшихся удобств, породило только неудобства», – считал В.Н. Анучин⁵⁰. Чиновники лишались возможности обмениваться опытом, от чего больше всего пострадала судебская молодежь. Невозможность «для заброшенного в захолустье судьи посоветоваться со знающим человеком», по мнению старшего председателя Омской судебной палаты В.В. Едличко, стала одной из основных причин недостатков в деятельности мировой юстиции⁵¹. В.Н. Анучин писал: «Беспрестанно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то что "начинающий карьеру" молодой человек, каким, обыкновенно, бывает мировой судья. Книжки, всевозможные неофициальные руководства для судебных следователей, для судей – про Сибирь молчат. Сосед-судья – самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки»⁵².

Перечисленные обстоятельства делали службу сибирских мировых судей тяжелой, малопривлекательной, непрестижной и просто невыносимой. Депутат III Государственной думы от Сибири А.И. Шило с думской трибуны говорил: «... На этих судей наваливают столько работы, сколько неразумный извозчик валит на ломовую лошадь»⁵³. Р.Л. Вейсман в свойственной ему манере указывал, что «если предстоит писать жития святых, то надо было бы составить описание жизни мировых судей в Сибири и их самоотвержение и муки положения, создалась бы ужасная картина судебного илотства. И на их могильных плитах следовало бы начертать: “Здесь преждевременно почил раб божий NN, павший жертвой скупости сокращенных штатов, вследствие недостатка средств, необходимых для более важных потребностей государства, чем правосудие”»⁵⁴.

Поступление огромного количества дел, исполнение всех обязанностей требовало от мировых судей большого напряжения сил. Они зачастую работали по выходным дням⁵⁵, а некоторые из них, как писал Р.Л. Вейсман, «буквально сходили с ума»⁵⁶. И действительно сами судьи иногда оправдывали свои неправильные действия помутнением рассудка из-за перенапряжения. Так, мировой судья 5-го участка Змеиногорского уезда Томской губернии А.И. Покровский неправильно применил статью Устава о наказаниях по одному из дел и объяснил это «случайным мимолетным затмением или потемнением памяти», связанным с «переутомлением нервной системы, вызванным чрезвычайно напряженной деятельностью»⁵⁷. Захворав, мировые судьи, наблюдал В.Н. Анучин, «перемогались и работали, пока не сваливались»⁵⁸, либо осмеливались ходатайствовать у начальства назначения в другую, более комфортную для здоровья местность. В 1909 г. судья 1-го участка Мариинского уезда К.Е. Стеблин-Каменский, заболев малярией, просил перевести его в участок одного из крупных городов⁵⁹.

Судебное руководство, хотя неявно, признавало вредность и трудность судейской службы в сибирских условиях. В этом от-

ношении показательна формулировка решения Омской судебной палаты о строительстве санатория (1914 г.), предназначавшегося, как записано, для помощи «переутомившимся или временно потерявшим здоровье на тяжелом поприще служения государю и отчизне в рядах судебных деятелей»⁶⁰.

Негативные последствия нерационального устройства института мировых судей проявлялись еще до его установления в крае. Некоторые судебные деятели, ссылаясь на существенные трудности исполнения многих обязанностей, отказывались ехать в Сибирь⁶¹. Тяжесть судебного ремесла привела к тому, что с первых месяцев после реформы 1897 г. наметилась тенденция, характерная для всего срока существования в крае мировой юстиции: судьи бросали службу и уезжали обратно в Европейскую Россию⁶², искали себе применение в других судебных учреждениях, в частности, в адвокатуре⁶³. Мотивировать отказ от работы им не представляло труда. Один из таких чиновников писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье свое расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1200 рублей»⁶⁴.

Для мировой юстиции Западной Сибири стала постоянной кадровой проблема. Текучестью кадров в мировом суде отличалась неблагополучная в плане судебного устройства Томская губерния. По состоянию на 1 января 1909 г. из 55 губернских судей 2 работали в должности с 1897 г. и только 11 более трех лет. Именные годовые отчетные ведомости позволяют выявить районы с наибольшим кадровым голодом. Например, одним из них, судя по отчету за 1909 г., был Змеиногорский уезд. По окончании года здесь имелись вакансии в 3 из 5 мировых участков⁶⁵. Видимо, не столь остро стояла проблема кадров в Тобольской губернии: к 1912 г. остались на службе 7 из числа 37 вступивших в эту должность в 1897 г. мировых судей⁶⁶.

Штатный дефицит Министерство юстиции восполняло назначением на посты мировых судей лиц некомпетентных, низкоквалифицированных. В.Н. Анучин рассказывал о ставшей обычной практике пополнения штата местных судов крестьянскими начальниками, врачами, судебными секретарями⁶⁷. О замещении должностей мировых судей лицами с низким уровнем образования писал М. Войтенков. Старший председатель Омской судебной палаты В.В. Едличко, ознакомившись в 1911 г. с деятельностью западносибирской мировой юстиции, отмечал в ней много недостатков, происхождение которых усматривал в «слабости подготовки лиц», назначаемых на должности мировых судей⁶⁸.

Нравственные качества некоторых мировых судей не соответствовали судейскому призванию. Некоторые мировые судьи, продолжая традиции дореформенного суда, вели нетрезвый образ жизни. Один из мировых судей Тобольской губернии в пьяном состоянии устраивал дебоши, однажды выбив в доме местного священника окна⁶⁹. Возмущение жителей с. Усть-Сосновского Кузнецкого уезда вызвал факт сожительства здешнего мирового судьи, женатого и имеющего трех детей, с шестнадцатилетней дочерью уважаемого населением местного учителя. Последний обвинил судью в «обольщении» своего ребенка⁷⁰. В 1908 г. Сенат слушал дело мирового судьи 7-го участка Томского уезда, который обвинялся во взяточничестве. При себе тот всегда имел человека, являвшегося посредником между ним и подследственным, и через него он получал «вознаграждения» за благоприятный для заинтересованных лиц исход дела⁷¹.

Среди мировых судей, конечно, были и люди высоконравственные, с хорошей профессиональной подготовкой. Ей отличался проработавший почти десять лет в мировой юстиции В.Н. Анучин⁷². Переехал из Юрьева в Томск и работал там мировым судьей ученик основоположника «государственной школы» Б.Н. Чичерина И.В. Михайловский. Он самостоятельно изучал философию, право, писал статьи в «Энциклопедический словарь»

Брокгауза и Ефрона, будучи судьей, защитил на ученую степень магистра монографию «Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование»⁷³. С 30 июня 1907 г. И.В. Михайловский исполнял обязанности профессора кафедры энциклопедии права и истории философии Томского университета⁷⁴. По мнению советского историка М.А. Чельцова-Бebutова, именно И.В. Михайловскому принадлежал приоритет в разработке нового передового направления в науке уголовно-процессуального права в дореволюционной России – теории процесса как системы гарантий личности⁷⁵.

Чтобы справиться с возрастающим потоком дел, мировые судьи вынуждались прибегать к разного рода противозаконным способам. Соккрытие следственных дел под судебными и наоборот⁷⁶, игнорирование статьи 14 Временных правил, обязывающей разбирать дела в ближайших к местам их возникновения селениях⁷⁷, были обычными для деятельности сибирских судей явлениями. Известны случаи, когда они отказывались принимать дела к рассмотрению. В 1908 г. до слушаний в Сенате доводилось производство о мировом судье 5-го участка Мариинского уезда, замеченного в уничтожении актов следственных производств и прекращении проведения предварительных следствий. Разбирательства подтвердили его виновность. Но вряд ли судебное руководство учло тот факт, что он работал в участке, где ежегодное поступление судебных дел и предварительных следствий превосходило норму почти в 2,5 раза⁷⁸, и, возможно, это толкало судью идти на нарушения.

Мировые судьи, уличенные в служебных преступлениях или в медленности рассмотрения дел, часто оправдывали свои действия или бездействие тем, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, просто невозможно. Множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на выезды в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуто-

ровского уезда. Один из них вовсе перестал производить предварительные следствия⁷⁹.

В отдельных случаях не расследовались даже убийства. Тобольский губернатор Ф.Ф. фон Гагман докладывал императору об известных ему фактах «окарауливания» населением трупов с признаками насильственной смерти. В одном из сел мертвец без обследования пролежал 106 дней⁸⁰. В письме из Тюкалинского уезда в редакцию журнала «Сибирские вопросы» рассказывалось о трупах, лежавших в деревнях повсеместно без вскрытия по 2–3 месяца. Следствия по фактам убийств, рассказывал корреспондент, заводились лишь тогда, когда останки накапливались и «лежали чуть ли не в каждой деревне»⁸¹.

Сибирский мировой суд с его волокитой, медленностью производства дел, многофункциональностью, недостатком персонала не стал доступным для населения. «Далекий» суд – школа культивирования безнаказанности правонарушений. В августе 1909 г. Томский окружной суд собрал приговоры сельских сходов губернии, в которых крестьяне выразили отношение к состоянию местных судов. Из них следовало, что в некоторых районах мировая юстиция практически отсутствовала, и это напрямую приводило к обострению криминальной обстановки. В приговоре Ульбинского схода говорилось: «К развитию всего этого (преступности: краж, мошенничества – Е.К.) у нас способствует еще то, что в нашем мировом участке давным-давно нет судьи; поэтому все уголовные дела лежат в нем без рассмотрения по несколько лет, от чего все мошенники привыкли судить так: "Э, жалуйся, когда улита едет да когда приедет"». «Наш мировой участок, – заключили крестьяне Белоусовского схода, – давным-давно находится без судьи, поэтому не только наши гражданские дела, но даже законные уголовные дела лежат в этом участке без движения»⁸².

Когда восторги сибиряков по поводу судебной реформы 1897 г. и введения мирового суда постепенно утихли, обозначилось не-

доверие к этому институту: они уже не надеялись на его способность удовлетворить их нужды. А.И. Шило в столице с думской трибуны говорил, что вследствие недостатков устройства сибирской мировой юстиции «многие пострадавшие крестьяне, зная, какова будет участь их дела, отказываются обращаться в суд, махая на все безнадежно рукой»⁸³.

Недоверие к правосудию становилось агрессивным. В качестве доказательства охлаждения отношения населения к местной юстиции В.Н. Анучин приводил факт участвовавших случаев самосуда⁸⁴. Другой современник деятельности сибирского мирового суда отмечал, что «вместо близости судьбы к населению растет отчужденность, озлобленность; население начинает относиться к судье враждебно»⁸⁵.

На падение авторитета местной судебной системы указывало развитие института почетных мировых судей. Поначалу проблемы с формированием его корпуса отсутствовали. В Западной Сибири туда вошли в 1897 г. высшие губернские чиновники, представители купеческого сословия, предприниматели⁸⁶. Носить звание почетного мирового судьи считалось престижным. В Тобольской губернии в 1897 г. его присвоили 25 лицам, среди которых находился губернатор Л.М. Князев⁸⁷. Тобольский вице-губернатор даже, по словам председателя Тобольского окружного суда, посчитал «себя обиженным тем, что был обойден при представлении кандидатов на должность почетных мировых судей», и просил исправить это недоразумение⁸⁸.

При назначении почетных мировых судей на второе трехлетие в 1900 г. в Тобольской губернии уже появился человек, отказавшийся от присвоения этого звания. В 1906 г. сформировать корпус почетных мировых судей стало сложнее. Тогда из 16 кандидатов на эту должность в Тобольской губернии 3 отказались от вступления в нее, 1 игнорировал предложение, не дав ответа, 1 признавался «политически неблагонадежным», 1 выехал из губернии. В трех уездах губернии желающих стать по-

четным мировым судьей вообще не нашлось. Всего 10 почетных мировых судей назначались в губернии в 1906 г. Не помогал даже «губернаторский призыв»: своим примером губернаторы пытались поддержать авторитет юстиции. В частности, тобольский губернатор Н.Л. Гондатти входил в число почетных мировых судей Тобольской губернии⁸⁹. Нежелание вступать в судейское сообщество связано и с тем, что ограниченность штата окружных судов зачастую вынуждала их пополняться за счет приглашения почетных мировых судей, обременяя последних⁹⁰. Постепенно ухудшался состав почетных мировых судей в качественном отношении. В Томской губернии из их числа постепенно выбывали высокообразованные люди (профессора, врачи), уступая место малограмотным, по словам Р.Л. Вейсмана, «заведомо реакционным элементам»⁹¹.

Рецепт оздоровления мирового суда прозвучал из уст малограмотных крестьян. Опрос крестьян Тобольского уезда в 1905 г. относительно их мнения об устройстве системы правосудия показал, что в первую очередь их беспокоят проблемы местной юстиции. Они говорили о потребности выбирать мировых судей, поскольку желали, чтобы судьей являлся авторитетный и уважаемый человек. Теперь же, как считали крестьяне, судьи «назначаются начальством и почему-то хорошие из них вдруг переводятся на другое место»⁹². Одна из насущных нужд Тобольской губернии, давали сибиряки наказ депутатам Государственной думы, состояла в учреждении выборности мировых судей из лиц «с известным познанием и известным образованием»⁹³. С трибуны Думы сибирские депутаты заявляли о необходимости реформы местного суда в Сибири⁹⁴.

В 1909 г. в юридическом обществе при Томском университете создавалась специальная «Судебная комиссия» для разработки проекта преобразования мирового суда. В ее состав вошли компетентные лица, прекрасно знакомые с положением этого судебного института в Сибири. Это тогдашний ректор университе-

та И.А. Базанов, профессора Н.Я. Новомбергский, перу которого принадлежала двухтомная монография об истории политического суда в России в XVII в. «Слово и дело государевы», и С.П. Мокринский, позже участвовавший в публикации известного сборника «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет» (статьи «Выборный мировой суд» и «Суд присяжных»). В работе принимали участие лучшие представители сибирского адвокатского сословия (П.В. Вологодский, С.В. Александровский, М.Р. Бейлин, А.М. Головачев, В.Н. Анучин). С открытием в 1911 г. совета присяжных поверенных в округе Омской судебной палаты трое из этих адвокатов заняли в нем руководящие посты. П.В. Вологодский был избран председателем совета, а М.Р. Бейлин и А.М. Головачев стали его членами⁹⁵. В комиссию также вошли судьи Томского окружного суда В.П. Гальперин и Е.А. Семенов и мировой судья И.Л. Усанович. В проекте «Судебной комиссии» предлагалось освободить мировых судей от следовательских функций, установить требование о безусловном наличии у кандидатов на их должности высшего юридического образования, ввести выборность мировых судей в городах, реализовать в полной мере принцип несменяемости судей, учредить съезды мировых судей⁹⁶.

Однако общественное мнение судебным начальством игнорировалось. Способы совершенствования мирового суда в крае, применяемые Министерством юстиции и сибирскими общими судебными установлениями, укладывались в рамки методов, свойственных полицейскому государству. Например, старшему председателю Омской судебной палаты Н.К. Безе предоставлялось право «обреживывать» делопроизводство мировых судей округа. Министерским циркуляром от 1 ноября 1910 г. окружным судам предписывалось проведение ежегодных ревизий каждого мирового участка округа. Сотрудники судов и без того чрезмерно занятые разнообразной работой обязывались, таким образом, курсировать по участкам подопечных мировых судей. Обременительность для окружных судов

исполнения этой обязанности послужила поводом ее отменить. В 1914 г. поступило предписание, разрешающее проводить ревизии только «по мере надобности»⁹⁷.

Усиление надзора за деятельностью мировых судей и употребление в их отношении карательных мер со стороны вышестоящих инстанций, становились практически единственными методами, призванными улучшить положение местного суда. Старший председатель Омской судебной палаты В.В. Едличко, ознакомившись в 1911 г. с результатами ревизии мировых участков, в ряду главных причин выявленных в работе мировых судей недостатков назвал отсутствие «руководящих указаний со стороны судов». Исправить ситуацию, как считал старший председатель, могло увеличение числа таких «руководящих указаний» и «неуклонно вызываемые» против бездеятельных и недобросовестных мировых судей «возбуждения дисциплинарного и уголовного преследования»⁹⁸.

В целом, после реформы 1897 г. мировой суд Западной Сибири находился в состоянии кризиса, определяемого неспособностью местной юстиции справляться с возложенными на нее обязанностями, чрезвычайной перегруженностью судей при невысоком качестве их труда, кадровым голодом, «бегством» судейских чинов от тягот и лишений ставшей непрестижной службы. Устройство мирового суда как сильного репрессивного органа обернулось его слабостью. Причина этого в том, что местный суд в крае не пользовался реальной властью, а власть пыталась воспользоваться судом, подчинив интересы общества потребностям государства. Только введение выборности мировых судей вместе с увеличением их числа и разделением функций позволили бы исправить ошибки, допущенные при проведении в конце XIX в. преобразования. Указанные меры были способны восстановить нормальное отношение сибиряков к мировой юстиции, скомпрометировавшей себя в глазах сибирского населения.

2. ОБЩИЕ СУДЕБНЫЕ МЕСТА

Состояние коронной юстиции Западной Сибири, также как и мировой, после введения Судебных уставов 1864 г. характеризовалось недостатком числа ее учреждений, малочисленностью штата, полифункциональностью, не свойственными аналогичным органам Европейской России. Негативные последствия ошибочных решений, неправильного определения возможностей судебной организации при устройстве сибирских окружных судов обнаружались следом за реформой.

Окружные суды, по словам одного публициста, сразу были «завалены делами», а их члены «изнемогали под бременами неудобноносимыми»⁹⁹. Тому способствовало большее, чем ожидалось, возникновение дел. Так, во втором полугодии 1897 г. в Тобольский окружной суд поступило в 2,7 раз гражданских дел больше нормы, в 1898 г. годовой норматив превысился в 6,8 раз¹⁰⁰. Уже в начале этого года председатель Тобольского окружного суда сообщал в Министерство юстиции, что суд перегружен делами, и указывал на необходимость «увеличения личного состава»¹⁰¹.

В критическом состоянии находился после реформы Томский окружной суд, изначально поставленный в наихудшее положение. Призванный «обслуживать» губернию на полмиллиона жителей большую, чем Тобольская, он устанавливался в меньшем составе, чем окружной суд в Тобольске. Председатель томского суда Ф.Ф. Депп в представлении министру юстиции в мае 1898 г. писал о том, что «в совершенно ненормальном положении находится уголовное отделение суда». По его мнению, штат суда устанавливался совершенно недостаточным для того, чтобы справиться с нарастающим потоком дел¹⁰². Вследствие чрезмерной обремененности членов суда делами начинает замедляться судопроизводство, возрастает волокита. По данным Омской судебной палаты, в конце XIX в. число поступающих ежегодно в Томский суд уголовных дел

намного (в 1897 г. более чем в 2 раза) превышало количество разрешаемых¹⁰³.

Попытка исправить положение окружных судов предпринималась в 1900 г. Число членов томского суда увеличивалось на 5, тобольского – на 4 сотрудника¹⁰⁴. Эта мера не сразу дала результаты. В Томском окружном суде, начиная с 1900 г., число накопившихся нерассмотренных уголовных дел стало превосходить количество решаемых за год, а к 1902 г. в его производстве более года находилось 1604 дела, т.е. почти столько же, сколько он рассмотрел за весь 1901 г.¹⁰⁵ Пик волокиты в суде Томска пришелся на начало 1902 г., когда по количеству нерешенных уголовных дел он занял первое место среди всех окружных судов империи (Тобольский окружной суд на четвертом месте)¹⁰⁶. В дальнейшем судопроизводство в томском суде ускорилося. Немного раньше увеличение штата принесло плоды Тобольскому окружному суду. С 1901 г. уменьшается число нерассмотренных им уголовных дел. Как показывают статистические данные, по основному показателю медленности производства (количество нерешенных дел на начало и конец календарного года) работа уголовных отделений западносибирских судов постепенно улучшилась, уровень волокиты временно стабилизировался. Однако она не искоренилась. Суды трудились на пределе возможностей. Пока в начале XX в. число возникавших дел стабилизировалось и даже немного уменьшилось, с их поступлением удавалось справляться. Когда через несколько лет после расширения штатов стало увеличиваться количество начатых судами следствий, поползли вверх показатели волокиты (см. табл. 4 приложения). На протяжении всего первого десятилетия XX в. Томский и Тобольский окружные суды, находясь по медленности уголовного судопроизводства среди «лидеров», в 1909 г. по количеству накопленных дел они занимали 3–4 места в империи¹⁰⁷.

Другой важный показатель волокиты при рассмотрении уголовных дел, учитывавшийся, хотя и нерегулярно, офици-

альной статистикой, – число дел, находящихся в производстве свыше года. В первое десятилетие XX столетия в России действовали более ста окружных судов (в т.ч. в Азиатской России – 16). Имеющаяся информация о количестве дел указанной категории позволяет заключить: на фоне судов империи западносибирские окружные суды работали чрезвычайно медленно (см. табл. 5 приложения).

Лучше действовали гражданские отделения. Однако можно утверждать, что и они работали на грани возможного. Судя по статистическим данным, даже в годы, когда число поступавших гражданских дел было стабильно невысоким, наблюдалась тенденция к их накоплению. Относительно резкое увеличение начатых производств, наблюдаемое в отдельные годы, как правило, приводило к росту нерассмотренных дел (см. табл. 6 приложения).

Известное благополучие гражданских отделений снижало общие показатели нагрузки на сотрудников судов. Нормальным считалось ежегодное поступление каждому члену суда 500 дел, в т.ч. 150 «важнейших» категорий. По сведениям Министерства юстиции в 1901–1903 гг., общее поступление дел к одному члену Тобольского и Томского окружного суда незначительно превосходило установленную норму. Но по «важнейшим» делам наблюдалось огромное ее превышение: в томском суде – 268 дел, в тобольском суде – 355¹⁰⁸. По этой категории производств Тобольскому окружному суду принадлежало абсолютное первенство среди всех окружных судов страны. Как считал министр юстиции И.Г. Щегловитов, «цифра именно дел важнейших категорий – наиболее верный показатель приходящейся на каждого члена суда работы»¹⁰⁹. Учитывая мнение министра, можно сделать вывод о высокой степени обремененности судебных деятелей Тобольского и Томского окружных судов.

Еще несколько факторов негативно влияли на деятельность окружных судов. Один из них – необходимость проведения засе-

даний в уездных городах. «Бродяжничеством» суда называл такой порядок Р.Л. Вейсман¹¹⁰. Ф.Ф. Депп считал, что только при условии постоянного пребывания в губернском центре окружной суд мог справиться с потоком возникающих дел¹¹¹. Для окружных судов обязанность разъездов оказалась весьма обременительной. В 1901 г. Томский суд, проведя 19 выездных сессий, потратил всеми своими «выездными» составами вместе 379 дней. Каждый член этого суда находился в разъездах в среднем по 48 дней¹¹². В 1905 г. окружной суд провел 22 выездные сессии, в 1906 г. – 24, в 1907 г. – 33, затратив на это в 1905 г. 161 день, в 1906 г. – 169, в 1907 г. – 285 (без учета времени на проезд)¹¹³. По данным И.Г. Щегловитова, к концу первого десятилетия XX в. суд в Томске выезжал более 20 раз ежегодно, проводя около 150 заседаний, тратя только на переезды свыше 300 дней в год¹¹⁴.

Так как в составе Тобольской губернии находилось больше уездов, уездные центры располагались дальше, Тобольскому окружному суду обязанность разъездов доставляла больше хлопот. Проезд на сессию отнимал у него в среднем 6–7 суток¹¹⁵. Вне губернской столицы в 1900–1901 гг. он проводил ежегодно 28 сессий, на что тратил до 500 дней. В среднем немногим больше 60 дней в командировках провел каждый член суда¹¹⁶. Совершенная Тобольским окружным судом впервые в 1905 г. поездка в Сургутский и Березовский уезды длилась полтора месяца¹¹⁷. Количество выездных сессий постоянно увеличивалось. По 35 выездов стал проводить ежегодно в конце первого десятилетия XX в. тобольский суд¹¹⁸.

Его председатель П.Е. Маковецкий считал обязанность разъездов причиной «накопления дел в суде и вообще некоторого застоя». Он докладывал о случаях, когда бывало, что при наличии десяти членов в двух уголовных отделениях назначалось пять выездных сессий одновременно¹¹⁹. Значит, губернская столица вовсе лишалась уголовного суда. По словам И.Г. Щегловитова, время на выездные сессии затрачивалось окружны-

ми судами Западной Сибири «совершенно непроизводительно»¹²⁰. Того же мнения придерживался Р.Л. Вейсман: денежных средств, тратившихся на разъезды, было достаточно для учреждения целой сети небольших по составу окружных судов. Хлопотность обязанности выездов не добавляла престижа судебной службе. Всегда разъезжающий член окружного суда стал типом, весьма характерным. «Вечно в санях, то на пароходе по рекам Сибири, то в почтовой повозке, – описывал его Р.Л. Вейсман, – он как будто отвык от своего угла»¹²¹.

Таким образом, попытка приблизить окружные суды к населению, обязав их совершать выезды, показала несостоятельность. И.Г. Щегловитов писал, что Томский окружной суд «с трудом уже успевает удовлетворять своему назначению в качестве суда не только скорого и справедливого, но и близкого к населению». Точно так же министр оценивал и деятельность Тобольского окружного суда¹²². Прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко, указывая на факт увеличения возникающих в Томской губернии дел с открытием там в 1910 г. второго окружного суда в Барнауле, делал вывод о недоступности общих судебных учреждений для населения¹²³.

Стремление правительственных чиновников как можно меньше обременять расходами государственную казну иногда ставило деятельность Тобольского и Томского окружных судов на грань остановки. В критическом положении находился в конце 1899 г. Тобольский окружной суд. Его председатель С.В. Сукачев телеграфировал в Министерство юстиции: «Сессия должна выехать 1 ноября; денег нет; прошу перевести телеграммой, иначе придется сессию отложить – дела исключительно арестантские». Чуть позже он докладывал об отсутствии средств на выплату жалования канцелярским служащим. Из Министерства юстиции пришел холодный ответ: «Министерство лишено возможности удовлетворять в настоящее время поступающие от судебных установлений ходатайства об отпуске дополнительных средств»¹²⁴.

Хотя Томский окружной суд был более обременен, чем многие суды в Европейской России, на содержание его канцелярии отпускалось в 2–3 раза меньше средств. Его председатель Ф.Ф. Депп непосредственно после реформы 1897 г. начал настойчиво ходатайствовать об увеличении канцелярских сумм. Из Министерства юстиции отвечали на эти просьбы отказом. Ф.Ф. Депп предупреждал министерских чиновников о том, что ввиду недостатка средств «возможна полная приостановка деятельности суда на два месяца»¹²⁵.

Рассмотрение уголовных дел в окружных судах проводилось без участия присяжных заседателей, и это делало судебные процессы неинтересными для общественности. В прессе сообщалось, что одни из первых заседаний Тобольского окружного суда прошли при полном отсутствии публики¹²⁶. Между тем, существовала острая потребность в суде присяжных. Председатели, товарищи председателей и половина членов сибирских окружных судов приехали в край впервые¹²⁷. Эти чиновники не знали особенностей местной жизни и могли допустить ошибки при принятии решений. Только суд присяжных, суд «общественной совести», был способен сделать правосудие справедливым.

Отсутствие института присяжных заседателей не прибавляло авторитета общим судебным местам, судопроизводство теряло скорость. В одном из своих публичных выступлений Р.Л. Вейсман указывал, что результатом установления двух инстанций, рассматривавших дела по факту, были: во-первых, невольное дискредитирование окружных судов в глазах населения неизбежными случаями отмены их приговоров по существу; во-вторых, затрата труда и времени чиновников на изложение свидетельских показаний в протоколе судебного заседания, мотивов и соображений, в силу которых принято решение суда, для того, чтобы судебная палата не встретила затруднений при пересмотре дела по существу¹²⁸. Такие сложности не имели бы места в работе судов с участием присяжных заседателей. Его приговоры считались

окончательными и обжаловались исключительно в кассационном порядке. В силу того, что по закону от суда присяжных не требовалось мотивировать свои решения, а у кассационной инстанции отсутствовала нужда касаться фактической, доказательной стороны пересматриваемого приговора, вынесенного с участием присяжных, ограничиваясь лишь юридической стороной, бумажное производство окружных судов существенно сокращалось.

Проблему представляло состояние помещений, в которых заседали окружные суды. Как писал Р.Л. Вейсман, для выездных сессий приспособлялись старые школы, казармы, помещения клубов. «Во время процесса, – наблюдал он, – ни раз приходилось слышать хлопанье пробок, стуки киев, пьяные голоса посетителей»¹²⁹. В плохом состоянии пребывали помещения самих окружных судов в губернских городах. Эксперты Министерства юстиции находили здание суда в Томске «слишком тесным»¹³⁰.

В Тобольске суд располагался в доме, описанию которого в начале 1890-х гг. Н.П. Геллертов (член тогда еще губернского суда) посвятил специальную записку. Это здание, служившее ранее генерал-губернаторской конюшней, «узкое, одноэтажное, кажущееся особенно придавленным от громадного трехэтажного рядом стоящего дома Губернских присутствий». Посетителей там встречали «захватанные, заплеванные двери», «грязный пол», «грязные с паутиной стены, убогая мебель, убогие канцелярские принадлежности, окурки и плевки на полу и атмосфера, насыщенная табаком и еще каким-то газом». Председатель суда ютился в проходной комнате, «через которую неизбежно беспрерывно проходили сторожа, секретари, столоначальники и писцы». Обрисовав убогие условия, в каких происходило таинство служения Фемиде, чиновник заключал: «Состояние помещения, которое я в силах был описать, дает неутешительную картину, оскорбляющую человеческое достоинство и достоинство понятия храма правосудия. Дальнейшее квартирование в этом помещении, правда бесплатное, по-моему, совершенно невозмож-

но, если только не будет произведен ремонт в самом непродолжительном времени»¹³¹.

Само по себе симптоматично уже то, что с проведением судебной реформы 1897 г. здание, в котором ущемлялось всякое достоинство, осталось местом расположения главного судебного учреждения Тобольской губернии. От дореформенного губернского суда новый окружной суд отличался многофункциональностью, большей загруженностью делами, имел более значительный штат, и объемы его деятельности постоянно увеличивались. Следовательно, старое помещение все меньше и меньше удовлетворяло нужды правосудия. Однако средства на постройку нового здания суда не выделялись.

Местные судебные чиновники вопрос о строительстве поднимали постоянно. Отчаявшись в возможности его решения, председатель суда П.Е. Маковецкий писал председателю Омской судебной палаты: «Необходимо построить новое здание суда и давно уже пора бросить бывшие генерал-губернаторские конюшни»¹³². Но и дальше Тобольский окружной суд продолжал работать в том же помещении, по оценке министерских чиновников, данной в 1913 г., «далеко не соответствующем своему назначению ввиду крайней тесноты...»¹³³.

По закону 2 июня 1898 г. открывалась Омская судебная палата, в округ которой включались Тобольская и Томская губернии¹³⁴. Круг сложностей, сопровождающих деятельность палаты, повторял проблемы, свойственные всей судебной системе. В ее обязанность входили разъезды по губернским городам округа. В период с 1902 по 1906 г. она ежегодно проводила по 6–7 выездных сессий. Затрачивалось на это от 75 дней в 1904 г. до 116 в 1906 г.¹³⁵ В 1911 г. председатель палаты докладывал министру юстиции, что необходимость разъездов являлась весьма обременительной. Такая практика приводила к накоплению дел¹³⁶. Члены палаты испытывали перегрузки. По количеству приходящихся на одного сотрудника дел она в 1910 г. находилась на втором месте в империи¹³⁷.

Своеобразием отличался процесс судопроизводства в судебных палатах. По свидетельству Р.Л. Вейсмана, он сводился «к чтению бумаг, сухому, тягучему и скучному для самих членов палаты». «Мертво и вяло тянутся там заседания, – говорил адвокат об обряде суда в Омской судебной палате, – без подсудимых, без свидетелей, без публики. В зале шелестят лишь листами дела, и сторож одинокий у дверей зевает, мечтая об обеде»¹³⁸.

В целом, деятельность общих судебных мест сопровождалась перегруженностью делами, медленностью их рассмотрения, падением престижа судебной службы, недоступностью для населения, нехваткой материальных ресурсов для обеспечения нормальной работы. Высшие чиновники империи знали об удручающем положении окружных судов в Сибири, в округе Омской судебной палаты. Министры юстиции неоднократно докладывали императору о создавшейся ситуации¹³⁹. Однако решительных мер к ее исправлению до конца первого десятилетия XX в. не принималось. Незначительное увеличение штатов судов, открытие в них новых отделений не улучшали положения.

Опыт функционирования общих судебных мест в конце XIX – начале XX вв. показал несостоятельность непоследовательных, слабо согласованных между собой попыток приспособления положений Судебных уставов к сибирским условиям. Заблуждения чиновников, разработавших судебную реформу 1897 г., поставили суды в невыгодные условия. Могли поднять их пошатнувшийся авторитет и сделать деятельность эффективной введение суда присяжных, правильное определение сферы компетенции судебных учреждений, увеличение числа окружных судов при достаточном финансировании.

3. ИНСТИТУТЫ ПРОКУРАТУРЫ И СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Прокуратура и учреждения, производившие предварительные следствия, занимали особое место в судебной системе. Они назначались обеспечить уголовную репрессию в интересах общества и государства, на них, прежде всего, возлагалась обязанность борьбы с преступностью.

Между тем, перегруженность судов всех уровней, постоянное накапливание в них дел, не могли не сказаться на деятельности прокуратуры. «Прокурорский надзор, – писал В.Н. Анучин, – мог осуществляться только на бумаге»¹⁴⁰. Прокуроры не всегда имели возможность воздействовать на деятельность поднадзорных им учреждений. В 1899 г. товарища прокурора Бийского участка попросили объяснить, почему у одного из мировых судей уезда происходит накопление следственных дел. Прокурорский работник признался в своем бессилии, поскольку в том следственно-мировом участке возникло огромное количество предварительных следствий при «громадной» территории участка¹⁴¹.

На рубеже первого и второго десятилетий XX в. отмечался пик судебной волокиты. Важная роль в исправлении создавшегося положения отводилась сотрудникам прокуратуры. Но их возможности, по-видимому, исчерпались. Прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко, не давая прокурорам действенных советов, требовал от них «напречь всю служебную энергию», «проявить всю полноту своего наблюдения»¹⁴².

Лица прокурорского надзора не избежали перегрузок. «Громадная, непосильная работа, – докладывал в 1911 г. старший председатель Омской судебной палаты министру юстиции, – лежит на чинах прокуратуры»¹⁴³. По сведениям министра, товарищи прокурора округа Омской судебной палаты трудились больше, чем их коллеги из любого другого региона¹⁴⁴. Увеличение количества товарищей прокурора в Западной Сибири в 1911 г.¹⁴⁵ не-

сколько улучшило показатели их работы. Округ Омской судебной палаты по обремененности прокурорских чиновников отошел на второе место в империи¹⁴⁶.

В наиболее тяжелом положении находились товарищи прокурора округа Барнаульского окружного суда. Им приходилось рассматривать ежегодно в 2–3 раза больше дел, чем в среднем в Западной Сибири (см. табл. 7 приложения). С тем, что прокурорские работники юга Томской губернии «обременены работой сверх всякой меры», председатель Омской судебной палаты связывал их переутомление, низкую производительность труда. По мнению председателя палаты, в округе Барнаульского суда существовала потребность в четырех дополнительных товарищах прокурора¹⁴⁷. Однако состояние барнаульской прокуратуры не улучшалось. 10 января 1917 г. прокурор Омской судебной палаты докладывал в Министерство юстиции об ее «крайне тяжелом положении»¹⁴⁸.

Работа прокурорских сотрудников не отличалась высоким качеством. Прокурор Барнаульского окружного суда, по его словам, постоянно замечал «полное незнание лиц прокурорского надзора с делами, находящимися под их наблюдением»¹⁴⁹. В то же время нередко за производством одного предварительного следствия наблюдали несколько товарищей прокурора, что, по мнению прокурора Омской судебной палаты, было в корне неправильно¹⁵⁰. Слабостью наблюдения за производством предварительных следствий объяснял прокурор Томского окружного суда значительность количества дел, возвращаемых на доследование¹⁵¹.

Иногда товарищи прокурора превышали пределы своих полномочий. Мировой судья 2-го участка Туринского округа П.В. Стрижаченко рассказывал, что в его камере товарищ прокурора учинил несанкционированный обыск. В докладе председателю Тобольского окружного суда М.Я. Введенскому он прокомментировал этот факт как характеризующий «положение судеб-

ного деятеля в провинции и взаимные отношения, вряд ли желанные, между ними и, в данном случае, прокуратурой»¹⁵². Широкий общественный резонанс вызвал конфликт между прокуратурой и присяжными заседателями (суд присяжных введен в 1909 г.), разгоревшийся в октябре 1910 г. в Томске. Товарищ прокурора третьего участка, нарушая правила судопроизводства, напутствовал присяжных, отправляющихся в комнату для совещаний: «Ввиду ясности факта виновности обвиняемых, их оправдать ни в коем случае нельзя, так как право помилования есть прерогатива только монарха». Присяжные обратились к председателю суда за разъяснениями, а затем вынесли оправдательный вердикт¹⁵³.

Недостаток финансирования вынуждал прокуроров искать способы экономить средства. Некоторые из них явно противоречили духу Судебных уставов. Например, циркуляром от 23 ноября 1912 г. прокурор Тобольского окружного суда «в целях экономии средств» предписывал товарищам прокурора вызывать как можно меньше свидетелей. «Если об одном и том же обстоятельстве на предварительном следствии спрошены и свидетельствовали без существенных между собою противоречий несколько лиц, – разъяснялось в циркуляре, – то включать в список одного или нескольких из них, избегая, таким образом, вызова лишних свидетелей»¹⁵⁴. Прокурора не интересовало, что на окончательном следствии могли выясниться новые обстоятельства дела, а значит, могла появиться необходимость в новых показаниях.

Предварительные следствия по важнейшим делам проводили судебные следователи. По закону 13 мая 1896 г. Тобольской губернии учреждалось 7 должностей следователей, Томской – 6¹⁵⁵. Скоро обнаружился недостаток их числа, о чем и сообщали председатели окружных судов Западной Сибири¹⁵⁶. В 1900 г. учреждалась дополнительно одна должность судебного следователя в Томской губернии¹⁵⁷. Эта мера штатного характера стала единственной за все время существования в регионе института предварительных расследований.

Тем не менее, на рубеже XIX–XX вв. у судебных следователей накапливания дел не наблюдалось, хотя количество возбуждаемых ими следствий неуклонно росло. Так, в Тобольской губернии в 1900 г. на рассмотрение каждого судебного следователя поступало в среднем по 40 дел, в 1901 – 64, в 1910 – 129¹⁵⁸. Однако и в конце первого десятилетия XX в. с перегрузками следователи не сталкивались. В 1909 г., по сведениям Министерства юстиции, в округе Омской судебной палаты они расследовали меньше дел, чем их коллеги из других российских регионов¹⁵⁹.

Относительное благополучие деятельности судебных следователей обеспечивалось мировыми судьями. Распределение следственных дел происходило таким образом, что основная нагрузка по их проведению была взвалена на мировые учреждения. Судя по статистическим данным, число начатых предварительных следствий в Западной Сибири постоянно увеличивалось, наблюдалось их накопление (см. табл. 8 приложения). Однако это не обременяло следователей, а значит, большой прирост дел добавлял работы мировым судьям.

Условия деятельности судебных следователей по некоторым показателям выглядели намного лучше, чем ситуация, в которой находились мировые судьи. Так, в Тобольской губернии в 1905 г. каждый из следователей произвел в среднем в 3 раза меньше выездов для производства следственных дел, нежели мировые судьи, потратив на разъезды в 2 раза меньше времени¹⁶⁰. Некоторым из них работа явно не доставляла хлопот. О том, что следователь Барнаула «вообще не обременен делами», докладывали в 1908 г. мировые судьи Барнаульского уезда в Томский окружной суд. В участке Змеиногорского уезда заводилось настолько мало предварительных производств, что, по мнению судебного начальства Томской губернии, отпадала необходимость держать там следователя¹⁶¹. В 1910 г. в четырех из семи следственных участков Тобольской губернии возникало дел значительно ниже нормы, в остальных немного ее превышало (см. табл. 9 приложения).

Между тем, институт судебных следователей не избежал общих проблем, свойственных деятельности сибирской юстиции. Сказывалась скудность финансирования. Например, следователи 1-го и 2-го участков Томской губернии в представлении от 12 сентября 1908 г. указывали, что их фактические расходы на оплату жилья более чем в два раза превышали сумму отпускаемых на эти нужды средств. Для учреждения была характерна высокая текучесть кадров. В Томской губернии к 1909 г. лишь 2 следователя проработали в должности более трех лет¹⁶².

Последствием бурного экономического развития края стало появление преступлений особого рода, борьба с которыми требовала людей со специальными навыками. Идею учреждения следователей для проведения следствий по делам особенных категорий вынашивали чиновники Томского окружного суда. На общем собрании 4 апреля 1909 г. они решили ходатайствовать перед министром юстиции об установлении в судебном округе должности следователя «по железнодорожным делам». В Министерстве юстиции инициатива сибирских чиновников не нашла поддержки. Специализация судебных следователей на расследование определенной категории дел не осуществилась¹⁶³.

Учреждения прокуратуры и судебных следователей, в отличие от других судебных институтов, после реформы 1897 г. не претерпели изменений. Они не потребовались, поскольку устройство и принципы функционирования прокурорского и следовательского аппаратов более соответствовали Судебным уставам, а возникавшие на практике проблемы не носили системного характера, являясь результатом неразрешенности касающихся всей западносибирской юстиции вопросов.

4. АДВОКАТУРА

Некоторые сибирские судебные деятели считали, что в наиболее невыгодном положении после реформы 1897 г. находилась адвокатура¹⁶⁴. Во-первых, в своем устройстве она существенно отличалась от организации, установленной в центре Европейской России – в Сибири не действовали корпоративные советы; во-вторых, ее деятельность протекала в тяжелых местных условиях, в-третьих, существовала проблема пополнения состава поверенных.

Министерство юстиции, реализовав целую программу переселения в край судебных чиновников, не стимулировало приезд частных и присяжных поверенных. Они, переезжая на свой страх и риск, пытались поселиться в районах, более комфортных для жизни. С первых дней деятельности новых судов наблюдалась неравномерность расселения адвокатов по территории Сибири. Например, в Тобольске, где находился окружной суд и потребность в адвокатах была более острой, в июле 1897 г. имелся лишь один полноправный адвокат. Когда туда приехал еще один поверенный, то не задержался там, найдя лучшим уехать в Тюмень¹⁶⁵. Но об огромном наплыве адвокатов в Восточную Сибирь сообщала газета «Восточное обозрение». Говоря о большом количестве приезжающих поверенных, ее корреспондент констатировал: «Едва прошел месяц, и уже поговаривают, что предложение может превысить спрос»¹⁶⁶.

В дальнейшем неравномерность расселения адвокатов обострилась еще более остро. На протяжении всего срока существования новых судов в Западной Сибири центром их сосредоточения являлся Томск. В Тобольской губернии, где адвокатов находилось всегда значительно меньше, чем в Томской губернии, таким центром являлась Тюмень. Названные города в начале XX в. играли роль главных экономических центров своих губерний, оставаясь на первых местах по количеству населения, и поэтому потребность в поверенных в этих городах имела более высокая.

Поначалу рост численности представителей адвокатского сословия в Западной Сибири был весьма небольшим (см. табл. 10 приложения). Из приведенных данных видно, что количество частных поверенных являлось значительным в общем составе адвокатуры. Между тем, в соответствии с российским законодательством о судоустройстве, частные поверенные подлежали высшему надзору министра юстиции, который имел право без возбуждения дисциплинарного преследования отстранять их от хождения по делам. Это ставило частных поверенных в зависимость от лиц прокурорского надзора, от которой освобождались присяжные поверенные. Переход из частных поверенных в присяжные затруднялся из-за требований, предъявляемых Судебными уставами к лицам, желающим вступить в сословие присяжных поверенных. Безусловное наличие высшего юридического образования – основное из этих требований¹⁶⁷. По состоянию на 1902 г., в Тобольской губернии ни один частный поверенный не смог бы перейти в корпорацию присяжных, поскольку 2 из них имели высшее неюридическое образование, 4 окончили разные училища, 1 окончил 6 классов гимназии, а 2 вообще не могли похвастаться образованием, ограничившись указанием на «домашнее воспитание»¹⁶⁸.

В дальнейшем значение частной адвокатуры падает, что и отмечает современный исследователь Д.А. Глазунов¹⁶⁹. Эта тенденция подтверждается, в целом, статистическими данными об изменении численности категорий западносибирских адвокатов (см. табл. 11 приложения). Уменьшение количества частных поверенных в общем числе адвокатов связано с достаточным насыщением рынка адвокатского обслуживания населения более профессиональными услугами присяжных поверенных и их помощников, численность которых постоянно росла. Неуклонное возрастание числа адвокатов-профессионалов связано с доступностью высшего юридического образования. За первые 5 лет существования юридического факультета в Томском университете на него

был зачислен 451 человек. К 1 января 1903 г. на факультете одновременно обучались 294 студента¹⁷⁰. Первый выпуск факультета состоялся в 1902 г. Тогда его окончили 43 студента¹⁷¹. Количество обучаемых Томским университетом юристов увеличивалось. К 1 января 1909 г. на юридическом факультете учились 438 студентов, 15 вольнослушателей и 38 вольнослушательниц¹⁷².

В своей деятельности адвокатам приходилось сталкиваться с плохо организованной судебной системой края. В сибирской прессе сообщалось о том, что адвокатов несколько не удивляло получение повесток о назначении дела к слушанию через полгода и более¹⁷³. Часто присяжные поверенные, обвиненные в медленности производства, оправдывались неповоротливостью судебной системы. Члены совета присяжных поверенных в таких случаях относились с пониманием к адвокатам, становясь на их сторону и снимая обвинения. Правда, некоторые адвокаты пренебрегали своими обязанностями. Бывали случаи, когда один из них не явился на слушание дела, другой на судебное заседание вместо себя прислал своего письмоводителя, третий в течение шести лет бездействовал¹⁷⁴.

В регионе продолжала действовать «подпольная адвокатура». Несмотря на усовершенствование судебной системы, административные и судейские чиновники не сумели выработать программу борьбы с «юридическим злом». Судьи и профессиональные адвокаты вели ее доступными способами по собственной инициативе. К примеру, мировой судья второго участка Ялutorовского округа убеждал крестьян не пользоваться услугами «юриспрудентов», предлагая им в ущерб своему времени подавать ему прошения в устной форме. Как считал судья, этими мерами он покончил с «ходатайством» в своем участке¹⁷⁵. Некоторые мировые судьи помогали крестьянам писать протесты на свои же решения¹⁷⁶.

Легальная адвокатура, пытаясь оградить население от услуг юристов-проходимцев, создавала юридические консультации. В начале XX в. они действовали в сибирских Омске, Томске, Бар-

науле и Иркутске¹⁷⁷. Входящие в их состав присяжные и частные поверенные, помощники присяжных поверенных оказывали помощь бесплатно или за весьма умеренную плату. Однако возможности консультаций были ограниченными. Простор для деятельности самозванных правоведов оставался.

«Юристы» пытались отстоять свое право на существование любыми способами. Главные из них – жалобы и доносы на судебных чиновников, попытки скомпрометировать суд и официальную адвокатуру, интриганство. «Подпольная адвокатура, как в городе, так и в деревне обирает население, – говорил на публичном собрании томской юридической консультации, посвященном сорокалетнему юбилею Судебных уставов, присяжный поверенный А.А. Кийков, – втягивает его в кляузы и развращает, вселяя убеждение в продажности суда и адвокатуры»¹⁷⁸. За свою активную деятельность против «подпольных адвокатов» атаке перечисленными методами подвергся упомянутый мировой судья второго участка Ялуторовского округа. В 1900 г. «Сибирская торговая газета» сообщала о безосновательном обвинении одного из мировых судей Тюмени представителем сословия «ходатаев» во взяточничестве. Последний – обычный «подпольный адвокат», который был общеизвестен, по словам корреспондента газеты, «озлобленностью против всего Министерства юстиции, в каждом представителе которого видел личного врага»¹⁷⁹.

О «технологиях» «подпольной юриспруденции» и степени ее распространения рассказывал на страницах журнала «Сибирские вопросы» один из нелегальных «адвокатов», филолог по образованию, которого обстоятельства заставили в течение нескольких лет выступать в качестве защитника на судебных процессах в небольшом городке Западной Сибири. По его словам, в крае «царила подпольная адвокатура», состоявшая из лиц с «темным прошлым» и невысокими нравственными качествами¹⁸⁰.

Типичный сценарий жизни и деятельности «юриста» начала XX в. запечатлен в метафоричной форме в небольшой

рукописной поэме томских юристов для внутреннего пользования – «Макариаде» – по имени главного героя. Макар – «аблакат» – «жид, хотя крещеный», начал свою трудовую биографию с игры на скрипке в питейном заведении. Однако скудные заработки заставили Макара сменить профессию: «задумал дерзкий плут вылезть в адвокаты». Такому решению способствовало то, что обитал новоявленный «ходок» в участке мирового судьи, нечистоплотного в моральном отношении и падкого на взятки, который к тому же снимал у него дом, находясь в определенной зависимости. Бывший скрипач и служитель Фемиды стали взаимовыгодно сотрудничать, и результатом этого объединения стало то, что Макар «два подлога учинил», «обобрал вдову, сирот», «векселя он стал скупать»¹⁸¹.

Причина успеха незаконной «адвокатуры» доступно объяснялась одним из современников: «Для низших слоев городского населения, особенно при мелких исках, обращаться к присяжному поверенному почти невыносимо: хороший возьмет и хорошие деньги, но еще чаще – просто откажется за обилием дел. А к заведому плохому – кому охота идти? Пусть "подпольный" тоже плох, но он, во-первых, дешев, во-вторых, обладает красноречием голодного, вполне достаточным, чтобы убедить клиента "подмахнуть" доверенность. Но на суде это красноречие, конечно, спасует, а прошение окажется никуда негодным...»¹⁸².

Развитию незаконной «адвокатуры» содействовал недостаток адвокатов-специалистов. Недаром там, где представительство последних было незначительным, отмечался наибольший наплыв «ходатаев». К примеру, «Сибирская торговая газета» в 1900 г. сообщала, что в последнее время в Тюмени «развелось» много «подпольных аблакатов»¹⁸³. И это неудивительно, поскольку в крупнейшем в Тобольской губернии городе тогда действовали всего один присяжный поверенный, один помощник присяжного поверенного и трое частных поверенных¹⁸⁴. Квалифицированная адвокатура оставалась недоступной не только для сельско-

го населения, но и для горожан. Так, в дореволюционный период присяжные поверенные не решились избрать местом своего проживания западносибирские города Тару, Туринск, Тюкалинск, Березов, Сургут, Змеиногорск, Кузнецк и Мариинск¹⁸⁵.

Жизнестойкость «подпольной адвокатуры» стала следствием изъятий сибирской юстиции, особой политики самодержавия в отношении официальных институтов поверенных. До 1911 г. в округе Омской судебной палаты отсутствовал совет присяжных поверенных. При Иркутской судебной палате совет, учрежденный законом от 24 ноября 1904 г.¹⁸⁶, действовал недолго: он был закрыт в годы первой революции¹⁸⁷. Правительство откровенно не приветствовало деятельность открываемых по инициативе адвокатов юридических консультаций и сословных организаций и не спешило законодательно решить вопрос об их существовании. В конце первого – первой половине второго десятилетия XX в. развернулась кампания против российских юридических консультационных заведений, некоторые из них, в частности, в Сибири, ликвидировались¹⁸⁸. В феврале 1912 г. закрывались просуществовавшие менее трех месяцев томская и омская комиссии (организации) помощников присяжных поверенных¹⁸⁹. Таким образом, профессиональная адвокатура была разобщена, ее самостоятельное развитие искусственно сдерживалось, и, в связи с этим, она не могла направить всю мощь своей корпоративной организации на искоренение «юридического плутовства».

Сибирское судопроизводство отличало наличие многочисленных формальностей письменного характера. По «бумагомерию» сибирский суд превосходил другие суды империи, чем и пользовались местные «ходоки». Кроме того, судебные учреждения были чрезвычайно перегружены. Мировые судьи рассматривали в 2–3 раза больше предусмотренных высшими нормами дел. Поэтому приведенному выше примеру борьбы с «подпольной адвокатурой» мирового судьи второго участка Ялуторовского уезда последовать немногие. Вообще, дефекты юстиции, осо-

бенно мировой (перегруженность, сосредоточение у судей судеб-ских и следовательских функций одновременно), способствовали «аблакатскому» ремеслу. Участие «ходатая» в судопроизводстве, выстроенном на порочных началах, описывалось следующим образом: «Уголовный процесс в руках такого адвоката становится делом, в котором можно найти все, кроме искреннего слова. В большинство дел такие адвокаты входят с самого начала, то есть до производства предварительного следствия. Следствие при обширности территории и массе уголовных дел нередко запаздывает на несколько месяцев. За этот долгий срок адвокат с успехом может "подготовить" свидетелей, "обделать" самих виновных, а иногда войти в соглашение с пострадавшими»¹⁹⁰.

В Сибири судебные учреждения постоянно перемещались: мировые судьи разъезжали в пределах участков, окружные суды – в рамках губерний и областей, судебные палаты – в границах своих округов. Потому проживание квалифицированного адвоката в селении, куда окружной суд заезжал для проведения сессий, скажем, четырежды в год, грозило бездеятельностью. Вместе с тем местные поверенные должны были переезжать вслед за выездными составами судов, что представляло существенные неудобства. Известны случаи, когда присяжные поверенные и их помощники не находили возможности сопровождать разъезжающие судебные учреждения¹⁹¹. Перечисленные обстоятельства негативно влияли на деятельность профессиональных адвокатов и были на руку адвокатам-любителям.

Степень развития сферы незаконных юридических услуг отражает состояние официальной юстиции. Правительство игнорировало, не замечало проблем сибирской системы правосудия. До реформы 1897 г. сибиряки не могли удовлетворить свои элементарные правовые запросы, зачастую доверяясь поверенным-проходимцам. Судебные уставы вводились в Сибири в ограниченном виде. Судоустройство и судопроизводство содержали недостатки, не позволявшие в полной мере использовать потенци-

ал реформированных судов в целях обеспечения населения юридической помощью.

Главным средством борьбы с «подпольной адвокатурой» в дореволюционной России являлись юридические консультации. Они открывались вслед за осуществлением реформы юстиции на основе уставов 1864 г. Создание консультаций – следствие дарованной обществу на том историческом этапе свободы проявлять гражданские инициативы, независимо от власти решать насущные проблемы общественной жизни. Когда в ходе реализации судебной реформы обнаружилось, что государство не в состоянии вполне обеспечить население помощью надежных юристов, общественность в лице поверенных, возложила ее исполнение на себя, и хотя установление юридических консультаций законом не предусматривалось, практика деятельности новых судов, принципы пореформенного судоустройства и судопроизводства, появление квалифицированной адвокатуры с высокими нравственными устоями – все вместе, в силу природы вещей, привело к основанию этих организаций, а сама жизнь легализовала их право на существование. Первое такое учреждение для оказания юридической помощи населению открылось в 1870 г. в столице¹⁹².

Образование консультаций стало реализацией острой потребности адвокатов в сотрудничестве, самостоятельности, независимости, без которых успешное развитие их корпорации было невозможным. В известной мере, данные условия обеспечивали введенные Судебными уставами советы присяжных поверенных – официальные органы корпоративного самоуправления, но, как говорилось, в силу политической конъюнктуры, с середины 1870-х гг. учреждение советов там, где они еще не сформировались, приостанавливалось, а в регионах, где эти органы не создавались, их правами и обязанностями наделялись окружные суды. Там разобщенные поверенные в интересах своего сообщества стремились к различным формам объединения, одной из которых и становились быстро распространявшиеся в империи юридиче-

ские консультации. В 1900 г. они действовали в тридцати городах России¹⁹³, а через пять лет – в семидесяти одном¹⁹⁴.

Авангардная для той поры идея консультационных заведений, волновавшая умы наиболее прогрессивных адвокатов всей России, в Сибири начала получать воплощение в 1880-х гг. благодаря энергии общественного и судебного деятеля В.П. Картамышева, заслужившего репутацию юриста, желавшего улучшить сибирское правосудие путем распространения юридических знаний и внесшего весомый вклад в формирование правосознания местного населения. Некоторые его инициативы намного опередили время: он был одним из немногих, кто бесплатно оказывал юридическую помощь неимущим сибирякам, а в октябре 1883 г. через «Сибирскую газету» от него последовало предложение занимающимся адвокатурой томичам объединиться в консультацию, подобную киевской (В.П. Картамышев – бывший киевлянин), которая могла бы оказывать юридические услуги местным жителям на возмездной и безвозмездной основе, оградив их от «подпольных адвокатов». Некоторые юристы приветствовали этот почин, назвав его «добрым начинанием»¹⁹⁵, у скептиков же он не нашел отклика. Они сомневались, что наличие даже общедоступной квалифицированной юридической поддержки будет способствовать правовому просвещению населения и защите от зла, распространяемого разными «ходатаями». В «Восточном обозрении» говорилось: «Мы не думаем, чтобы эта консультация помешала людям ловким обдирать дела. Они могут втереться даже сюда»¹⁹⁶.

Когда на Сибирь распространялись Судебные уставы, не учреждались, по общему правилу, советы присяжных поверенных, и сразу ставился вопрос о создании консультационных обществ. В 1898 г. томская адвокатура выработала первоначальный проект такого учреждения, но из-за неприятия данной инициативы тогдашним председателем Томского окружного суда он пролежал «под сукном» три года. Следующий председатель суда А.В. Витте идею наоборот одобрял, и благодаря ему проект весь-

ма быстро рассмотрели¹⁹⁷: 30 мая 1902 г. присяжные поверенные внесли его в окружной суд, а уже 1 июня общее собрание суда решило открыть консультацию, утвердив ее правила. В них формулировалась цель организации: «оказание общедоступной юридической помощи населению путем подачи словесных советов, составления деловых бумаг и письменных заключений». Предполагалось взимание платы за устные советы от 25 коп. до 3 руб., за оформление бумаг и заключений – до 25 руб., но «бедные», как говорилось в правилах, «по усмотрению консультанта» освобождались от оплаты¹⁹⁸ (на практике платеж за услуги представлялся «доброй воле просителя»¹⁹⁹).

Кроме заявленной цели – удовлетворить потребность в самоуправлении, – консультации предназначалось сплотить сословие поверенных. Ее учредители стремились возложить на организацию часть функций так необходимых адвокатской корпорации советов присяжных поверенных. Статья 14 предварительного текста правил предусматривала дисциплинарную ответственность участников организации: «Все случаи нарушения членами консультации профессиональных обязанностей или совершения деяний, несовместимых со званием поверенного, бюро (орган управления консультацией – Е.К.), удостоверившись по тщательном расследовании в наличности инкриминируемого деяния, передает на обсуждение общего собрания членов консультации, которое разрешает их при закрытых дверях, но открытой баллотировкой лишь при наличности не менее 2/3 общего состава членов консультации, находящихся в данное время в г. Томске, и большинством 2/3 голосов. Такое собрание может по выслушивании объяснений от лица, о котором идет речь, высказать ему товарищеское порицание или даже исключить временно или навсегда из состава консультации»²⁰⁰. По мнению члена консультационного бюро П.В. Вологодского, это положение было лучшим в плане адвокатов. Но когда уже утвержденная окружным судом докумен-

тация поступила на рассмотрение в судебную палату, из правил его изъяли²⁰¹.

В начале деятельности томской консультации спрос на ее услуги неуклонно и резко возрастал. За первый год она приняла 1448 клиентов, за второй – 1921, за третий – 4385. Причем подавляющее число посетителей составляли ремесленники, чернорабочие, крестьяне, прислуга. Отмечалась тенденция роста количества бесплатных услуг и уменьшения платных. В первый год деятельности консультация обслужила даром 79% от числа всех клиентов, во второй – 81%, в третий – 86,7%²⁰². Для сравнения, тогда же безвозмездно предоставляли помощь консультационные учреждения: Житомира – до 16% просителей²⁰³, Ростова-на-Дону – 68%²⁰⁴, Екатеринослава – 51,5%²⁰⁵, Воронежа – 56,6%, Киева – 49,9%²⁰⁶, Московского съезда мировых судей – 55%²⁰⁷. За третий год работы томская консультация собрала с клиентов мизерную сумму – 209 руб. 19 коп.²⁰⁸ (это годовая стоимость освещения и отопления одной квартиры в Томске²⁰⁹). Приведенные данные позволяют отнести ее к категории тех благотворительных объединений, в которых юридическая помощь оказывалась или бесплатно, или дешево. К таковым можно было причислить далеко не все подобные организации страны. Для части из них филантропическая деятельность не являлась главной. Например, в отчете консультации Армавира так и записано, что клиенты не должны думать, будто «консультация – благотворительное учреждение, где им оказывают юридическую помощь из милости»²¹⁰. Некоторые лица, однако, пользовались бескорыстием томской консультации, стремясь обслужиться в ней задаром. Сотрудниками консультационного бюро отмечалось, что многие из обратившихся за бесплатной юридической поддержкой, судя по их внешнему виду и характеру дел, были в состоянии оплатить совет или составление документа²¹¹.

Уничтожение «подпольной адвокатуры» являлось одним из важнейших направлений работы консультаций, более того, с этой целью они создавались. «Ввиду обнаружившейся значитель-

ной потребности малоимущего населения г. Санкт-Петербурга в помощи юристов-специалистов, которые могли бы своими знаниями и добросовестным отношением к делу заменить распространивших свою вредную деятельность среди бедного населения негласных ходатаев, и предполагается организовать на окраинах консультации», – так на рубеже XIX–XX вв. столичные поверенные мотивировали необходимость установления новых консультационных заведений²¹². «Юристы» не собирались сдаваться и действовали напористо и бесцеремонно. Например, в Житомире «подпольные ходатаи... со свойственной им дерзостью уводили под разными вымышленными предложениями из-под самых дверей» клиентов консультации²¹³. Между тем в борьбе с адвокатами-проходимцами консультационные заведения одерживали верх. Итогом работы консультации в Томске, по словам корреспондента «Сибирских вопросов», стало то, что «население вырвалось из цепких лап подпольных адвокатов»²¹⁴.

Бескорыстной помощью малоимущим россиянам не ограничивается значение консультаций. В частности, особенностью томской адвокатской организации являлось наличие института делопроизводителей, готовящих разного рода документы и состоящих почти исключительно из студентов-юристов Томского университета. В иных подобных учреждениях деловые бумаги составляли специально приглашенные для этого писцы за определенную плату, и резерв их деятельности был невелик. Для студентов такие занятия являлись отличной юридической школой, там они приобретали бесценный практический опыт²¹⁵.

Другая особенность томской консультации вызвана определенной изолированностью поверенных региона от российской адвокатуры, отсутствием разобщенности между их категориями. Там совместно трудились и присяжные поверенные, и их помощники, и частные поверенные, тогда как в стране в основном действовали органы, объединяющие исключительно присяжных поверенных и их помощников, лишь присяжных поверенных или

одних помощников присяжных поверенных. Правда, членство в сибирском учреждении обеспечивалось разными условиями. В статье 2 ее правил записано: «Присяжные поверенные входят в состав консультации по самому своему званию. Помощники же присяжных поверенных и частные поверенные принимаются в члены консультации лишь по закрытой баллотировке общего собрания членов консультации»²¹⁶.

Деятельность консультационных заведений позитивно сказывалась на саморазвитии адвокатской корпорации. На общих собраниях в Томске зачитывались доклады, темами которых были насущные проблемы юридической практики, актуальные вопросы системы правосудия, при консультации существовала библиотека с огромным фондом периодических изданий, прежде всего, правового содержания²¹⁷. Томские поверенные стремились влиться в ряды общероссийской адвокатуры, распространяли идею открытия новых консультаций. С этими целями они рассылали отчеты своей организации и другие сведения во все аналогичные органы страны, судебные палаты и окружные суды, некоторым авторитетным адвокатам, настойчиво прося присылать такие же материалы в Томск, но, к сожалению, их поступало очень мало²¹⁸. Поверенные-томичи поддерживали старания адвокатов других регионов, направленные на консолидацию сословия. Например, они принимали участие во Всероссийском съезде представителей консультаций, организованном консультацией при Московском мировом съезде²¹⁹.

Общество положительно оценивало деятельность консультационных учреждений. Но они не вписывались в схему авторитарного государства, чуждого проявлениям гражданских инициатив, не терпящего либеральных идей сверх закрепленных в законе и проводимых в известных дозах с подачи самодержавной власти. Консультации, просуществовав в России с согласия судебного руководства без законодательной санкции около сорока лет, были в определенном смысле удобны правительству (не требова-

ли казенных затрат на устройство государственной системы оказания юридической помощи). Несмотря на это, после революции 1905–1907 гг. и повышения политической активности адвокатского сословия, самодержавие усмотрело в них, как и в иных корпоративных организациях поверенных, угрозу политическому режиму. 2 марта 1909 г. Сенат распорядился закрыть консультации, ссылаясь на то, что вопрос об их существовании законодательно не решен. 22 сентября 1909 г. Томский окружной суд упразднил томскую юридическую консультацию²²⁰.

Подобные меры правительства весьма противоречивы. С одной стороны, в конце XIX – начале XX в. оно проявляло несомненную потребность в пресечении незаконных занятий мошенников от юриспруденции и, следовательно, должно было быть заинтересовано в сохранении передового отряда в борьбе с ними – юридических консультаций. Деятельность «подпольной адвокатуры» в России представляла серьезную угрозу общественной и государственной безопасности, превратившись в настоящее бедствие. Так, циркуляр Министерства внутренних дел 17 июня 1898 г. предписывал губернаторам во избежание крестьянских волнений установить особое наблюдение за «сельскими адвокатами», причем в документе они приравнивались к «пришлым людям, не имеющим определенных занятий», «агитаторам», «порочным людям», «буйным крестьянам»²²¹. Уголовное право начала XX в. пополнилось нормой об уголовной ответственности «подпольных адвокатов». С другой стороны, государство препятствовало общественным порывам, направленным на искоренение «юридического знахарства», тем самым способствуя распространению последнего. Примечательно, что распоряжение о закрытии консультаций саботировалось судебным и административным начальством: лишь часть из них ликвидировалась, остальные продолжали действовать в разных концах империи «под прикрытием» местных чиновников, видевших в них бесспорную пользу в битве с «подпольной юриспруденцией»²²².

Степень удовлетворения юридических потребностей российских подданных, особенно на окраинах, была невысокой. Консультирование по вопросам права, не обеспеченное достаточным правительственным вниманием и специалистами, подменялось опасной для общества и политического режима некачественной продукцией юридического свойства, которая в условиях буржуазной модернизации страны представляла собой фактор, ронявший авторитет государственной власти в глазах населения и, в конечном итоге, расшатывавший самодержавие.

Таким образом, после реформы 1897 г. профессиональная адвокатура Западной Сибири оставалась немногочисленной, находилась в разрозненном состоянии, чему содействовали отсутствие корпоративной организации и большие расстояния. Предпринимаемые по ее инициативе попытки к объединению пресекались властью. Сибирское население свои юридические потребности зачастую удовлетворяло, обращаясь к людям случайным и неквалифицированным, а иногда откровенным проходимцам, что явно не повышало престиж системы правосудия в целом.

Примечания

1. Сибирский В. Указ. соч.
2. Сибирь в 1898 году // Сибирская жизнь. – 1899. – 1 января.
3. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 41.
4. Сибирская торговая газета. – 1897. – 26 июля.
5. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 80–81.
6. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 79 об., 80 об. – 81.
7. Плотников М. Указ. соч. – С. 201.
8. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 43. Л. 124 об.
9. Восточное обозрение. – 1897. – 24 августа.
10. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 43.
11. А.Х. Мировой судья в Сибири // Сибирские вопросы. – 1911. – № 5/6. – С. 42.
12. Иванович Гр. По Сибири. Новониколаевск (мировой судья) // Сибирская жизнь. – 1907. – 29 декабря.

13. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 49/50. – С. 27.
14. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–14, 17–20.
15. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 83–84.
16. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 7 об., 22.
17. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. Вып. 25. – СПб., 1911. – С. 226–230.
18. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – СПб., 1912. Вып. 26. – С. 238–239, 254–255.
19. Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. – 1909. – № 49/50. – С. 40.
20. ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 2-е. № 17973.
21. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 41.
22. А.Х. Указ. соч. – С. 45.
23. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 51/52. – С. 59.
24. Томские губернские ведомости. – 1897. – 10 июля.
25. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 101–102.
26. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 162. Л. 11–16.
27. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 49/50. – С. 28.
28. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 47–48.
29. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6. Л. 51, 54, 66.
30. Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–12, 17–20.
31. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 5–6.
32. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 188. Л. 2–3, 22–23, 28–29, 42–43.
33. А.Х. Указ. соч. – С. 42; Войтенков М. Указ. соч.
34. Ветров А. Указ. соч. – С. 86.
35. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 10.
36. Анучин В. Пасынки... // Там же. № 46/47. – С. 36–37.
37. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 135.
38. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 67. Л. 14–16; Д. 133. Л. 7, 10, 17.
39. Там же. Д. 73. Л. 6–6 об., 26–26 об.
40. Там же. Ф. Ф-11. Оп. 2. Д. 16. Л. 2–5.
41. Войтенков М. Указ. соч.
42. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 115.
43. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 261. Л. 184 об.
44. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–23; Д. 186. Л. 433 об., 461–462.
45. Там же. Д. 183. Л. 13–14 об.
46. Там же. Д. 80. Л. 36, 37; Д. 183. Л. 24 об.
47. Там же. Д. 147. Л. 3–5 об.
48. Там же. Л. 5–6, 12.
49. Там же. Л. 4–6, 12 об.
50. Анучин В. К десятилетию...
51. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.

52. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 49/50. – С. 35–36.
53. Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. – 1909. – № 45. – С. 47.
54. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 43.
55. Томская хроника // Сибирские отголоски. – 1906. – № 12. – С. 14.
56. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 41.
57. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–8.
58. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 49/50. – С. 38.
59. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 183. Л. 24.
60. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 279. Л. 2–3.
61. См.: Восточное обозрение. – 1897. – 23 июля.
62. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. – 1898. – № 8. – С. 170.
63. См.: Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 41.
64. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12.
65. Там же. Оп. 2. Д. 443. Л. 137; Оп 1. Д. 188. Л. 42–43.
66. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 371. Л. 37–41.
67. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 51/52. – С. 61.
68. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.
69. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 9–9 об.
70. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, 6–8.
71. Там же. Д. 132. Л. 1–2.
72. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 46/47. – С. 31.
73. См.: Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре до-революционной России. – Томск, 1998. – С. 511.
74. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. – Томск, – 1909. – С. 9.
75. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. – СПб., 1995. – С. 823–825.
76. См.: Гессен И.В. Судебная реформа. – С. 249.
77. См.: Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 49/50. – С. 30.
78. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 97, 103; Д. 74. Л. 1–7, 15; Д. 176. Л. 1–1 об.
79. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 31–32; Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 45.
80. Коллекция печатных записок РГИА. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. – С. 13.
81. Хроника // Сибирские вопросы. – 1911. – № 2–3. – С. 85–86.
82. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 81 об., 83.
83. Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. – 1909. – № 45. – С. 47.
84. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 51/52. – С. 71.
85. А.Х. Указ. соч. – С. 41.
86. См.: Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 г. – Тюмень, 1898. – С. 52; Городская хроника // Томский листок. – 1897. – 2 июля.

87. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 862. Л. 144–145.
88. Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 41. Л. 79–79 об.
89. Сибирский листок. – 1908. – 21 января.
90. Там же. Д. 97. Л. 36; Ф. 152. Оп. 37. Д. 900. Л. 42–43.
91. Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. – С. 23.
92. Н.С. Тобольские крестьяне о реформе суда // Сибирские вопросы. – 1908. – № 8. – С. 36–37.
93. Сибирские вопросы. – 1907. – № 4. – С. 39.
94. См.: Попов И. Игнорирование Сибири // Сибирские вопросы. – 1909. – № 46/47. – С. 18.
95. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. – Омск, 1913. – С. 1.
96. Реформа местного суда в Сибири // Труды Томского юридического общества при императорском Томском университете. Вып. 2. – Томск, 1911. С. 1–3.
97. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Д. 350. Л. 11–11 об.
98. Там же. Д. 350. Л. 3–3 об.
99. Плотников М. Указ. соч. – С. 202.
100. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 22. Л. 22, 24, 27.
101. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 20.
102. Там же. Л. 76.
103. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
104. ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 2-е. № 17973.
105. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
106. См.: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. Вып. 17. Ч. 1. – СПб., 1903. – С. 62–71; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. Вып. 17. Ч. 2. – СПб., 1903. – С. 16–17.
107. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – С. 110–119.
108. Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1904 г. Вып. 20. – СПб., 1906. – С. 23.
109. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 5 об.
110. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 46.
111. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 77.
112. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 об.
113. Подсчитано по: ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 128. Л. 74–75.
114. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 4 об.
115. Там же. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 25 об.
116. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 об.
117. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 139. Л. 11 об.
118. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 50.
119. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 139. Л. 11–11 об.; Д. 261. Л. 64.
120. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 4 об.

121. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 45.
122. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 4; Ф. 797. Оп. 92. Д. 167. Л. 4.
123. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 50.
124. Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 43. Л. 158, 164–165.
125. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 14-17, 50–62 об.
126. Сибирская хроника // Восточное обозрение. – 1897. – 8 августа.
127. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 49.
128. См.: Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. – Томск, 1906. – С. 16.
129. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 45.
130. Описание помещений судебных палат и окружных судов. – СПб., 1913. – С. 56.
131. Библиотека РГИА. Отчет о ревизии... – С. 138–140.
132. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.
133. Описание помещений судебных палат и окружных судов. – С. 55.
134. ПСЗ-III. Т. 18. № 15493. Ст. VII.
135. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
136. Там же. Д. 218. Л. 10–10 об.
137. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1910 г. Б. м., б. г. – С. 54.
138. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 46.
139. См.: Всеподданейший отчет министра юстиции за 1898 г. Б. м., б. г. – С. 12; Всеподданейший отчет министра юстиции за 1908 г. – СПб., 1909. – С. 36; Всеподданейший отчет министра юстиции за 1909 г. – СПб., 1910. – С. 41; Всеподданейший отчет министра юстиции за 1910 г. – С. 51.
140. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 51/52. – С. 58.
141. ГАТО. Ф. Ф-15. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–7.
142. Там же. Ф. Ф-11. Оп. 3. Д. 84. Л. 57, 191.
143. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 10.
144. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1909 г. – С. 40; Всеподданейший отчет министра юстиции за 1910 г. – С. 50.
145. ПСЗ-III. Т. 31. № 35330.
146. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1911 г. – СПб., 1912. – С. 48.
147. ЦХАФАК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
148. Там же. Д. 14. Л. 1.
149. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 209. Л. 6.
150. ГАТО. Ф. Ф-11. Оп. 3. Д. 84. Л. 12.
151. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 147. Л. 15.
152. ГАТО. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 65.
153. Томская хроника. В судебном мире // Сибирские отголоски. – 1910. – 26 октября.
154. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 209. Л. 29–29 об.
155. ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2-е. № 12932.

156. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 25 об, 81 об.
157. ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 2-е. № 17973.
158. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–14, 17–20; Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.
159. Всеподданейший отчет министра юстиции за 1909 г. – С. 39–40.
160. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 147–148.
161. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 64; Д. 120. Л. 1–1 об.
162. Там же. Д. 139. Л. 1.; Оп. 2. Д. 443. Л. 137–142.
163. Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 54–54 об.
164. Анучин В. Пасынки... // Там же. – № 51/52. – С. 71.
165. См.: Сибирская торговая газета. – 1897. – 10 июля.
166. Сибирская хроника // Восточное обозрение. – 1897. – 24 августа.
167. Учреждение судебных установлений. Ст. 354, 406.
168. ГАТО. Ф. 158. Оп. 2. Д. 97. Л. 123–123 об.
169. Глазунов Д.А. Проведение судебной реформы 1896 г. на территории Западной Сибири (по материалам Томской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003. – С. 22.
170. С.П. Некоторые итоги Томского университета по данным отчетов за 15 лет // Сибирский наблюдатель. – 1905. – № 6. – С. 41–42.
171. См.: Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Указ. соч. – С. 505.
172. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа... – С. 7.
173. См.: Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 42; Иванович Гр. Указ. соч.
174. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. С 18 мая 1912 г. по 18 мая 1913 г. – Омск, 1914. – С. 16, 88–89, 101–105.
175. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 43. Л. 124–128.
176. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 12.
177. См.: Адоньева И.Г. Указ. соч. – С. 187; Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при Житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости за 1903 г. (С 7 января по 20 декабря 1903 г.). – Житомир, 1904. – С. 8; Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде за 1900 г. (С 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г.). – М., 1901. – С. 37; ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
178. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 12.
179. Сибирская торговая газета. – 1900. – 1, 2 апреля.
180. И.Т. Указ. соч. – С. 23.
181. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 115. Л. 360–362.
182. Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. – 1909. – № 43. – С. 16.
183. Сибирская торговая газета. – 1900. – 2 июня.
184. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 г. – Тобольск, 1899. – С. 9.

185. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. – С. 123–125; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. – Омск, 1914. – С. 102–103; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. Год четвертый. – Омск, 1915. – С. 143–145.
186. ПСЗ-III. Т. 24. № 25414.
187. См.: Хроника // Право. – 1906. – 23 апреля; Шахерова С.Л. Указ. соч. – С. 20.
188. См.: Гессен И.В. Адвокатура... – С. 357–358; ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–52.
189. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за первый год. – С. 14; РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 203. Л. 12–19.
190. См.: И.Т. Указ. соч. – С. 24.
191. Там же. – С. 22.
192. См. например: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – С. 331.
193. Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде... – С. 37.
194. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 22–24.
195. Сибирская газета. – 1883. – 2 октября.
196. Восточное обозрение. – 1883. – 17 ноября.
197. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 6.
198. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1 об., 16, 17а.
199. См.: Л.К. Очерки сибирской жизни // Там же. – № 43. – С. 16.
200. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.
201. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6–7, 26.
202. Там же. С. 4, 8, 17.
203. Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости... – С. 12.
204. Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при съезде мировых судей Ростовского на Дону судебно-мирового округа за 1905–1906 гг. Ростов-на-Дону, [1907]. – С. 8.
205. Отчет консультационного бюро при Екатеринославском окружном суде за 1906 г. – Екатеринослав, 1907. – С. 9.
206. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 8.
207. Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде... – С. 14.
208. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 19.

209. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 139. Л. 6–7.
210. Отчет консультации поверенных при Армавирском съезде мировых судей. В селе Армавир Кубанской области с 10 июня 1904 г. по 10 июня 1905 г. – Армавир, 1905. – С. 9.
211. Сибирская жизнь. – 1904. – 27 октября.
212. Цит. по: Гессен И.В. Адвокатура... – С. 308.
213. Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости... – С. 5.
214. Л.К. Очерки сибирской жизни // Там же. – № 43. – С. 16.
215. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 7–8, 30; Л.К. Очерки сибирской жизни // Там же. – № 43. – С. 16.
216. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 27. Л. 16.
217. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 6–17; ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 115. Л. 352, 359.
218. Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 5–6.
219. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 115. Л. 18–19, 26 об.
220. Там же. Д. 27. Л. 49, 50–52 об.
221. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 56.
222. См.: Гессен И.В. Адвокатура... – С. 357–358.

ГЛАВА V. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В КОНЦЕ ПЕРВОГО – НАЧАЛЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ И ФУНКЦИЯХ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ

Деятельность реформированной в 1897 г. юстиции показала, что она требует дополнительного совершенствования. Причем, обнаружилась необходимость в глубоких изменениях, по некоторым направлениям представляющих собой крупную перестройку системы правосудия. Прежде всего, существовала потребность в масштабной реорганизации мирового суда.

В 1908 г. старший председатель Омской судебной палаты Ф.Ф. фон Паркау, считая штат местных судов недостаточным, просил у Министерства юстиции его увеличения¹. Министру юстиции И.Г. Щегловитову пришлось констатировать, что объемом делопроизводства западносибирских мировых судей «в значительной мере превышает признаваемое для них нормальное количество служебной работы», и с некоторой задержкой дать движение поставленному Ф.Ф. фон Паркау вопросу. 13 мая 1911 г. Государственной думой был одобрен законопроект об увеличении штатов некоторых судебных учреждений империи, в т.ч. мировой юстиции Западной Сибири². Закон от 28 мая 1911 г. устанавливал дополнительно 14 должностей мировых судей в Тобольской губернии и 21 должность в Томской³.

Между тем, к рубежу первого и второго десятилетий XX в. чиновничьи круги «щегловитовского» министерства осознали, что соединение функций судьи и следователя в руках мировых судей неприемлемо. В 1910 г. в связи с предположением об уве-

личении штата сибирского мирового суда, И.Г. Щегловитов высказал мысль о разделении в Западной Сибири мировых участков на участки с мировой подсудностью и участки следственных⁴. Эту инициативу всецело поддержал старший председатель Омской судебной палаты. Он писал в Министерство юстиции: «...Разделение следственных и мировых обязанностей, возложенных ныне в округе Омской судебной палаты на мировых судей, в высшей степени желательно в интересах дела, ибо опыт совмещения этих обязанностей в одном лице мирового судьи достаточно доказал, что такое совмещение отражается вредно как на следственной, так и на судебной частях». По его мнению, «мировые судьи-следователи могли бы быть оставлены, в крайнем случае, лишь в местностях малонаселенных, с малым возникновением дел, каковыми являются в вверенном мне округе палаты северная часть Тобольского уезда и уезды Березовский и Сургутский»⁵. Замысел старшего председателя в полной мере осуществить не удалось. После реализации закона от 28 мая 1911 г. в Тобольской губернии осталось 6 «смешанных» судебно-следственных участков⁶, в Томской – 4⁷.

Преобразования носили половинчатый характер и вряд ли могли дать заметные позитивные результаты. Вопросы о выборности мирового суда, введении съездов мировых судей вовсе не ставились, хотя в данное время в России решили вернуться к этим институтам, что и привело к реформе местного суда в 1912 г. Значение отказа от совмещения в руках судей судебных и следовательских обязанностей минимизировалось из-за недостаточного увеличения их штата.

Закону 28 мая 1911 г. предшествовали несколько лет кропотливого труда, в ходе которого судебные чиновники хотели узнать главное: сколько необходимо сотрудников для мировой юстиции Западной Сибири, чтобы та эффективно функционировала. Для выяснения этого вопроса создавались специальные комиссии из мировых судей (кстати, образование подобных органов в усло-

виях отсутствия съездов мировых судей лишний раз доказывало объективную необходимость в последних). От них требовали подробнейшие ведомости о движении дел, а иногда и отчеты о недостатках в своей деятельности, по тому же поводу велась активная переписка между судебными учреждениями. Во время этой работы проявилась неспособность высоких судебных чинов оперативно реагировать на изменения конъюнктуры в сфере системы правосудия, обозначились противоречия между этажами в иерархии организаций ведомства Министерства юстиции, пренебрежение интересами одних другими.

В 1908 г. комиссия мировых судей Барнаульского уезда единогласно приняла решение, в котором настаивала на необходимости увеличения количества участков с 9 до 22. Председатель Томского окружного суда с этим вроде бы согласился, однако тут же в переписке со старшим председателем Омской судебной палаты предложил увеличить штат мировой юстиции Барнаульского уезда не на 13 должностей, как просили судьи, а всего на 4. Его не озадачивало то обстоятельство, что ежегодно каждый судья уезда рассматривал и дел мировой подсудности и следственных дел до трех раз больше нормы. Вообще, по мнению председателя окружного суда (высказано 2 апреля 1909 г.), всей Томской губернии требовалось всего 6 участковых мировых судей и 2 добавочных, и это никак не согласовывалось с количеством поступавших дел. Таким образом, просьбы некоторых уездных комиссий по поводу увеличения штата попросту игнорировались: например, бийской, видевшей потребность усиления состава мировых судей уезда тремя новыми должностями⁸.

Действительно, судебское начальство как будто не замечало потребностей мировой юстиции. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» 1895 г. говорилось: многолетний опыт указывает, что в Европейской России судебные следователи «при самых благоприятных условиях и при напряженной их деятельности успевают направлять около 140

следствий в год, а уездные мировые судьи не в состоянии разрешить свыше 1200 дел мировой подсудности»⁹. Через пятнадцать лет среди западносибирских судейских чинов использовались завышенные, ими выведенные ежегодные нормы. К ним апеллировал старший председатель Омской судебной палаты: в городе судебный следователь способен проводить до 210 производств, мировой судья повсеместно решать до 1500 дел мировой подсудности¹⁰. Члены Томского окружного суда пошли дальше. Они выдумали формулу, согласно которой «городские судьи и следователи, свободные от разъездов, могут разрешать и направлять в полтора раза более дел и следствий». Вывод: мировые судьи в городах ежегодно могут рассматривать 1800 дел мировой подсудности¹¹. Чиновники окружного суда игнорировали, и скорее намеренно, тот факт, что в объяснительной записке 1895 г. (в судебных кругах всегда на нее ссылались) речь шла о судьях Европейской России, никуда не выезжавших. Следовательно, та лишняя треть дел, которая взваливалась на западносибирских городских мировых судей, была официально допущенной перегрузкой.

Судебные деятели ставились перед необходимостью идти на игры с нормами, для того чтобы благообразнее выглядела отчетность и в ней катастрофическое состояние мировой юстиции смотрелось не более чем трагическое, чтобы убедить мировых судей в том, что объемы их работы не так уж велики, чтобы, играя цифрами дел, производить постоянные, надо признать, вынужденные переделы мировых участков (прирезать городской квартал к мировому участку, оперируя нормой в 1800 дел всегда проще, чем в 1200).

Но пределы обмана и самообмана не бесконечны, на это и указал один из случаев. В 1908 г. мировой судья 2-го участка Кузнецкого уезда обвинялся Томским окружным судом в «малоуспешной» деятельности. Однако тот утверждал, что работал весьма напряженно, и осмелился узнать: «Прошу для руководства указать мне минимальное количество дел мировой подсудности,

которое я должен назначать к разбору ежемесячно». Окружной суд признал объяснения мирового судьи «не заслуживающими уважения» и предписал ему разъяснить, «что минимальное количество дел мировой подсудности, которое он должен назначать к разбору ежемесячно, определяется требованием закона»¹².

Поставленный судьей вопрос требовал конкретного ответа в цифровом выражении. Члены окружного суда дать его не сумели. Потребности управления судебной организации вызвали необходимость карать нерадивых работников. Но осуществить это, когда на плечи чуть ли не каждого из них взвален огромный, никакими нормами непредусмотренный объем труда, было очень сложно. Вообще, саму постановку вопроса мировым судьей 2-го участка Кузнецкого уезда расценили как проявление наглости: во множестве участков дел возникало больше, чем в его, а их судьи молчали, ни о чем не спрашивали. Поэтому последовало репрессивное решение и нелепый, продиктованный в руководящем тоне ответ, отсылающий к никогда не существовавшему нормативно-правовому акту.

В законе 28 мая 1911 г. недостаточное внимание к быстрым изменениям сибирских условий, пренебрежение интересами местной юстиции вылились в заведомо незначительное увеличение штата мировых судов. Оно оказалось, по словам Ф.Ф. фон Паркау, «безусловно недостаточным», поскольку опиралось на данные 1908 г., о чем он и докладывал в Министерство юстиции¹³. Не составляет труда вычислить количество судей и следователей (речь здесь идет не о судебных следователях, а о так называемых «мировых судьях» со следовательскими обязанностями), потребность в котором возникла только из-за увеличения числа поступающих дел в 1908–1911 гг. Тогда следственных и мировых производств прибавилось: в Тобольской губернии – соответственно на 934 и 8831, в Томской – на 2776 и 36441 (см. табл. 12 приложения). Деление данных цифр на установленные нормативы (не завышенные сибирские, а на так сказать «цивилизованные», приня-

тые в России) показывает, что Tobольской губернии требовалось 15 чиновников, Томской – 50, и это лишь для того, чтобы «обслужить» имевшийся в те годы прирост дел.

Еще до утверждения закона (в представлениях от 30 ноября 1910 г., 16 и 22 февраля 1911 г.) председатели всех трех западносибирских окружных судов спешили предупредить старшего председателя Омской палаты о том, что намеченное расширение состава мирового суда не удовлетворит потребностей. Председатели Томского и Барнаульского судов говорили о необходимости учреждения в Томской губернии 34 должностей судебных чинов местной юстиции. Председатель Tobольского суда предлагал недостаток числа местных судебных чиновников восполнить в губернии введением 26 новых должностей¹⁴. Таким образом, по мнению судебного руководства, дефицит где-то в 25 чиновников закладывался в самом мероприятии 1911 г.

Между тем, и председатели окружных судов слабо представляли истинные нужды мировой юстиции западносибирского края. В этом отношении показательно, что уже 20 июля 1911 г. председатель Барнаульского суда возбуждает ходатайство «об учреждении вновь 29 должностей мировых судей сверх учрежденных в силу закона 28 мая 1911 г.»¹⁵ «Аппетит» судебного начальника понятен, если знать, насколько увеличение штата удовлетворило потребности барнаульского округа. В 1911 г. там возникло 56415 дел мировой подсудности и 4403 предварительных следствий. Деление этого количества на «цивилизованные» нормы приводит к заключению: 79 чиновников было необходимо для обеспечения нормальной работы и местных судов, и органов предварительного расследования округа Барнаульского окружного суда. На деле после преобразования 28 мая 1911 г. в нем действовало 37 участковых, 2 добавочных мировых судьи и 4 судебных следователя (всего 43)¹⁶. Таким образом, укомплектованность местной судебно-следственной части в барнаульском округе составляла всего 54%! По аналогичным расчетам те же учреж-

дения юстиции округа Томского окружного суда укомплектовались на 68%, Тобольского на – 88%.

Действительно, по материалам официальной статистики наибольшие нагрузки после преобразования испытывали судьи барнаульского округа, меньшие – томского, близкие к нормативу – тобольского (см. табл. 13 приложения). Соотнесение показателей укомплектованности штата мировых судей с данными о размерах их работы в трех западносибирских округах позволяет говорить, что расчетная норма в 1200 дел, возникающих ежегодно, была оптимальной для региона.

Теперь мировым судьям Тобольской губернии удавалось справляться и с вновь возникшими делами и с прошлогодними. Показатели волокиты снизились и в Томской губернии (см. табл. 14 приложения). Но отмеченное убавление следует считать относительным: во-первых, уменьшилось число уголовных дел (с 62966 в 1911 г. до 45682 в 1914 г.¹⁷); во-вторых, количество неразрешенных производств, например, на конец 1914 г., означало, что в каждом участке оставалось по тысяче прошлогодних дел, а это весьма высокий уровень волокиты.

Увеличение штата мировых судов не могло коренным образом изменить ситуацию в Томской губернии. Показатели обремененности ее мировой юстиции и после 1911 г. ухудшались. В большинстве мировых участков уголовных и гражданских дел рассматривалось значительно больше нормы (см. табл. 13 приложения). Как и следовало ожидать, в наиболее бедственном положении находились мировые судьи округа Барнаульского окружного суда. Его председатель отмечал, что после 1911 г., несмотря на увеличение штата мировых судей, они «в большинстве случаев продолжают находиться в условиях, исключающих возможность основательной и продуктивной работы»¹⁸. В 1913 г. в барнаульском округе окружного суда 13 из 18 мировых судей рассмотрели более 2 тыс. дел, 9 – более 3 тыс., 4 – более 5 тыс., а мировой судья 1-го участка Барнаула сумел рассмотреть 6638 дел¹⁹. В 1916 г.

в Барнаульском округе возникло в каждом участке в среднем по 2 тыс. дел. В этом округе, крайне неблагоприятном в плане устройства местного суда, наблюдалось наибольшее накапливание дел. Например, на 1916 г. в округе остались неразрешенными 23643 дела (1313 на одного судью). Залеживались, хотя и в меньшем количестве, дела в округе Томского окружного суда. На 1916 г. таких дел накопилось 12353 (726 на одного судью)²⁰.

Закон от 28 мая 1911 г. «усиливал канцелярские средства» западносибирской мировой юстиции. На эти нужды теперь отпускалось ежегодно дополнительно по 5600 руб. в Тобольской губернии и по 8400 в Томской. Судя по всему, «усиление» оказалось недостаточным. К примеру, в 1913 г. в округе Барнаульского окружного суда на канцелярские расходы было получено 18596 руб., тогда как мировые судьи фактически потратили 26062 руб.²¹

Эффективность предпринятых в 1911 г. мер невысока. Местный суд все больше утрачивал доверие населения. Хрупкость устройства мирового суда отчетливо обозначилась во время начавшихся в империи потрясений. В годы мировой войны некоторых чиновников местного судебного ведомства призвали в действующую армию. Председатели всех окружных судов Западной Сибири стали обращаться к старшему председателю Омской судебной палаты с просьбами восполнить дефицит в работниках местной юстиции. Но всегда следовал отказ. «В распоряжении Омской судебной палаты, – обычно отвечал старший председатель, – старших кандидатов, которых можно было бы командировать... в настоящее время просто нет»²².

В состоянии агонии пребывала мировая юстиция Западной Сибири в последние месяцы своего существования. В положении глубочайшего кризиса находился мировой суд в округе Барнаульского окружного суда в начале 1917 г., о чем докладывали его председатель и прокурор. Недоступность местного суда и медленное разрешение, и накопление дел, указывал прокурор, привели к созданию у населения впечатления, что его интересы

судебные чиновники игнорируют. Люди, часто подолгу не видя судей, «все более и более убеждаются, – писал прокурор, – что все преступники должны быть наказываемы “народным судом и по народному праву”». В качестве примеров исключительной жестокости самосудов прокурор представлял факты, когда крестьяне, поймав трех воров, их тут же живыми зарыли; когда шесть человек, обвиненных местными жителями, были «положены во временные могилы»²³. В апреле 1917 г. председатель Барнаульского окружного суда констатировал, что отношение населения к мировым судьям стало «угрожающе враждебным». Положение этих чиновников в сельских районах стало невыносимым. Вследствие угроз со стороны населения насильственными действиями в адрес мировых судей последние вынуждались бежать из своих участков. Так, в Змеиногорском уезде из 6 мировых судей осталось только 2²⁴.

Преобразование 1911 г. позволило почти повсеместно закончить с многофункциональностью мировой юстиции. Этим и ограничивается его значение. Увеличение штата позитивно сказалось на работе местного суда в Тобольской губернии, но в значительно большей по населению Томской губернии мировая система правосудия осталась в кризисном состоянии. Имперская власть оказалась не в силах обеспечить нормальный суд. Поэтому за крахом в 1917 г. самодержавия незамедлительно последовало крушение местной юстиции в Западной Сибири.

2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОКРУЖНЫХ СУДОВ

Десятилетие функционирования коронного суда в Западной Сибири вскрыло недостатки в его устройстве. Возложение множества обязанностей на окружные суды, их неукомплектованность, недостаточное финансирование, недоступность для населения – те проблемы, которые требовали немедленного решения.

Выбор расположения окружных судов в губернских столицах и определение границ судебных округов, соответствовавших пределам губерний, делали суд менее доступным для сибиряков, увеличивали нагрузку на судебные учреждения и их членов. Как говорилось, Томск и Тобольск находились на северных окраинах зоны компактного расселения населения. К концу первого десятилетия XX столетия в четырех южных Ишимском, Ялуторовском, Тюкалинском и Курганском уездах проживало 65% населения Тобольской губернии, а в южных Бийском, Змеиногорском, Барнаульском и Кузнецком уездах жило 66% населения Томской губернии. Там возникало наибольшее количество дел. Неудобства местоположения судов сознавались местным населением. Недаром горожане Тюмени и Барнаула высказывали пожелания об установлении в их городах окружных судов, предлагая часть сопряженных с этим расходов возместить из городских средств²⁵.

Предпринимались попытки приблизить суды к населению и другими способами. К примеру, в 1898 г. председатель Тобольского окружного суда предложил отнести Тюкалинский уезд к округу окружного суда в Омске²⁶. В 1904 г. председатели Омской судебной палаты и Тобольского окружного суда поставили тот же вопрос. Тюкалинск находился в 500 верстах от Тобольска, тогда как рядом располагался Омск, где, между прочим, постоянно пребывали 2 товарища прокурора Тюкалинского уезда. Разумное предложение судебных чинов не вписывалось в задачи губернского управления: тобольский губернатор А.П. Лаппо-Старженецкий не усмотрел необходимости в реализации предложенной меры²⁷.

Городское общество Барнаула, начиная с 1903 г., неоднократно ходатайствовало об учреждении в городе окружного суда, для которого обещало обеспечить помещение на льготных условиях. Но лишь в декабре 1909 г. Министерство юстиции подготовило проект об установлении Барнаульского окружного суда. Необходимость его учреждения И.Г. Щегловитов обосновывал неспособностью Томского окружного суда справляться с возложен-

ным на него объемом работы и потребностью южных районов в близком суде²⁸.

22 апреля 1910 г. утверждался закон об установлении окружного суда в Барнауле²⁹. В его округ вошли четыре южных уезда Томской губернии: Змеиногорский, Барнаульский, Кузнецкий и Бийский. Новый западносибирский окружной суд начал функционировать 1 ноября 1910 г.³⁰ Его деятельность показала, насколько население региона нуждалось в нем. Число возникших уголовных дел в Томской губернии после открытия суда в Барнауле возросло в 1,4 раза³¹. Поскольку количество поступавших в Барнаульский окружной суд дел превышало предполагаемое, он, по словам министра юстиции И.Г. Щегловитова, «оказался не в состоянии правильно функционировать». Министр констатировал, что к началу 1912 г. накопление дел в суде достигло «весьма внушительной цифры», а количество неоконченных производств важнейших категорий превысило их годовое поступление³².

С введением Барнаульского окружного суда деятельность общих судебных установлений Западной Сибири мало улучшилась. По накоплению нерассмотренных дел окружные суды края в 1911 г. по-прежнему входили в число самых неэффективно работающих судов империи³³. В 1912 г. Тобольский и Томский окружные суды по этому показателю занимали соответственно 7 и 8 места в России³⁴. Статистические сведения говорят о высокой степени обремененности сотрудников окружных судов Западной Сибири. Количество приходящихся на каждого из них всех производств превышало норму в 500 дел (см. табл. 15 приложения). По сведениям министра юстиции, в 1911 г. на отдельного члена окружных судов округа Омской судебной палаты возлагалось рассмотрение наибольшего в империи числа уголовных дел – 1040³⁵.

Сведения об увеличении количества производств, поступавших в окружные суды Томской губернии после 1910 г., дали прокурору Омской судебной палаты В.В. Едличко повод немедленно поднять вопрос об открытии нового окружного суда и на

юге Тобольской губернии. Прокурорское предложение единодушно поддержали местные судебные деятели. По их мнению, окружной суд надлежало разместить в Ишиме, включив в его округ Курганский, Ялуторовский, Ишимский и Тюкалинский уезды. Доказывая необходимость включения в округ будущего окружного суда именно этих уездов, председатель Тобольского окружного суда П.Е. Маковецкий опирался на данные о количестве разбираемых там дел. Примерно две трети уголовных дел и половина рассмотренных в окружном суде дел мировой подсудности, поступающих в суд Тобольска, возникали в этих четырех уездах. Всецело поддерживал идею открытия суда в Ишиме его городской голова С. Двойников, а Ишимская городская дума обещала безвозмездно уступить Министерству юстиции землю под постройку здания окружного суда³⁶. Тобольское губернское управление на заседании 19 июня 1912 г. признало открытие суда в Ишиме «желательным» и призвало осуществить его «в возможно непродолжительное время»³⁷.

И.Г. Щегловитов считал число дел, поступавших в Тобольский окружной суд, «совершенно непосильным» для его сотрудников³⁸. Он согласился с доводами сибирских чиновников о необходимости установления Ишимского окружного суда. Министр юстиции указывал, что в четырех уездах, которые предлагалось включить в округ суда в Ишиме, производств возникало больше, чем во многих судах империи. 29 мая 1914 г. в Министерстве юстиции был составлен «Проект министра юстиции об учреждении окружного суда в г. Ишиме Тобольской губернии и об изменении штата Тобольского окружного суда»³⁹. Сибирской общественности вопрос об открытии четвертого окружного суда в Западной Сибири представлялся решенным⁴⁰. Однако очень нужный региону окружной суд в Ишиме так и не устанавливался.

В Судебных уставах 20 ноября 1864 г. не содержалось предписаний относительно количества окружных судов, населенности их округов, числа подсудных им дел, месторасположении. В России разли-

чалось четыре категории таких судебных учреждений, распределение по которым зависело от численности отделений, обуславливаемое, в свою очередь, прогнозируемым объемом поступающих дел. Суды первого разряда включали в себя шесть и более отделений, второго – три, третьего – два, четвертого – на отделения не делились⁴¹.

Практическая деятельность и соображения целесообразности, способность оперативно удовлетворять нужды юстиции имели большое значение для формирования окружных судов и определения территории их округов. Скорость реагирования столичных чиновников на увеличение надобностей коронной судебной системы Западной Сибири и проживавшего там населения, однако, была невысокой: потребность края в правосудии самодержавие в очередной раз игнорировало.

3. УЧРЕЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Отсутствие суда присяжных заседателей после реализации судебной реформы 1897 г. считалось временным явлением. Высшие чиновники империи не отказывались от решения вопроса об его учреждении в некоторых районах Сибири. Вероятность проведения такого мероприятия в западной части края «в недалеком будущем» обсуждалась 6 апреля 1896 г. в Государственном совете при рассмотрении проекта сибирской судебной реформы⁴².

В 1899 г. «муравьевская» комиссия окончательно определила судьбу «суда общественной совести» в России: он сохранился. Министерство юстиции предписывало председателю Омской судебной палаты незамедлительно собрать сведения относительно готовности к его установлению западносибирских Тобольской и Томской губерний⁴³. Председатель палаты возложил исполнение этого поручения на созданные специально по этому случаю комиссии при губернаторах.

По результатам проведенного в 1900 г. исследования стало известно, что в Tobольской губернии количество лиц, имеющих право «присяжничать», было достаточным в восьми из десяти уездов (не хватало присяжных в северных Березовском и Сургутском уездах) и намного превышало требуемую норму во всех семи уездах Томской губернии. Члены тобольской комиссии подытожили, что «сама практика нового суда, введенного в 1897 г., дала уже много доказательств в пользу необходимости привлечения общественного элемента к делу отправления правосудия»⁴⁴. О «полной и безусловной» подготовленности края к институту присяжных заседателей заявили чиновники из комиссии Томской губернии⁴⁵.

Собранные материалы изучались Министерством юстиции. По мнению Н.В. Муравьева, суд присяжных в Tobольской и Томской губерниях был возможен на общих основаниях. Причем министр, выступая за унификацию судебных порядков на пространстве всей империи, настаивал на организации этого института и в Сургутском, и в Березовском уездах⁴⁶. В конце 1901 г. Н.В. Муравьев направил в Государственный совет соответствующий проект, но тот вернули в Министерство юстиции «без последствий»⁴⁷.

Введение «суда общественной совести» снова не состоялось, и сибирякам приходилось довольствоваться, по словам корреспондента томского «Сибирского наблюдателя», «отрадными для Сибири слухами» о том, что он когда-то появится в их крае⁴⁸. Его отсутствие признавалось самым заметным недостатком судебной системы. «Правосудие без суда присяжных, – писал Р.Л. Вейсман, – это данайский дар, пока полученный Сибирью от центра»⁴⁹. Один из публицистов в пособии для переселенцев указывал: «Суд в Сибири такой же, как и в остальной России, но присяжных заседателей в нем нет, судят чиновники. Это тоже не в похвалу Сибири, хотя она и неповинна во всем этом»⁵⁰.

Вопрос о необходимости учреждения института присяжных заседателей заботил сибирское население. Он поднимался

на крестьянских съездах⁵¹, собраниях местных судебных деятелей, представителей адвокатского сословия⁵². Требование «суда общественной совести» содержалось в наказах депутатам Государственной думы от сибирских губерний⁵³.

Между тем в начале XX в., по выражению профессора Томского университета С.П. Мокринского, в России наметилось «новое отношение» к суду присяжных со стороны правительственных сфер⁵⁴. Он уже не представлялся как нечто чуждое самодержавию, о политической составляющей его деятельности стремительно забывали. Министр юстиции И.Г. Щегловитов впоследствии указывал, что «политического характера суд присяжных... к счастью у нас не имел»⁵⁵. Симптоматично, что его распространение на российские регионы продолжалось и в напряженные революционные годы. В 1906 г. он учреждался в Ставропольской, Черноморской губерниях и Кубанской области⁵⁶. Повсеместное введение этого института стало одним из важных направлений работы III Государственной думы⁵⁷.

В 1907 г. И.Г. Щегловитов поставил вопрос об установлении суда присяжных в Западной Сибири. Считая край подготовленным к такому мероприятию, он докладывал императору: «В последнее время условия, не благоприятствовавшие распространению на упомянутые окраины суда с участием общественного элемента, в значительной мере изменились, причем представляется уже возможным надеяться, что в поименованных губерниях... окажется необходимое число лиц для составления списков присяжных заседателей»⁵⁸. Доказывая, что пришел момент для учреждения в регионе «суда общественной совести», министр ссылался на сведения о преобладании русских среди сибиряков, быстром росте населения, расширении сети учебных заведений, высокой степени благосостояния местных жителей⁵⁹. Он предложил губернаторам начать подготовку к осуществлению данной меры⁶⁰.

В каждом уезде Западной Сибири создавались особые комиссии для составления списков присяжных заседателей. Выяснилось,

что количество последних за 7–8 лет возросло в Tobольской губернии в 1,7 раза, в Томской – в 2,7 раза, в отдельных уездах многократно (см. табл. 16 приложения). Такое увеличение объяснялось бурным экономическим и культурным развитием края, притоком населения, ростом уровня его грамотности, повышением оплаты труда на частных предприятиях и цен на недвижимое имущество. Кроме составления списков, уездным комиссиям предлагалось дать свои заключения относительно вопросов о целесообразности и вероятности организации в регионе суда присяжных, и те, отозвавшись о нем положительно, почти единодушно высказались за его введение. Лишь в Сургуте, признав за ним все достоинства, заявили о невозможности из-за «местных условий» установить «суд общественной совести» в уезде. Ознакомившись с результатами работы комиссий, члены тобольского губернского «Особого совещания по привлечению общественного элемента к участию в отправлении правосудия» (туда входили губернатор, председатель и прокурор окружного суда) на заседании 25 ноября 1908 г. пришли к заключению, что препятствий деятельности института присяжных заседателей в губернии, за исключением двух северных уездов, нет. К выводу о «желательности и возможности» учреждения суда присяжных пришли члены аналогичного совещания в Томской губернии⁶¹.

Механизм законодательной работы над планом введения института присяжных заседателей в Западной Сибири был запущен И.Г. Щегловитовым, когда 30 января 1909 г. он направил проект этого мероприятия председателю Государственной думы, который 10 февраля передал его в думскую судебную комиссию, возглавляемую присяжным поверенным Н.П. Шубинским. В марте и апреле проект обсуждался в Думе и Государственном совете⁶², а 10 мая 1909 г. император утвердил закон об учреждении института присяжных заседателей в нескольких регионах России, в т.ч. в западносибирских Tobольской и Томской губерниях⁶³. И.Г. Щегловитов назначил открытие суда присяжных в Западной Сибири на 1 ноября 1909 г.⁶⁴

Акт установления института присяжных заседателей после долгих лет правительственных проволочек стал неожиданным для сибирской общественности. Иркутская газета «Сибирь» через три дня после того, как соответствующий закон уже был принят, писала, что край «остаётся совершенно лишенным суда присяжных»⁶⁵. Не ждало его настоль скорого введения и высокое местное начальство. Так, «из-за недостатка времени» оказалось невозможным выполнить поручение министра юстиции, предписывающее составление новых списков присяжных заседателей. Тобольское губернское управление «ввиду краткости срока» приняло решение использовать списки, составленные в 1908 г.⁶⁶

В день открытия суда присяжных в Западной Сибири председатели Томского и Тобольского окружных судов обменялись по такому случаю приветствиями, со всех концов империи поступали поздравления в западносибирские судебные учреждения. Установление института присяжных заседателей получило высочайшую оценку местной общественности. Это мероприятие в письме в Тобольский окружной суд известный курганский предприниматель П.Д. Смолин назвал «великой реформой»⁶⁷. «Введение суда присяжных в жизни нашей окраины имеет огромное историческое значение, – писала томская газета "Сибирские отголоски", – так как только с этого времени правительство метрополии признало нужным привлечь сибирское общество в лице его представителей к самостоятельному отправлению такой важной функции как правосудие и обязанность творить суд»⁶⁸.

У сибиряков появился повод подтвердить верность царствующему дому. Городская дума Тобольска на заседании 11 ноября 1909 г. постановила послать телеграмму следующего содержания: «Тобольская городская дума, проникнутая чувством благодарности за высочайше дарованную милость, выразившуюся в открытии суда присяжных в Тобольской губернии, и отеческое попечение вашего императорского величества о благе своего народа, повергает к стопам вашего императорско-

го величества возлюбленного монарха, верноподданнические чувства незыблемой преданности»⁶⁹.

Введение института присяжных заседателей расценивалось как важнейшее событие местной жизни того времени. Редактор-издатель тобольского «Сибирского листка» М.Н. Костюрина в первом выпуске газеты 1910 г. поздравляла сибиряков: «С Новым годом, любезные читатели, с новым счастьем! Не смею вас уверять, но кажется, фортуна наконец улыбнулась томной Сибири, нашему древнему городу в частности. Только что торжественно отпраздновали открытие суда присяжных в Западной Сибири...»⁷⁰.

Значимость учреждения «суда общественной совести» трудно переоценить: эта мера была способна «оздоровить» уголовный процесс в судебных органах, она имела огромное психологическое значение. Сибирякам стали доверять, появлялась надежда на то, что Сибирь скоро во всех отношениях будет развиваться в рамках общих для России правил. Казалось, мечтания сибирской общественности об «уравнении» края с остальными частями империи превращались в действительность, и представители местного общества получили основание назвать введение института присяжных заседателей осуществлением «пожеланий колонии»⁷¹.

«Суд общественной совести» начал работать в Западной Сибири в конце 1909 г. и успел до наступления нового года осудить 52 подсудимых и оправдать 30⁷². Уголовные дела в большинстве случаев стали разбираться судом присяжных (более 70% от общего числа⁷³). С его введением судопроизводство в системе общих судов заметно ускорилося, поднимался ее авторитет. Приговоры, вынесенные с участием присяжных, считались окончательными и могли быть оспорены только в кассационном порядке. Пересмотра дела по существу (в апелляционном порядке) не предусматривалось. Суд присяжных, не имея над собой инстанции, правомочной снова приступать к рассмотрению дела по существу, не нуждался ни в изложении свидетельских показаний, ни в фиксации в приговоре тех мотивов и соображений, в силу каких он

пришел к тому или иному заключению. Вследствие этого отпала необходимость во многих бумажных формальностях, у судов отсутствовала надобность несколько раз назначать заседания для разбора одного и того же дела. Кроме того, раньше окружные суды невольно дискредитировались в глазах населения неизбежными эпизодами отмены их приговоров по существу, теперь, с учреждением суда присяжных, такие ситуации исключались.

Размеры волокиты уменьшались. Если в 1909 г. Томский и Тобольский окружные суды, по официальным данным Министерства юстиции, занимали по числу неоконченных судебных следствий второе и третье места в империи, уступая лишь Воронежскому суду⁷⁴, то в начале второго десятилетия XX в. скорость оборота дел в этих судах уже соответствовала российским среднестатистическим показателям⁷⁵.

Первоначальные результаты деятельности суда присяжных в Западной Сибири получили самые оптимистические оценки. Присяжные заседатели, по словам одного публициста, «блестяще выполнили выпавшую на их долю высокую задачу»⁷⁶. Участвуя в судебных заседаниях, сибирские жители зарекомендовали себя способными к новым формам правосудия, местная общественность не подвергала сомнению правильность их вердиктов. Состав заседателей на первой же сессии Томского окружного суда произвел очень благоприятное впечатление на публику добросовестным отношением к своим судебским обязанностям. Общее мнение томичей выразил в обращении к присяжным по окончании этого судебного разбирательства председатель суда М.А. Подгоричани-Петрович. «Всем известно, – сказал он, – что в судах Европейской России, в которых институт присяжных заседателей действует более сорока лет, присяжные заседатели сплошь и рядом не могут справиться с предлагаемыми им вопросами, отвечают на них невпопад и часто возвращаются в зал заседания с требованием разъяснений. С вами же, первозванными сибирскими присяжными заседателями, за десять дней на-

стоящей сессии ничего подобного не случилось: вы схватывали на лету все, что было нужно, и выносили ответы, не нуждающиеся в поправках и исправлении. И этим самым вы бесповоротно решили в благоприятном смысле вопрос – созрела ли Сибирь для суда присяжных»⁷⁷.

Заседатели стали принимать активное участие в жизни судебной организации. Например, на имя министра юстиции был послан текст заявления, сделанного членом коллегии присяжных М.И. Чупиным на заседании Барнаульского окружного суда 12 мая 1912 г., в котором он подверг резкой критике деятельность мировых судей в регионе и указал на необходимость увеличения их штата⁷⁸.

Процессы с присяжными вызывали широкий общественный резонанс, население проявляло к ним живой интерес, местные общественно-политические газеты освещали их в постоянных рубриках с названиями «Судебная хроника», «В судебном мире», «В суде». Сибиряки толпами стекались на заседания суда, если рассматриваемые дела представлялись интересными, но если дела казались скучными, следствие проходило при полном отсутствии публики. Первые судебные разбирательства с участием присяжных заседателей подтвердили, что новый для Сибири суд – действительно «суд общественной совести». Он учитывал этическую сторону преступления, тогда как судьи от короны, опираясь на букву закона, ее игнорировали. Уже на первой выездной сессии Томского окружного суда с участием присяжных заседателей в Мариинске 16 декабря 1909 г. ими был оправдан подсудимый, который, застав собственную жену на месте прелюбодеяния, в состоянии аффекта убил ее любовника. Этот вердикт публика приветствовала восторженными аплодисментами⁷⁹. Иногда присяжные выносили предельно мягкие приговоры. В Томской губернии в начале 1911 г. производилось судебное следствие об убийстве крестьянином жены. Заседатели, приняв во внимание низкий нравственный уровень убитой, отнесли к подсудимому

со снисхождением, а председатель суда приговорил его лишь к четырем годам заключения⁸⁰.

В своей деятельности западносибирский суд присяжных столкнулся с некоторыми сложностями. Как и в европейской части России, большинство присяжных заседателей были из крестьян, при этом не всегда хорошо обеспеченных. Выдающийся дореволюционный юрист А.Ф. Кони рассказывал о случаях, когда крестьяне-присяжные заседатели в России вынуждались, «проев в городе свои последние крохи, наниматься колоть и пилить дрова или просить милостыню»⁸¹. В похожие ситуации попадали и сибирские присяжные заседатели. В сессии Томского окружного суда, проходившей с 7 по 16 января 1911 г., участвовали почти исключительно крестьяне. Надеясь получить денежную компенсацию, они взяли с собой денег только на дорогу до Томска. Но так как закон не предусматривал никаких денежных пособий участвующим в процессах присяжным, они остались без средств и не могли выехать⁸². В мае 1910 г. в Ишиме остались без денег и не смогли найти себе пристанище местные крестьяне-присяжные. Над ними сжалился исправник: предоставил им помещение при полицейском управлении, а затем изыскал средства на отправку их по домам⁸³.

В европейских регионах империи некоторые земские учреждения, во избежание аналогичных казусов, выдавали нуждающимся присяжным из крестьян небольшую денежную компенсацию на время их пребывания в городе. Такая инициатива не приветствовалась властями, и Сенат запрещал назначать эти пособия, ссылаясь на то, что положение о земствах не предусматривало подобных расходов⁸⁴. В Сибири отсутствовало земское самоуправление, и тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман, узнавший о бедственном положении крестьян, привлекаемых к «присяжничеству», предложил употребить две меры: вносить в списки присяжных заседателей только неплохо обеспеченных лиц и представить на обсуждение волостных сходов

вопрос о выделении из их средств материальной помощи «сообщинникам», выбранным присяжными заседателями⁸⁵. Большинство волостных сходов Тобольской губернии не вняли губернаторскому призыву и отказали в отпуске денег на нужды заседателей из своей кассы. Например, в первом участке крестьянского начальника Ялуторовского уезда лишь один Ново-заимский сход принял решение выдавать присяжным на время сессий окружного суда по 60 коп. суточных и по 4 руб. «прогонных», прочие волостные сходы посчитали, по словам начальника, что присяжные «вполне зажиточны и в денежном пособии на время сессии окружного суда не нуждаются». Этот аргумент использовали крестьяне и из других уездов⁸⁶. Комиссиям же, составлявшим списки присяжных, исключить из их числа категорию наиболее бедных крестьян было нетрудно. Таким образом, состав суда присяжных становился менее демократичным.

Проблему представляло и низкое качество списков присяжных. Тобольский губернатор в циркулярах неоднократно указывал, что они составлялись с ошибками. Бывало, в них включались лица, состоящие под следствием, иностранные подданные, но не включались многие, удовлетворявшие всем требованиям⁸⁷. Причину «несовершенства» списков присяжных прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко усматривал в «новизне дела»⁸⁸, известный общественный деятель В. Костюрин объяснял ее недоработками местных комиссий, которые «оказались далеко не на высоте порученной им задачи»⁸⁹. Правда, никогда в России списки не отличались высоким качеством. А.Ф. Кони в своих воспоминаниях указывал: «В Тверском суде в списках за 1874 год было найдено четырнадцать человек умерших, из которых один скончался в 1858 году, а другой в 1859»⁹⁰.

Деятельность института присяжных заседателей в дореволюционной Сибири имела свою особенность. По подсчетам С.П. Мокринского, он выносил больше приговоров об осуждении, нежели

в других регионах⁹¹. Действительно, например, в 1911 г. сибирский суд присяжных осудил 70,3% подсудимых, тогда как в целом по России эта цифра равнялась 57%⁹². Повышенная репрессивность сибирского института присяжных заседателей вызвана некачественной защитой на судебных процессах. Квалифицированных поверенных в крае не хватало, и в качестве защитников нередко выступали мелкие канцелярские служащие, сопровождавшие суд в его разъездах. Речи этих «казенных» адвокатов бывали крайне короткими и малоубедительными: «Прошу снисхождения» или «прошу оправдать»⁹³. При подобной защите, естественно, возрастала карательная сила суда. Вместе с тем современники часто указывали на особую жестокость преступлений в Сибири⁹⁴. Высокая степень репрессии могла быть своеобразным ответом суда присяжных на вызовы криминального мира.

Несмотря на определенные проблемы, вставшие перед институтом присяжных заседателей, ему удалось себя зарекомендовать с наилучшей стороны. В Сибири, в отличие от остальной России, у него отсутствовали противники и недоброжелатели. Он избежал негативных откликов в свой адрес. Сибиряки были убеждены, писали местные чиновники, что более «высокого и лучшего суда, наиболее удовлетворяющего население, не существует»⁹⁵. Не получается выявить случаев массового отказа сибиряков от «присяжничества», характерных для российской действительности⁹⁶. «Суд общественной совести» в Сибири символизировал свободу, которую местные жители умели ценить.

С учреждением суда присяжных в западносибирских Тобольской и Томской губерниях в III Государственной думе был инициирован вопрос об его распространении на Восточную Сибирь⁹⁷. В мае 1909 г. Министерство юстиции предписало иркутскому губернатору составить списки присяжных заседателей⁹⁸. Весной 1914 г. на необходимость установления «суда общественной совести» на востоке Сибири указывали в письме на имя И.Г. Щегловитова иркутский, забайкальский и енисейский губер-

наторы. По долгу дальнейшей службы двум бывшим тобольским губернаторам пришлось стать активными участниками обсуждения темы введения суда присяжных в восточных регионах Сибири. Накануне мировой войны Л.М. Князев, будучи иркутским генерал-губернатором, и амурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти возглавили противоборствующие чиновничьи группировки противников и сторонников установления института присяжных заседателей в Восточной Сибири. Аргументация первого базировалась на убеждении, что в среде сельского населения слишком высока доля ссыльных, а людей, заслуживающих доверие, мало, и сибиряки, призванные «присяжничать», вероятно, будут преследовать личные интересы, а не общественные. Таким образом, он признал возможным образовать «суд общественной совести» только в городских поселениях с меньшим числом бывших ссыльных⁹⁹. Н.Л. Гондатти же высказывался за своевременность и желательность повсеместного введения такого учреждения¹⁰⁰.

Критический подход Л.М. Князева к проблеме суда присяжных позволил отдельным современным исследователям высказать отрицательное отношение к его фигуре. Так, по мнению омского ученого С.В. Чечелева, он представляется чуть ли не ретроградом, «человеком достаточно консервативных взглядов», соображения которого «по данному вопросу сложились на основе его личных предубеждений как выходца из западных губерний страны, считавшего Сибирь относительно слаборазвитым краем по сравнению с западной частью империи»¹⁰¹. Подобные суждения вызваны неосведомленностью о биографии тобольского губернатора: многолетней службой в сибирском регионе он зарекомендовал себя приверженцем передовых судебных порядков, пусть даже не в родном крае, деятельным чиновником, не чуждающимся решать проблемы развития юстиции.

Несмотря на активную работу в сибирском регионе различных совещаний и комиссий, рассматривавших проблему распространения на Восточную Сибирь суда присяжных, в условиях ми-

ровой войны и надвигающейся революции упомянутые труды не имели результата¹⁰².

История установления института присяжных заседателей в сибирском регионе опровергает устойчивые представления о некоторых ключевых вопросах существования этого учреждения в дореволюционной России. Таковы тезисы о всегда, начиная с 1870-х гг., негативном отношении правительства к суду присяжных, об обусловленности процесса его эволюции только тенденциями политического развития самодержавия. В подобных заключениях институт присяжных заседателей видится лишь как объект политической борьбы и сосредоточение противоречий между обществом и государством. Но суд присяжных – весьма эффективный процессуальный институт. Указанное свойство, прежде всего, предполагалось, когда он вводился в Западной Сибири, и подтверждается это тем, что подготовка к его установлению началась в революционном 1907 г., а учреждение – в спокойном 1909 г. Нельзя забывать: институт присяжных заседателей не требовал от государственной казны значительных затрат и чрезвычайно ускорял судопроизводство. Настоящие обстоятельства играли особенную роль применительно к Сибири, на которую правительство неохотно тратило казенные средства и где большие расстояния между судебными учреждениями более чем в других регионах замедляли ведение дел.

4. ОФОРМЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТУРЫ

Присяжные поверенные в Сибири с началом действия Судебных уставов находились в зависимости от окружных судов. Между тем, на заседаниях еще в январе 1897 г. за повсеместное открытие адвокатских советов высказались члены «муравьевской» комиссии. Они считали, что эти учреждения были способ-

ны более эффективно осуществлять надзор за деятельностью адвокатов¹⁰³. Однако предположения комиссии не удостоились законодательной санкции.

Тем не менее, в начале XX в. обозначилась решимость вернуться к практике установления советов присяжных поверенных. Новочеркасские адвокаты обратились к министру юстиции Н.В. Муравьеву с просьбой открыть совет в округе вновь учрежденной палаты в Новочеркасске. Пожелание новочеркасской адвокатуры на удивление скоро и без препятствий удовлетворили. На основе закона 21 июля 1904 г. образовывался совет присяжных поверенных при Новочеркасской судебной палате. Когда делегация от открывшегося совета явилась к Н.В. Муравьеву, чтобы выразить ему благодарность, министр юстиции заявил, что считает нужным учредить эти органы сословного самоуправления адвокатуры во всех российских регионах¹⁰⁴. 10 ноября 1904 г. последовало утверждение закона об установлении советов при Одесской, Казанской и Саратовской судебных палатах¹⁰⁵, а 24 ноября – при Омской и Иркутской палатах¹⁰⁶.

24 февраля 1905 г. общее собрание департаментов Омской судебной палаты предписало произвести выборы должностных лиц в совет присяжных поверенных. Но, в нарушение закона, местом проведения общего собрания присяжных поверенных округа назначался не город, где располагалась судебная палата, Омск, а Томск. Выбор последнего в качестве места нахождения совета не случаен: там проживало 16 из 30-ти присяжных поверенных округа. Открытие совета назначалось на период проведения выездной сессии судебной палаты в Томске в конце марта – начале апреля 1905 г. 1 апреля совет был избран. Однако Сенат, руководствуясь законом, аннулировал результаты выборов в совет присяжных поверенных округа Омской судебной палаты¹⁰⁷.

Между тем в годы первой революции и после нее отношения между властью и адвокатурой накалялись. Например, в Иркутске вновь открытый совет присяжных поверенных арестова-

ли, а его функции передали окружному суду¹⁰⁸. Адвокаты стали принимать активнейшее участие в политической жизни страны. «То было время исключительное, – писал известный публицист и адвокат, редактор популярной газеты "Речь" И.В. Гессен, – время бурных и быстро сменявшихся переживаний, меньше всего пригодное для правильного и планомерного строительства. Профессиональные интересы, естественно, отступали на задний план перед политическими задачами, в разрешении которых адвокатура принимала видное участие, и потому сословная жизнь не могла развиваться даже более или менее нормально. Отчеты всех советов пестрят сообщениями о несостоявшихся собраниях»¹⁰⁹. Абсентеизм, характерный для деятельности советов присяжных поверенных России, стал препятствием установлению совета в округе Омской судебной палаты. После безуспешной попытки его открытия в Томске 1 апреля 1905 г. адвокаты решили назначить выборы членов совета на 5 сентября 1905 г. в Омске. Но в назначенный день общее собрание присяжных поверенных не состоялось, поскольку прибыло недостаточное число представителей адвокатуры¹¹⁰.

В течение нескольких лет вопрос об открытии омского совета не ставился. Присяжные поверенные, получив право объединяться в автономную корпорацию, этой возможностью не спешили воспользоваться. В январе и феврале 1911 г. в Омскую судебную палату стали поступать многочисленные прошения адвокатов с просьбой разрешить созыв совета¹¹¹. Скорее всего повышение их активности вызвано введением на основании закона от 10 мая 1909 г. суда присяжных в Тобольской и Томской губерниях и в Акмолинской и Семипалатинской областях. Именно в суде с участием присяжных заседателей поверенный имел возможность реализоваться, там адвокатское ремесло приобретало особое значение и получало развитие. Зависимость от окружных судов теперь ощутимо сковывала действия защитников на уголовных процессах. Вероятно, годовой опыт деятельности суда присяжных мог привести адвокатов к заключению о

необходимости через создание корпоративной организации усилить независимость сословия.

В 11 часов дня 18 мая 1911 г. в Омске началось общее собрание присяжных поверенных. В нем приняли участие 29 представителей присяжной адвокатуры из 54-х проживающих в округе судебной палаты. В соответствии со статьями 359–361 и 364 Учреждения судебных установлений у общих собраний имелось три основных функции: определение числа членов совета (от 5 до 15), избрание его состава и слушание отчета о его деятельности за минувший год. Так как собрание являлось учредительным, последний из перечисленных вопросов не рассматривался. Собрание избрало председателем совета омского адвоката И.А. Поваренных, товарищем председателя томича П.В. Вологодского, членами совета проживающих в Омске В.А. Колосова и В.О. Петропавловского, в Томске – М.Р. Бейлина и А.М. Головачева и в Барнауле – Е.Д. Лури¹¹². Таким образом, в совете не были представлены адвокаты Тобольской губернии и Семипалатинской области, следовательно, ущемлялись их интересы.

Причины, по которым наибольшее представительство в совете получили омская адвокатура и присяжные поверенные Томской губернии, вполне понятны. В Томской губернии проживало большинство поверенных округа судебной палаты, а Омск оставался вторым по количеству населявших его адвокатов городом, незначительно уступая по этому показателю лишь Томску¹¹³. Вместе с тем в заседаниях совета обязывались принимать участие не менее половины его членов (ст. 375 Учреждения судебных установлений). Это требование закона было бы трудно выполнимым, если бы поверенные, членствующие в совете, проживали вне города, где располагалась судебная палата. Потому широкое представительство омской адвокатуры в совете стало необходимым и неизбежным.

Советы присяжных поверенных исполняли в высшей степени важные и обширные функции. Они являлись посредниками

между поверенным и его доверителем, заведя всеми делами корпорации, рассматривали жалобы на представителей сословия, обладали правом принятия в состав поверенных и исключения из него. Не все адвокаты удовлетворялись непропорциональным представительством в настолько значимом органе самоуправления от судебных округов. 24 мая 1913 г. впервые удалось провести общее собрание присяжных поверенных округа Омской судебной палаты. На нем развернулась борьба за членство в совете между адвокатами из разных районов региона. Наиболее справедливое предложение внес тюменский присяжный поверенный, известный этнограф, собиратель сибирского русского фольклора П.А. Городцова. По его мнению, адвокатура каждой губернии и области должна иметь в совете по одному представителю. Вопрос об избрании одного члена совета от Тобольской губернии ставился на голосование. Но собрание высказалось против этого предложения. В то же время большинством голосов поддерживались инициативы омских и томских адвокатов, предложивших расширить состав совета до восьми членов за счет увеличения представительства от Омска при сохранении прежнего числа представителей от Томска¹¹⁴. Таким образом, омско-томская группа адвокатов имела возможность монопольного контроля над деятельностью сословия поверенных.

Для функционирования омского совета присяжных поверенных стали характерны те же проблемы, что и для деятельности подобных учреждений в других регионах империи. В 1912, 1914 и 1915 гг. из-за неявки достаточного числа адвокатов срывались общие собрания поверенных округа Омской судебной палаты¹¹⁵. Собрание 24 мая 1913 г. за пять лет стало единственным состоявшимся. Главная функция собрания – избрание членов совета – не исполнялась, и потому состав совета подолгу не менялся. Помимо абсентеизма, связанного с игнорированием адвокатами своих профессиональных обязанностей, по мнению И.В. Гессена, поверенные омского судебного округа не являлись на собра-

ния еще и по причине «большой протяженности» региона¹¹⁶. Дореволюционный юрист знал об обстановке в крае. В работе комиссии, разрабатывавшей фундаментальное издание «Истории русской адвокатуры», первый том которого написал И.В. Гессен, принимали участие представители омского совета С.В. Александровский и П.В. Вологодский¹¹⁷.

После открытия совета присяжных поверенных в округе Омской судебной палаты вызрела необходимость в корпоративной организации помощников присяжных поверенных. На собраниях этих «младших членов» адвокатского сословия в округах Томского и Омского окружных судов были выработаны положения о комиссиях помощников присяжных поверенных, разработаны их уставы¹¹⁸. Задачи комиссий ограничивались защитой интересов помощников присяжных поверенных, содействием профессиональной подготовке этих представителей адвокатского сословия, исполнением товарищеского суда над членами организаций¹¹⁹. Совет присяжных поверенных, найдя учреждение комиссий «весьма желательным», на заседаниях 22 и 23 октября 1911 г. рассмотрел и утвердил их уставы. Члены совета объясняли необходимость установления таких организаций тем, что с их помощью совет сможет более полно осуществлять надзор за деятельностью помощников присяжных поверенных, что они дадут возможность ближе ознакомиться с нуждами адвокатского сословия, позволят выработать и реализовать начала корпоративной этики¹²⁰. Но создание органов сословного самоуправления помощников присяжных поверенных являлось незаконным. Прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко немедленно возбудил вопрос об отмене решения совета присяжных поверенных о введении комиссий. Он предложил совету закрыть эти организации¹²¹, а тот, удовлетворяя требование прокурора, на заседании 10 февраля 1912 г. принял решение об упразднении комиссий помощников присяжных поверенных¹²².

Незаконным решением совета являлось и решение о включении женщины в состав помощников присяжных поверенных. Дамам Судебные уставы закрыли доступ в адвокатское сословие.

Тем не менее, омский совет зачислил в число помощников присяжных поверенных окончившую юридический факультет Московского университета Л.П. Рушковскую, и она стала первым в Сибири адвокатом-женщиной. Прокурор палаты В.В. Едличко потребовал от совета отменить свое решение¹²³, и тот исключил Л.П. Рушковскую из сословия¹²⁴. Конечно, опытные адвокаты, входившие в совет, не могли не знать правил, запрещавших включать женщин в состав поверенных. Почему они пошли на этот незаконный шаг? Дело в том, что накануне мировой войны одним из основных вопросов, вставших перед адвокатским сословием, становился вопрос о допуске женщин в поверенные. На почве попыток его разрешения отмечались серьезные столкновения между советами и высшим судебным руководством. Так, казанский совет, несмотря на состоявшееся разъяснение Сената, в котором женщинам отказывалось вступать в поверенные, вторично зачислил даму в адвокаты, за что и был привлечен к дисциплинарной ответственности. Между тем, по сведениям И.В. Гессена, «почти все советы» поддерживали идею о создании женской адвокатуры¹²⁵. Сознательное включение омским советом в состав поверенных Л.П. Рушковской на этом фоне представляется попыткой участия адвокатуры региона в развернувшейся борьбе за признание за женщинами права заниматься адвокатской практикой.

Другой важный вопрос, обсуждавшийся в России в конце XIX – начале XX в., касался представительства в адвокатском сословии лиц нехристианского вероисповедания, прежде всего, иудейского. Во многих сферах общественной жизни права евреев, как известно, существенно ущемлялись. Их доступ в поверенные ограничивался усмотрением министра юстиции. Первый присяжный поверенный из неправославных появился в Сибири в 1904 г. Сибирская общественность приветствовала это событие. «...Отметим отрядный факт в летописях сибирской адвокатуры, – писал корреспондент "Сибирского наблюдателя". – До сих пор здесь, в Сибири, лица иудейского исповедания не были допускаемы в со-

словие присяжных поверенных. Но в июне текущего года министром юстиции было разрешено вступить в число присяжных поверенных исповедовавшему иудейскую религию Р.Л. Вейсману, носившему почти 15 лет звание помощника присяжного поверенного и практиковавшему в Томске с 1896 г. Повторяем – это отрядный факт»¹²⁶. Р.Л. Вейсман принимал активное участие в общественной жизни, будучи депутатом III Государственной думы, публиковался в «Сибирских вопросах», написал достаточно известный труд «Правовые запросы Сибири». В своих работах он критиковал сибирские судебные порядки, освещал проблемы судостроительства и судопроизводства региона.

Совет присяжных поверенных округа Омской судебной палаты неоднократно делал представления в Министерство юстиции о включении неправославных в адвокатское сословие. Несмотря на то, что в округе адвокатов-евреев работало немного и проблемы перенасыщения ими корпорации, в отличие от некоторых других регионов, не существовало, министр юстиции постоянно отказывал юристам неправославного вероисповедания в принятии в поверенные¹²⁷.

Поначалу омский совет выделялся среди подобных учреждений России повышенной репрессивностью в отношении адвокатов. По данным известного российского присяжного поверенного Е.В. Васьковского, каждое третье дисциплинарное производство, возбужденное советом округа Омской судебной палаты в 1913 г., оканчивалось дисциплинарным наказанием адвокатов. Примерно такой же показатель был у казанского совета. Остальные советы принимали карательные меры реже. Например, в 1913 г. петербургский и московский советы наказали каждого седьмого заподозренного в нарушениях профессиональной деятельности поверенного, одесский – каждого десятого, а харьковский – каждого двадцатого¹²⁸.

Сведения Е.В. Васьковского не совсем верны. Начиная с 1913 г., омский совет практиковал соединение нескольких дел, на-

чатых в отношении отдельного поверенного в одно производство. Статистика, не учитывая это обстоятельство, завышала действительные показатели репрессивности. В 1913 г. совет рассмотрел десять дел, по которым обвинялись лишь два адвоката, и, в соответствии с установившейся практикой, дела объединялись в два разных производства. Если считать число наказанных поверенных, а не количество возбужденных дисциплинарных дел, то показатели карательного потенциала совета существенно снижаются. Подсчеты, основанные на материалах, включенных в отчет совета за 1913 г., указывают на то, что Е.В. Васьковский преувеличил репрессивность этого учреждения почти в два раза.

Тем не менее, особенно в первые два года деятельности, совет при Омской судебной палате, действительно, наказывал достаточно много адвокатов. Причины такого явления обусловлены долгой разобщенностью поверенных. В их среде отсутствовало чувство единства интересов, не сформировалось единого представления об адвокатской этике. Потому последняя истолковывалась весьма вольно. В отчетах совета говорится о множестве дисциплинарных дел о поверенных, совершавших недопустимые для служителя правосудия поступки. Так, некий присяжный поверенный округа распространял слухи о злоупотреблениях одного из мировых судей, указывал, что о его взяточничестве «идет стоустая молва». При этом адвокат опорочил своего коллегу, которого обвинил в преступных связях с названным мировым судьей. Совет признал поверенного-интригана виновным в инкриминируемых ему деяниях и исключил из сословия¹²⁹.

Еще более провинился омский присяжный поверенный П. Васильев. К 1913 г. он уже имел одно предостережение, семь выговоров и трижды его временно лишали права заниматься практикой. В 1913 г. против него возбуждалось сразу восемь дисциплинарных дел, объединенных в одно производство. Он обвинялся в пренебрежении интересами своих клиентов. «Отношение Х. (П. Васильева – Е.К.) к своим обязанностям, – констатировали

члены совета, – ни в какой мере не может быть признано соответствующим званию присяжного поверенного, и несомненно, что его деятельность должна подрывать всякое доверие ко всей присяжной адвокатуре – из правозаступника и человека, призванного охранять интересы лиц, обратившихся к нему, он становится нарушителем этих интересов. Совет считает себя обязанным протестовать против такой деятельности Х. самым решительным образом». П. Васильев игнорировал решения совета, отказываясь являться на разбирательство своих дел. Совет заочно исключил адвоката из сословия¹³⁰. Причем исключенный настолько презирал этические нормы, что и члены совета в его отношении их преступили. В отчетах не публиковались имена провинившихся поверенных. Для П. Васильева делалось исключение: за несколько лет его имя стало единственным, зафиксированным в официальном отчете совета¹³¹.

Деятельность омского совета положительно влияла на развитие адвокатского сословия. Поверенные, благодаря ему, становились более ответственными. Со временем уменьшилось количество серьезных нарушений, допускаемых адвокатами. По сравнению с первым годом функционирования совета, в 1914 г. процент наказанных поверенных стал вдвое меньше¹³². Этот результат был следствием борьбы совета с недостатками в адвокатской корпорации. Совет предъявлял к поверенным самые высокие требования, пресекая на первый взгляд незначительные проступки. Например, одному из адвокатов в 1915 г. было «поставлено на вид» неуважение к суду, которое заключалось лишь в том, что он произнес на судебном заседании фразу: «...у меня составилось такое убеждение», тогда как, по мнению совета, следовало употребить слово «впечатление»¹³³.

С установлением совета в Омске поверенные региона начали принимать заметное участие в жизни российской адвокатуры, чего раньше не отмечалось. Как уже говорилось, адвокаты округа направлялись в комиссию, проектирующую публикацию «Истории русской

адвокатуры». На это издание совет из своей кассы выделил 303 руб. Он вел переписку с аналогичными учреждениями России, известными судебными деятелями А.Ф. Кони, К.К. Арсеньевым, участвовал в акциях российской адвокатуры, направленных на удовлетворение нужд армии в годы мировой войны¹³⁴.

Тем временем, перед советом стоял ряд сложно разрешимых проблем. Одну из них – абсентеизм поверенных – в других регионах страны пробовали устранить применением репрессивных мер в отношении недисциплинированных адвокатов. Другая проблема – накопление недоимок в сословном сборе – грозила парализовать деятельность некоторых советов¹³⁵. Несмотря на то, что абсентеизм в омском округе получил широкое распространение, совет никак не реагировал на это явление, лишь фиксируя в отчетах даты несостоявшихся общих собраний поверенных. Вопрос же о недоимках адвокаты округа пытались решить. На общем собрании 24 мая 1913 г. поступило предложение считать систематическое уклонение от уплаты ежегодных и вступительных взносов дисциплинарным проступком. Но большинство поверенных не устраивал такой крайний подход. Собрание постановило не признавать неуплату профессиональных сборов дисциплинарным проступком, а фамилии недоимщиков публиковать в годовых отчетах совета¹³⁶. Последняя мера могла способствовать увеличению притока средств в кассу совета. Однако совет ее не реализовал. Отчеты за последующие годы не содержали списка должников.

Весьма специфическая роль советов в жизни адвокатского сословия, попытки этих учреждений вникнуть во всю сумму проблем, вставших перед корпорацией в начале XX в., приводили к тому, что советы допускали вмешательство в личную жизнь поверенных, старались разобраться в их политических убеждениях. Омский же совет в годы накалявшихся страстей старался сохранять достоинство, не ущемляя чести отдельных членов сословия. Показательно решение вопроса, поставленного перед советом одним из помощников присяжного пове-

ренного о своей партийной принадлежности. Совет занял аполитичную позицию, не посчитав нужным обсуждать эту проблему: «Партийные воззрения того или иного члена сословия – дело совершенно личное и не могут дать оснований к каким бы то ни было постановлениям совета»¹³⁷.

В целом, результаты организационного оформления адвокатского сословия в округе Омской судебной палаты следует оценивать как позитивные. С учреждением совета адвокатура к своей выгоде стала более независимой, самостоятельной. Борьба с недобросовестными поверенными также имела положительные последствия. Введением совета закладывался фундамент, содержащий потенциал для последующего успешного развития корпорации. Однако эти возможности появились у адвокатуры региона поздно, когда страна стояла на пороге кризиса, а поверенные вынуждены были решать острейшие вопросы. Сложности, возникшие сразу после утверждения закона об учреждении омского совета, затем сопровождали его деятельность. Все проблемы дореволюционной адвокатуры разом решились советским законодателем. С приходом советской власти институт поверенных упразднился.

Запоздалое улучшение института адвокатуры в Западной Сибири не дало времени и возможностей на нормальное становление и развитие адвокатского сословия. Его деятельность не могла достигнуть того уровня, на высоте которого стояла в свое время российская адвокатура. Но имена некоторых западносибирских адвокатов вошли в историю благодаря их политической активности (П.В. Вологодский, В.Н. Пигнатти, С.Л. Вилькошевский). По большей части поверенные стали главными непримиримыми критиками судебных порядков в дореволюционной Сибири (Р.Л. Вейсман, В.Н. Анучин).

***

В целом, применительно к деятельности реформированной судебной системы в Западной Сибири, утратили немалую долю значения эпитеты «скорый, правый, милостивый и равный

для всех», неразрывно связанные с судом, созданным Судебными уставами 20 ноября 1864 г. В большинстве случаев негативными были оценки сибирского судопроизводства, даваемые современниками деятельности нового суда в регионе. Один из них, рассуждая о сибирском правосудии, писал, что в Сибири одни и те же расстояния «могут произвольно укорачиваться и удлиняться, в зависимости от того, кто замешан в деле: барин или мужик, человек ли "свободного состояния" или ссыльный, в особенности – политический ссыльный. В последнем случае, фактические 5 верст получают свойство превращаться в 50, выходят за границы селений, волостей, уездов, чуть ли не губерний»¹³⁸.

Последующие преобразования отличались непоследовательностью и противоречивостью. Так, в сибирской прессе отмечалось «фатальное» совпадение, когда закрытие томской консултации поверенных роковым образом совместилось с введением суда присяжных: самодержавие, с одной стороны, даровало свободы, с другой – их ограничивало. «Почему, давши суд "общественной совести", у нее (Сибири – Е.К.) отняли юридическую помощь?» – восклицал корреспондент «Сибирских вопросов»¹³⁹.

Таким образом, деятельность нового суда в Западной Сибири показала несостоятельность лишенных логики попыток приспособить Судебные уставы под сибирские условия. Созданный в крае в 1897 г. суд при отсутствии нормальной защиты, суда присяжных, выборности мировых судей, достаточного числа судебных деятелей, при суженой состязательности, устности процесса, при ограничении независимости и несменяемости судей не мог в полной мере удовлетворить юридические запросы населения. Вскрывавшиеся недостатки в устройстве судебной системы правительство не спешило исправлять. Процесс преобразований суда после 1897 г. постоянно отставал от темпов развития региона и нарастания потребностей западносибирской юстиции. Поэтому даже самые положительные изменения в судостроительстве и су-

допроизводстве Западной Сибири были менее эффективны, чем, если бы их предприняли вовремя.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 3 об.
2. РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 233. Л. 1, 52, 55–55 об.
3. ПСЗ-III. Т. 31. № 35330.
4. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 1.
5. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 3.
6. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 371. Л. 135–139.
7. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 321. Л. 11, 50–52.
8. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 29-30, 63–67 об.
9. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 158.
10. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 3 об.
11. ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 99 об.
12. Там же. Д. 133. Л. 13, 17.
13. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 3 об.
14. Там же. Л. 9, 20, 22.
15. Там же. Д. 218. Л. 38.
16. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. Вып. 27. – СПб., 1912. – С. 206–207, 238–239, 254–255.
17. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – С. 238–239; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. – Пг., 1916. – С. 402–403.
18. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 47.
19. Там же. Д. 261. Л. 184.
20. Там же. Д. 321. Л. 11–12, 50–52, 85.
21. Там же. Д. 261. Л. 184 об.
22. Там же. Д. 22. Л. 69–72.
23. Там же. Л. 104–104 об.
24. Там же. Л. 60–60 об.
25. РГИА. Ф. 797. Оп. 92. Д. 167. Л. 5; Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 5; Томский листок. – 1897. – 3 июля.
26. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 21 об.
27. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 126–130, 144–145 об.
28. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 1, 4–5.
29. ПСЗ-III. Т. 30. № 33392.
30. Сибирские отголоски. – 1910. – 26 октября.

31. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 50.
32. РГИА. Ф. 797. Оп. 92. Д. 167. Л. 7–7 об.
33. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – С. 110–119.
34. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. Вып. 28. – СПб., 1913. – С. 110–119.
35. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1911 г. – С. 49.
36. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 50–52 об., 59–59 об.
37. Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 364. Л. 16–16 об.
38. РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 233. Л. 34.
39. Там же. Ф. 797. Оп. 92. Д. 187. Л. 2.
40. См. например: Сибирская торговая газета. – 1913. – 5 января.
41. См. : Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. – С. 342.
42. Вестник Европы. – 1896. – № 7. – С. 417– 418; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 31.
43. ГАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 320. Л. 18–21.
44. ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 140–148.
45. См.: Розин Н.Н. О суде присяжных. – С. 3.
46. Библиотека РГИА. По пересмотру законоположений по судебной части // Министерство юстиции. Первый департамент. Часть юрисконсультская. Вып. 1. 31 декабря 1901 г. № 45293. – С. 66, 95–100.
47. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 24 об.
48. Сибирский наблюдатель. – 1902. – № 3. – С. 159.
49. Вейсман Р. Яркие недостатки... – С. 46.
50. Швецов С.П. Сибирь. Кто в ней живет и как живет. – СПб., 1909. – С. 41.
51. Н.С. Указ. соч. – С. 36–37.
52. См. например: Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... – С. 13–15
53. Сибирские вопросы. – 1907. – № 4. – С. 39.
54. Мокринский С.П. Указ. соч. – С. 158.
55. См.: Щегловитов И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в Западной Европе // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. – Пг., 1914. – С. 195.
56. ПСЗ-III. Т. 26. № 27393.
57. Работа третьей Государственной думы по вопросам судебно-правовым. – СПб., 1912. – С. 11–12.
58. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1908 г. – С. 6.
59. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 31 об. –32 об.
60. См.: ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 1.
61. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 26; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 162, 184, 186, 255–260.
62. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 1–2, 93.

63. ПСЗ-III. Т. 29. № 31862.
64. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 1.
65. Сибирь. – 1909. – 12 мая.
66. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 21.
67. Там же. Ф.158. Оп. 2. Д. 264. Л. 1– 32.
68. Сибирские отголоски. – 1910. – 10 января.
69. ГАТ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 338. Л. 206–206 об.
70. Сибирский листок. – 1910. – 1 января.
71. Вейсман Р. Правовые запросы Сибири. – С. 3.
72. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – С. 138.
73. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – С. 138; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. – С. 138.
74. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – С. 118–119.
75. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. – С. 118–119.
76. См.: В.А.С. Суд присяжных и «боевая юстиция» // Сибирские отголоски. – 1910. – 31 октября; Севостьянов В. Указ. соч. – С. 27– 28.
77. Цит. по.: Л.К. Очерки сибирской жизни // Там же. – № 49/50. – С. 39.
78. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 46–47.
79. Сибирские отголоски. – 1910. – 10 января.
80. Сибирская жизнь. – 1911. – 11 марта.
81. Кони А.Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями // Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1967. – С. 264.
82. Томская хроника // Сибирская жизнь. – 1911. – 18 января.
83. В.А.С. Указ. соч.; Севостьянов В.С. Указ. соч. 28.
84. См.: Афанасьев А.К. Состав суда присяжных в России // Вопросы истории. – 1978. – № 6. – С. 203.
85. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 166–168 об.
86. Там же. Л. 187, 189, 195, 197–198, 200, 211–213 об., 218 об.
87. Там же. Л. 182–183.
88. ГАТО. Ф. Ф-11. Оп. 3. Д. 84. Л. 43.
89. Костюрин В. К вопросу о суде присяжных в Сибири // Сибирский листок. – 1909. – 11 января.
90. Кони А.Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля. – № 1. – С. 8.
91. См.: Мокринский С.П. Указ. соч. – С. 151.
92. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – С. 138.

93. И.Т. Указ. соч. – С. 25–26.
94. См. напр.: Литовцин А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. – 1909. – № 43. – С. 27–35.
95. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 153.
96. См. например: Афанасьев А.К. Указ. соч. – С. 203.
97. Работа третьей Государственной думы по вопросам судебно-правовым. – С. 12.
98. Сибирь. – 1909. – 22 мая.
99. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 5.
100. Бузмакова О.Г. Указ. соч. – С. 192.
101. Чечелев С.В. Судебная реформа в Сибири... – С. 173–174.
102. См.: Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2004. – С. 23.
103. Обсуждение вопроса об изменениях в устройстве адвокатуры. – С. 123.
104. См.: Гессен И.В. Адвокатура... – С. 349; ПСЗ-III. Т. 24. № 24959.
105. ПСЗ-III. Т. 24. № 25318.
106. Там же. № 25414.
107. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 17–42 об.
108. См.: Гессен И.В. Адвокатура... – С. 354; Шахерова С.Л. Указ. соч. – С. 20; – Право. – 1906. – 23 апреля.
109. Гессен И.В. Адвокатура... – С. 349.
110. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 46.
111. Там же. Л. 51–57.
112. См.: Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. – С. 1, 123–124; ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 68, 159–159 об.
113. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. – С. 123–125; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. – С. 102–103; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. – С. 143–145.
114. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. – С. 7.
115. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. – С. 3; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. – С. 3; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1915 г. [Омск, 1916]. – С. 3.
116. Гессен И.В. Адвокатура... – С. 356.
117. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. – С. 14.
118. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. – С. 3–4.
119. РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 203. Л. 17–19.

120. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. – С. 4.
121. РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 203. Л. 12–12 об.
122. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. – С. 4.
123. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188. Л. 38–50.
124. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. – С. 3.
125. Гессен И.В. Адвокатура... – С. 369– 370.
126. Заметки о судоустройстве и судопроизводстве // Сибирский наблюдатель. – 1904. – № 7/8. – С. 255.
127. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. – С. 2–3; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. – С. 4; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. – С. 3–4; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. – С. 4.
128. Васьковский Е.В. Указ. соч. – С. 269.
129. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. – С. 113– 121.
130. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. – С. 98– 100.
131. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. – С. 3.
132. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С. 6; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. – С. 15.
133. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1915 г. – С. 72–73.
134. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1914 г. – С. 12–13.
135. См.: Гессен И.В. Адвокатура... – С. 349– 351.
136. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. – С. 11.
137. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. – С. 111.
138. Сибирское правосудие // Сибирские вопросы. – 1910. – № 39. – С. 12.
139. Л.К. Очерки сибирской жизни // Там же. – № 43. – С. 15.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири растянулась на значительный по времени период. В 1860-е – первой половине 1880-х гг. преобразований судопроизводства и судоустройства региона не предпринималось, но в связи с подготовкой и утверждением Судебных уставов уже ставился и широко обсуждался вопрос о реализации нового судебного законодательства в сибирском крае. Середина 1880-х – середина 1890-х гг. характеризовались отказом от введения уставов в полном объеме и изменениями юстиции на основе дореформенных судебных правил с внесением в них отдельных передовых процессуальных начал и принципов устройства судебной системы. В 1897 г. вводились в действие Судебные уставы Александра II, а завершение судебной реформы 1864 г. в западносибирских губерниях связано с усовершенствованием судебной организации рубежа первого и второго десятилетий XX в., процессом, который был прерван начавшейся мировой войной и революцией.

Представители сибирской общественности, чиновники администрации, местные судебные деятели считали деятельность судов во второй половине XIX – начале XX в. неудовлетворительной и неоправданным откладывание его преобразования. Подвергались критике положения реформ. Однако уже в силу своего географического положения Сибирь не находилась среди регионов, в которых в первую очередь осуществлялись либеральные реформы Александра II. Порядок распространения Судебных уставов от «центра» к «окраинам» империи поначалу отодвигал решение вопроса о преобразовании сибирского суда на второй план. В дальнейшем откладывание и ограниченность проведенных судебных реформ объяснялись правительственными чиновниками особыми условиями края, которые ими явно преувеличивались. Западная Сибирь в пореформенный период развивалась очень быстрыми темпами и по многим показателям мало отличалась от многих районов европейской части России.

Два основных фактора влияли на процесс судебных преобразований в Сибири: политика правительства в русле наступления на положения Судебных уставов и особое отношение самодержавия к региону. Судебные реформы 1885 и 1897 гг. осуществлялись в сроки, совпадавшие по времени с этапами проведения в России судебных контрреформ. 1880-е гг. – пик нападков на новые суды, в 1890-е гг. судебное законодательство, уже лишенное многих либеральных начал, подвергалось дальнейшему пересмотру, окончательно оформить который была призвана «муравьевская» комиссия.

Отношение самодержавия к Сибири определялось уровнем связей между метрополией и колонией, центром и периферией. Имперское сознание столичного чиновничества, боязнь демократических настроений местного населения побуждали правительство, не учитывая пожеланий представителей сибирской общестственности, игнорировать, не замечать потребностей региона в судебных преобразованиях и искажать, ограничивать при их проведении основы прогрессивного, либерального судебного порядка. Цель политики царизма состояла в том, чтобы с наименьшей затратой усилий и средств получить наибольшие выгоды от эксплуатации региона. Лишь тогда, когда в правительственных кругах отчетливо осознавали, что деятельность сибирского суда находится в кризисном состоянии, мешающем развитию региона и использованию его ресурсов, ведущем к падению авторитета самодержавной власти, царизм уделял внимание переустройству судебных порядков. Глубина судебных реформ в Сибири была ровно такой, чтобы с наименьшими расходами казны ликвидировав наиболее вопиющие недостатки в устройстве суда, восстановить, как хотелось государственным чиновникам, пошатнувшийся престиж царской власти.

С данными обстоятельствами связаны непоследовательность, половинчатость и противоречивость реформ 1885 и 1897 гг. При их проведении в разной степени ограничивались принципы независимости суда, несменяемости судей, состязательности, уст-

ности судопроизводства. Судебная организация, в соответствии с существовавшими в правительственных кругах представлениями об ее месте в системе государственных учреждений и роли в Сибири, становилась звеном в цепи правоохранительных органов, что приводило к пагубному для справедливости правосудия обвинительному уклону уголовного судопроизводства. Суды, призванные стать проводником самодержавной воли в крае, в действительности не обладали необходимыми средствами для осуществления этого. Они не давали правовых гарантий населению, не могли должным образом реагировать на возникавшие в них потребности, а количество устанавливаемых судебных органов и их штат являлись явно недостаточными.

Действенность преобразований была невысокой. Важно учесть, что принципы и институты, учрежденные Судебными уставами, действовали как единый механизм и дополняли друг друга. Так, только независимый, несменяемый судья мог обеспечить процедуру судопроизводства на началах гласности, состязательности, права подсудимого на защиту, а, например, гласность и состязательность сторон более полно воплощались в жизнь перед призванными в суд представителями общества, которые выносили вердикт о виновности или невиновности подсудимого. Правительственные чиновники не понимали, что положения Судебных уставов представляли систему, вырвав из которой некоторые элементы и дополнить ими дореформенный судебный строй или исказить ее означало лишить эффективности деятельность суда. Потому юстиции Западной Сибири после реформ оставались свойственны кризисные явления: неспособность судов справляться с возложенными на нее задачами, медленность рассмотрения дел, волокита, невысокое качество работы, перегруженность судебных чиновников, бегство судей от тягот и лишений мало престижной службы, нищета юстиции. Результатом непоследовательности преобразований, неправильного определения целей, функций, возможностей судебных органов станови-

лись отсутствие сплоченной судебной корпорации, независимо и сознательно реализующей правосудие, разлад между обществом и судом, не заслуживающим доверия и не авторитетным в глазах общественности.

Медленность устранения дефектов судоустройства и судопроизводства, проявившихся непосредственно после осуществления реформ, говорит о пренебрежении самодержавия потребностями сибирской юстиции. Результативные попытки улучшить состояние суда, действовавшего на основе Временных правил 1885 г., относятся к 1892 г. Вывести из кризисного состояния деятельность системы правосудия после реформы 1897 г. правительство попыталось лишь на рубеже первого и второго десятилетий XX в. Причем, проводимые мероприятия по устранению пороков в судебных порядках отличались нерешительностью и не всегда приводили к исправлению недостатков.

Опыт судебных преобразований в Западной Сибири в конце XIX в. ценен как пример реализации замыслов, отдаленных от достижения подлинного правосудия. История реформ сибирского суда подтверждает, что Россия того времени – государство полицейское, чуждое принципу разделения властей и либерализму. Роль суда в нем принижена, индивид перед лицом всемогущих чиновников бесправен.

Симптомом поворота от полицейской к правовой тенденции в политике самодержавия по отношению к вопросу о преобразовании сибирского суда являлось введение института присяжных заседателей и советов присяжных поверенных. Однако эти либеральные судебные учреждения устанавливались с опозданием и история отвела их существованию незначительный срок: становление происходило в условиях, далеких от обстановки, в какой они действовали в эпоху царствования Александра II, а развитие очень быстро приостанавливалось.

История судебных преобразований в Западной Сибири уникальна. Регион стал одним из последних в России, в котором про-

водилась судебная реформа 1864 г. Отношение самодержавия к интересам края как к второстепенным, не заслуживающим внимания, привело к созданию особенного, как показала деятельность реформированных судов, отличавшегося нежизнеспособностью, вида юстиции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ТАБЛИЦЫ

1. Штат судебных установлений Западной Сибири по закону от 25 февраля 1885 г.

	Округ Тобольского губернского суда	Округ Томского губернского суда
Председатели губернских судов	1	1
Товарищи председателей губернских судов	1	1
Советники губернских судов	4	4
Столоначальники губернских судов	10	5
Помощники столоначальников губернских судов	10	5
Председатели окружных судов	9	6
Заседатели окружных судов	23	15
Судебные следователи	13	9
Товарищи прокурора	9	6

ПСЗ-III. Т. 5. Отделение 2-е. № 2770. – С. 36–41.

2. Соотношение приехавших и ранее служивших в Сибири судебных чиновников, назначенных на судебные должности Западной Сибири приказом от 1 октября 1885 г.

	Приезжие из Европейской России	Служившие до реформы 1885 г. в Сибири
Председатели губернских судов	-	2
Советники губернских судов	2	5
Окружные судьи	3	8
Заседатели окружных судов	3	28
Судебные следователи	10	5
Товарищи прокуроров	8	2

ГАТюмО. Ф. И-40. Оп. 2. Д. 379. Л. 20–23 об.

**3. Сведения о разъездах по следовательским делам мировых судей Барнаульского уезда в 1905–1908 гг.
(указаны судебно-следственные мировые участки)**

Номер участка	Количество выездов				Количество дней в поездках			
	1905	1906	1907	1908	1905	1906	1907	1908
2	36	42	25	27	110	96	75	105
3	28	31	20	31	57	73	67	106
4	15	14	15	21	42	41	38	187
5	32	29	24	25	130	125	120	120
6	38	39	-	15	73	98	-	20
7	-	47	28	20	-	70	58	60
8	-	4	24	27	-	7	53	65
9	-	5	30	4	-	14	84	28
10	-	-	27	-	-	-	99	-
Всего	149	211	193	170	412	524	594	691
В среднем на одного судью	29.8	26.4	24.1	21.3	82.4	65.5	74.3	86.4

ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 32–33.

4. Количество уголовных дел, поступавших ежегодно в окружные суды Западной Сибири и оставшихся нерешенных в 1900–1910 гг.

Год	Тобольская губерния		Томская губерния	
	Поступило	Осталось	Поступило	Осталось
1900	3779	1530	4558	2887
1901	4380	1202	4910	3596
1902	4209	981	4757	3005
1903	4230	884	4566	2256
1904	-	726	-	1522
1905	3588	742	5146	1335
1906	4692	1247	5368	1733
1907	4976	1633	5941	1959

Год	Тобольская губерния		Томская губерния	
	Поступило	Осталось	Поступило	Осталось
1908	5535	1972	6550	2509
1909	6126	1310	8083	2898
1910	7538	1866	11351	3314

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1900 г. – СПб., 1901. Вып. 16. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. – СПб., 1903. Вып. 17. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1902 г. – СПб., 1903. Вып. 18. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1903 г. СПб., 1904. Вып. 19. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1905 г. – СПб., 1907. Вып. 21. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1906 г. – СПб., 1907. Вып. 22. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1907 г. – СПб., 1909. Вып. 23. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. – СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – СПб., 1911. Вып. 25. – С. 118–119; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – СПб., 1912. Вып. 26. – С. 118–119.

5. Число уголовных дел, находящихся в начале XX столетия в производстве окружных судов Европейской России, Азиатской России и Западной Сибири более года

Год	Европейская Россия	Азиатская Россия*	Западная Сибирь	
			Тобольский суд	Томский суд
1902	8006	2313	260	1535
1903	8726	1594	187	823
1905	9543	1400	120	578
1906	7330	1488	210	473
1907	7983	1931	358	484

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1902 г. – СПб., 1903. Вып. 18. Ч. 1. – С. 70–71; Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1903 г. – СПб., 1904. Вып. 19. Ч. 1. – С. 70–71; Ч. 2. С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1905 г. СПб., 1907. Вып. 21. Ч. 1. – С. 74–75; Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1906 г. – СПб., 1907. Вып. 22. Ч. 1. – С. 74–75; Ч. 2. – С. 16–17; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1907 г. – СПб., 1909. Вып. 23. Ч. 1. – С. 74– 71; Ч. 2. – С. 16– 17 (с 1908 г. Министерство юстиции не публиковало данных о количестве дел, находящихся в производстве окружных судов более года).

* В том числе Западная Сибирь.

6. Движение гражданских дел в окружных судах Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Год	Тобольский суд		Томский суд	
	Поступило	Оставалось	Поступило	Оставалось
1897	-	182	-	174
1898	1358	395	1322	286
1899	1300	370	1239	386
1900	1209	509	1462	498
1901	1274	537	1509	509
1902	1495	543	1645	674
1903	1456	484	1749	396
1904	-	602	-	856
1905	1246	684	2444	1117
1906	1317	698	1770	1202
1907	1737	888	2759	1365
1908	1983	1014	3018	1593
1909	2504	1206	3617	2144
1910	2051	976	3326	2583

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1898 г. – СПб., 1899. Вып. 14. – С. 86–87; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1898 г. – СПб., 1901. Вып. 15. Ч. 2. – С. 22–23; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1900 г. – СПб., 1901. Вып. 16. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. – СПб., 1903. Вып. 17. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1902 г. – СПб., 1903. Вып. 18. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1903 г. – СПб., 1904. Вып. 19. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1905 г. – СПб., 1907. Вып. 21. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1906 г. – СПб., 1907. Вып. 22. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1907 г. – СПб., 1909. Вып. 23. Ч. 2. – С. 26–27; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. – СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. – С. 24–25; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – СПб., 1911. Вып. 25. – С. 148–149; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. СПб., 1912. Вып. 26. – С. 148–149.

7. Среднее количество дел, ежегодно поднадзорных каждому товарищу прокурора Западной Сибири в 1913–1915 гг.

Округ окружного суда	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Тобольский	443	381	425
Томский	622	623	539
Барнаульский	953	1300	1192

ЦХАФАК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–8 об.

8. Движение предварительных следствий в Западной Сибири в начале XX в.

Год	Тобольская губерния		Томская губерния	
	Поступило	Осталось	Поступило	Осталось
1902	3086	607	3449	539
1903	3180	610	3630	550
1904	-	878	-	831
1905	3810	1449	4541	1283
1906	4705	2051	5087	2387
1907	4764	2427	5143	2770
1908	4742	2415	6082	3447
1909	5216	2105	6689	3105
1910	6576	2201	7761	3213

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1902 г. – СПб., 1903. Вып. 18. Ч. 2. – С. 38–39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1903 г. – СПб., 1904. Вып. 19. Ч. 2. – С. 38–39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1905 г. – СПб., 1907. Вып. 21. Ч. 2. – С. 38–39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1906 г. – СПб., 1907. Вып. 22. Ч. 2. – С. 38–39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1907 г. – СПб., 1909. Вып. 23. Ч. 2. – С. 38–39; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. – СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. – С. 40–41; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – СПб., 1911. Вып. 25. – С. 206–207; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – СПб., 1912. Вып. 26. – С. 206–207.

9. Число следствий, возбужденных судебными следователями Тобольской губернии в 1910 г.

Уезды*	Число дел**
Тобольский	120
Тюменский	95
Ялуторовский	122
Курганский	179

Уезды*	Число дел**
Ишимский	154
Тюкалинский	60
Тарский	175

ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

* Следственные участки соответствовали границам уездов.

** Норма – 140 дел.

10. Изменения в численности адвокатского сословия Западной Сибири в 1897–1901 гг.

Категории поверенных	Томская губерния			Тобольская губерния		
	1897	1899	1901	1897	1899	1901
Присяжные поверенные	8	10	15	1	1	1
Помощники присяжных поверенных	-	9	4	-	1	-
Частные поверенные	5	13	6	7	9	11

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1897 г. Вып. 13. – СПб., 1899. – С. 7, 10–11; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. Вып. 17. Ч. 2. – СПб., 1903. – С. 2–3; ГАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 315. Л. 2–5 об.

11. Количество поверенных Западной Сибири в 1905–1912 гг.

Годы	Категории адвокатов		
	Присяжные поверенные	Помощники присяжных поверенных	Частные поверенные
1905	19	12	28
1906	21	14	30
1907	20	34	31
1908	24	33	61
1909	29	34	60
1910	31	37	64
1911	31	49	66
1912	48	52	58

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1905 г. – СПб., 1907. Вып. 21. Ч. 2. – С.3; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1906 г. – СПб., 1907. Вып. 22. Ч. 2. – С. 3; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1907 г. – СПб., 1909. Вып. 23. Ч. 2. – С. 3; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. – СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. – С. 3; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – СПб., 1911. Вып. 25. – С. 13; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – СПб., 1912. Вып. 26. – С. 15; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – СПб., 1912. Вып. 27. – С. 15; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. – СПб., 1913. Вып. 28. – С. 15.

**12. Ежегодное поступление дел мировой подсудности
и следственных дел в мировые учреждения
Западной Сибири в 1908–1911 гг.**

Год	Тобольская губерния		Томская губерния	
	Дел мировой подсудности	Следственных дел	Дел мировой подсудности	Следственных дел
1908	29203	4742	53553	6082
1909	32244	5216	63062	6689
1910	35995	6576	74649	7761
1911	38034	5676	89994	8858

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. – СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. – С. 40–41, 48–49; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. – СПб., 1911. Вып. 25. – С. 206–207, 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – СПб., 1912. Вып. 26. – С. 206–207, 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. – СПб., 1912. Вып. 27. – С. 206–207, 238–239, 254–255.

13. Среднее количество ежегодно рассматриваемых мировыми судьями Западной Сибири судебных дел в 1911–1913, 1914 гг.

Округ окружного суда (число мировых судей*)	1911–1913 гг.	1914 гг.
Тобольский (34)	1320	1280
Томский (23)	1670	1944
Барнаульский (20)	1895	3688

Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. – Пг., 1916. – С. 17, 19.

* Указано число мировых судей, занимавшихся разбирательством исключительно судебных дел.

14. Количество уголовных и гражданских дел, оставшихся ежегодно нерешенными мировыми судьями Западной Сибири в 1907–1914 гг.

Год	Тобольская губерния	Томская губерния
1907	12028	27894
1908	12572	31122
1909	15947	45863
1910	20794	60412
1911	20367	63292
1912	13639	67284
1913	8092	53952
1914	7259	42527

Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. – СПб., 1910. Вып. 24. Ч. 2. – С. 48–49; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. – СПб., 1912. Вып. 26. – С. 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. – СПб., 1913. Вып. 28. – С. 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. – Пг., 1916. Вып. 30. – С. 250–251, 266–267.

**15. Количество дел, рассматриваемых ежегодно
каждым членом окружных судов Западной Сибири
в 1911–1913 гг.**

Окружной суд	Число дел
Тобольский	686
Томский	811
Барнаульский	708

Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. – Пг., 1916. – С. 24.

**16. Количество присяжных заседателей
в уездах Тобольской и Томской губерний в 1900 и в 1908 гг.**

Уезды	1900 год	1908 год
Туринский	255	238
Тарский	772	1038
Тюкалинский	377	1539
Курганский	1386	1757
Тюменский	360	733
Ялуторовский	745	1150
Тобольский	419	556
Ишимский	429	1179
Березовский	63	65
Сургутский	23	30
Всего по Тобольской губернии	4829	8285
Томский	1561	3312
Барнаульский	389	2688
Бийский	343	402
Каинский	240	992
Мариинский	333	633
Змеиногорский	204	392
Кузнецкий	164	318
Всего по Томской губернии	3234	8737

Розин Н.Н. О суде присяжных. – Томск, 1901. С. 4; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 26; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 144; Д. 899. Л. 256 об.

II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Закон 25 февраля 1885 г. о проведении в Сибири судебной реформы (извлечения)

2770. – Февраля 25. Высочайше утвержденные Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае.

I. В судебном устройстве губерний Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае ввести следующие изменения:

1) Губернские и окружные суды образовать на основании временного штата судебных установлений и прокурорского надзора в названных местностях, учредив, вместе с тем, при окружных судах должности судебных следователей в определенном сим штатом числе.<...>

3) Упразднить существующие в вышеозначенных частях империи должности: а) губернских, областных, окружных и городских стряпчих; б) приставов гражданских и уголовных дел при полицейских управлениях городов... <...> ; г) содержимых на счет городских доходов секретарей и столоначальников в некоторых окружных судах Тобольской и Томской губерний.

4) В ведении губернских и областных прокуроров учредить должности их товарищей; затем прокурорский надзор образовать в составе, определенном штатом, и на основаниях, установленных в Общем губернском учреждении для губерний, поименованных в статье 1191 сего Учреждения (по прод. 1883 г.).

II. Избрание городскими обществами в Сибири заседателей для присутствования в окружных судах по делам о купцах и мещанах (Учр. упр. Сиб., ст. 72) и для участия в качестве депутатов при производстве следствий над лицами сих сословий, а равно избрание кандидатов к означенным заседателям – отменить.

III. Ввести настоящие правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае и временного штата судебных установлений и прокурорского надзора в сих местностях приводить в действие с 1 сентября 1885 года.

IV. Исчисленный по упомянутому временному штату ежегодный расход в размере 452990 рублей. <...>

Временные правила

1. Должностные лица судебного ведомства определяются, увольняются и перемещаются: а) председатели губернских судов – высочайшей властью по представлению министра юстиции; б) товарищи председателей и советники губернских судов, окружные судьи, губернские и областные прокуроры и их товарищи, а в губерниях Тобольской и Томской, сверх того, заседатели окружных судов и судебные следователи – министром юстиции; <...> г) чины канцелярий губернских и окружных судов – губернскими судами; д) письмоводители и их помощники в канцеляриях губернских прокуроров – сими прокурорами. <...>

4. Надзор за судебными местами принадлежит министру юстиции и высшим, в порядке подчиненности, судебным установлениям над низшими. <...>

5. Следствия по уголовным делам производятся полицией или судебными следователями. <...>

7. Приступая к дознанию или следствию, полиция немедленно уведомляет о том подлежащее лицо прокурорского надзора. <...>

9. Судебные следователи приступают к производству следствий по предложениям лиц прокурорского надзора или по непосредственному своему усмотрению. <...>

10. По непосредственному своему усмотрению судебный следователь приступает к следствию лишь тогда, когда он застиг-

нет совершающееся или только что совершившееся преступное деяние. В этом случае, о начатии следствия он немедленно извещает подлежащее лицо прокурорского надзора. <...>

12. Оконченные судебными следователями и чинами полиции следствия направляются ими подлежащему лицу прокурорского надзора ... <...>

13. Прокурор или его товарищ, не найдя надобности в доследовании, вносит дело в надлежащий суд. <...>

15. Дела, по которым подсудимый может подвергнуться наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния или потерей всех либо некоторых особенных прав и преимуществ, вносятся в суд при заключении прокурора или его товарища, составленном согласно статье 321 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках ... <...>

17. К ведомству окружного суда относятся те уголовные дела, по которым ни один из подсудимых не обвиняется в преступлении или проступке, влекущем за собой наказания, соединенные с лишением всех прав состояния или с потерей всех либо некоторых особенных прав и преимуществ. Все прочие дела начинаются непосредственно в губернских судах, которые составляют вторую степень суда для дел, начинаемых в окружных судах. <...>

23. По делам о преступлениях, влекущих за собой лишение всех прав состояния, прокурорский надзор поддерживает обвинение на суде, а подсудимому назначается председателем суда защитник из состоящих при суде чиновников или из посторонних лиц, которым закон не воспрещает ходатайство по чужим делам. При недостатке таких лиц защитник не назначается. В случае нарушения защитником благопристойности, порядка или тишины председатель суда принимает меры, определенные в ст. 394 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках ... <...>

24. По всем уголовным делам и делам, указанным в ст. 23, по выслушивании прокурорского обвинения и объяснений защит-

ника, если он был назначен подсудимому, постановляется судом резолюция, которая объявляется публично ... <...>

27. Ведомству окружных судов в сибирских губерниях подлежат исковые и тяжёбые дела ценой не свыше одной тысячи рублей, причем иски и тяжбы, цена которых не превышает тридцати рублей, разрешаются окружными судами окончательно, по прочим делам допускается апелляция в губернские суды. Дела на сумму выше тысячи рублей начинаются непосредственно в губернском суде. <...>

32. По всем гражданским делам окружными и губернскими судами, по принадлежности, постановляется после доклада дела резолюция, которая объявляется публично ...<...>

ПСЗ-III. Т. 5. № 2770. С. 416–425.

2. Закон 13 мая 1896 г. о введении Судебных уставов Александра II в Сибири

12932. – Мая 13. Высочайше утвержденные Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири.

Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 13 мая 1896 года (Собр. узакон. 1896 г. мая 28, ст. 732). – Государственный совет, в соединенных департаментах законов, государственной экономики и гражданских и духовных дел и в общем собрании, рассмотрев представление министра юстиции об устройстве судебной части в Сибири, мнением положил:

I. Проекты: 1) Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири; 2) временных штатов судебных установлений в губерниях и областях Сибири; 3) временного дополнительного штата Казанской судебной палаты; 4) росписания окружных судов по округам Казанской и Иркутской су-

дебных палат – поднести к высочайшему его императорского величества утверждению.

II. В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений, постановил:

1) Для заведования делами об опеках и попечительствах в губерниях и областях Сибири состоят губернские и областные по опекунским делам присутствия. Присутствия эти исполняют обязанности дворянских опека, а также городских сиротских судов, где сих последних не существует.

2) Присутствия составляются под председательством одного из членов местного окружного суда, по избранию общего собрания отделений суда, из участкового или почетного мирового судьи, по избранию того же собрания, и члена, по назначению губернатора.

3) Делопроизводство присутствий сосредотачивается в канцеляриях подлежащих окружных судов.

III. Впредь до пересмотра действующих узаконений о словесной расправе у инородцев Сибири, в изменение, дополнение и отмену означенных узаконений, постановил:

1) Исковые дела кочевых и бродячих инородцев Сибири начинаются в окружных судах не прежде, как по неудовольствиям на решения во всех степенях словесной расправы. Дела эти производятся в окружных судах, с соблюдением правил, постановленных в Законах о судопроизводстве гражданском (Свода зак. Т. XVI, ч. II, изд. 1892 г.).

2) Решения окружных судов по сим делам признаются окончательными и обжалованию не подлежат.

IV. В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений, постановил:

«В состав губернских, областных и окружных административных установлений Сибири, в которых, по закону, участвуют председатели губернских судов, губернские либо областные прокуроры и их товарищи, входят, взамен сих должностных лиц,

председатели и прокуроры окружных судов и товарищи прокуроров сих судов, по принадлежности».

V. В дополнение подлежащих установлений постановил:

1) С владельцев золотых приисков Олекминской, Витимской, Буреинской, Зейской и Амгунской систем взимается ежегодный особый сбор в размере трех тысяч рублей в год. Сбор сей вносится владельцами приисков в местные казначейства по раскладкам, ежегодно утверждаемым иркутским и приамурским генерал-губернаторами, по принадлежности.

2) Упомянутый в статье 1 сбор обращается в пособие государственному казначейству на содержание мировых судебных установлений в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах.

3) На означенных в статье 1 владельцев возлагается, сверх уплаты указанного в той же статье сбора, обязанность отводить мировым судьям, заведывающим участками, в которых расположены золотопромышленные системы Олекминская, Витимская, Буреинская, Зейская и Амгунская, квартиры в натуре, с отоплением и освещением, а также предоставлять сим судьям лошадей для разъездов.

4) Подробные правила о раскладке сбора и сроке взноса его в казначейства, а также о распределении расходов, вызываемых отводом мировым судьям квартир с отоплением и освещением и снабжением сих судей перевозочными средствами, равно как о способах выполнения этой обязанности – устанавливаются иркутским и приамурским генерал-губернаторами, по принадлежности.

VI. Постановления устава о ссыльных, относящиеся до формальной полицейской расправы по делам о ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцах, – отменить.

VII. Статьи 817–826 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (Свода зак. Т. XVI, ч. II, изд. 1892 г.) – отменить.

VIII. Означенные в отделе I Временные правила и штаты, а равно меры, предусмотренные в отделах II–VII, ввести в действие

в течение второй половины 1897 года, в сроки по усмотрению министра юстиции.

IX. Новые судебные установления в губерниях и областях Сибири открыть на точном основании Положения 19 октября 1865 года (42587) о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года, Правил 27 июня 1867 года (44768) о порядке введения в действие Положения о нотариальной части и Правил 10 марта 1869 года (46840) о порядке окончания дел судебных мест прежнего устройства, а также изданных в дополнение к сим постановлениям узаконений.

X. Одновременно с открытием новых судебных установлений в губерниях и областях Сибири, губернские и окружные суды, а также должности губернских и областных прокуроров и их товарищей, равно судебных следователей – упразднить.

XI. Лица, должности коих упраздняются (отд. X), если они не получают назначений, оставить за штатом на общем основании.

XII. Исчисленную по штатам судебных установлений в губерниях и областях Сибири, а равно по дополнительному штату Казанской судебной палаты (отд. I) сумму, в размере миллиона двадцати трех тысяч семисот рублей, отпускать из государственного казначейства ежегодно, начиная с 1898 года, по подлежащим подразделениям расходных смет Министерства юстиции. В счет этой суммы заносить в доходные сметы названного министерства пособием казне из особого сбора с владельцев золотых приисков в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах (отд. V) пятнадцать тысяч рублей ежегодно.

XIII. В будущем 1897 году отпустить из государственного казначейства по подлежащим подразделениям расходной сметы Министерства юстиции: 1) на содержание в первой половине 1897 года судебных установлений прежнего устройства в Сибири – триста шесть тысяч девятьсот семьдесят рублей; 2) в распоряжение министра юстиции на покрытие расходов, сопряженных с введением в действие в Сибири Судебных уставов в полном объе-

ме, – шестьсот тысяч рублей, и 3) на содержание новых судебных установлений в Сибири во второй половине 1897 года – пятьсот одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят рублей, с тем: а) чтобы на этот последний кредит относились также расходы по содержанию судебных установлений прежнего устройства, во второй половине 1897 года, до их закрытия, и б) чтобы в счет упомянутого ассигнования была внесена в доходную смету названного министерства пособием казне из особого сбора с владельцев золотых промыслов в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах (отд. V) сумма в семь тысяч пятьсот рублей.

XIV. Предоставить министру юстиции, по обнародовании настоящего узаконения, войти, в установленном порядке, с представлением о назначении старшего председателя и прокурора Иркутской судебной палаты, а также сделать распоряжение о замещении одной должности секретаря названной палаты и должности секретаря при прокуратуре оной. Потребный на сей предмет расход, в годовом размере четырнадцати тысяч трехсот рублей, отнести, какие по расчету причтутся: в текущем 1896 году – на общие остатки по действующей смете Министерства юстиции, а за время с 1 января 1897 года по день открытия упомянутой палаты – на кредит, предназначенный для покрытия расходов, сопряженных с введением в действие в Сибири Судебных уставов в полном объеме.

Резолюция. Его императорское величество воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственного совета, о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири, высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

На подлинных собственной его императорского величества рукой написано:

«Быть по сему».

Временные правила

Судебные установления в губерниях и областях Сибири образуются на основании Судебных уставов императора Александра II (Свода зак. Т. XVI, ч. I, изд. 1892 г., и по прод. 1895 г.), с нижеследующими изменениями и дополнениями:

I. По Учреждению судебных установлений

1. Участковые и добавочные мировые судьи назначаются министром юстиции из числа лиц, удовлетворяющих требованиям, указанным в статьях 200 и 201 сего Учреждения, а также постановлениям о судебных следователях, изложенным в статьях 202 и 205 того же Учреждения.

2. Почетные мировые судьи назначаются министром юстиции на три года из лиц, удовлетворяющих требованиям пунктов 1 и 2 статьи 19 и статьи 21 сего Учреждения.

3. Должности участкового и добавочного мирового судьи присваиваются шестой класс по чинопроизводству, шестой разряд по шитью на мундире и четвертый разряд по пенсии.

4. Перемещение участковых и добавочных мировых судей, а равно увольнение их от службы зависит от министра юстиции. Отпуска участковых и добавочных мировых судей разрешаются: на срок не более одного месяца – общим собранием отделений окружного суда, на срок не более двух месяцев – общим собранием департаментов судебной палаты, а на более продолжительный срок – министром юстиции.

5. В Туруханском крае, Енисейской губернии, Верхоянской и Колымской округах, Якутской области, и Анадырской, Петропавловской (Камчатской), Гижигинской и Охотской округах, Приморской области, а также на входящих в состав этой области Командорских островах, обязанности участковых мировых судей по разбирательству судебных дел в пределах, указанных в статьях 31 и 61 настоя-

щих правил, а равно обязанности нотариусов, где их нет (ст. 53 наст. прав.), возлагаются на начальников местной полиции. На них возлагается также производство предварительных следствий, на правах судебных следователей. В случае невозможности для начальников полиции принять лично на себя исполнение обязанностей по производству отдельных, возникающих вне постоянного их места жительства, следствий, им разрешается поручать производство следствий своим помощникам, а при отсутствии последних – другим чинам полиции, избираемым для сего ежегодно, по соглашению губернатора с прокурором окружного суда.

6. Составление предположений о разделении губерний и областей на мировые участки и о разграничении сих последних возлагается на особые Губернские и Областные комитеты, состоящие, в каждой губернии и области, под председательством местного губернатора, из вице-губернатора, которого в Амурской области заменяет правитель канцелярии по гражданскому управлению, председателя и прокурора окружного суда и городского головы губернского или областного города. Предположения комитетов по сим предметам представляются на утверждение министра юстиции: в местностях, находящихся в ведении генерал-губернаторов, чрез сих последних, а в остальных – непосредственно. На обязанность тех же комитетов возлагаются составление списков проживающих в губернии или области лиц, могущих занять должность почетного мирового судьи, и представление этих списков министру юстиции: в местностях, находящихся в ведении генерал-губернаторов, чрез сих последних, а в остальных – непосредственно.

7. Обязанности участковых судебных следователей возлагаются на участковых и добавочных мировых судей. Перечисление должностей сих судей из одного судебного округа в другой производится порядком, указанным в статье 80¹ сего Учреждения.

8. В городах, в которых имеют место пребывания несколько участковых мировых судей, распределение между ними судей-

ских и следовательских обязанностей предоставляется общему собранию отделений окружного суда.

9. Сверх участковых мировых судей для производства предварительных следствий, при окружных судах состоят судебные следователи, которые приступают к производству следствий по предложениям лиц прокурорского надзора, а также по непосредственному усмотрению, в случаях, когда они застигнут совершающееся или только что совершившееся преступное деяние.

10. Участковые и добавочные мировые судьи исполняют, в пределах своих участков, поручения губернских и областных по опекунам делам присутствий, относящиеся до надзора за приемом имуществ в опекунов заведывание и сдачей оных, после прекращения опекунов, по принадлежности, а также до обревизования опекунов и поверки действий опекунов.

11. Обязанности съезда мировых судей возлагаются на окружные суды, которые могут исполнять эти обязанности и при выездах в округи для решения уголовных дел. Тем же окружным судам принадлежит и непосредственный надзор за мировыми судьями в губернии или области.

12. Обязанности неперменного члена мирового съезда возлагаются, по постановлению общего собрания отделений окружного суда, на одного из членов окружного суда.

13. Место постоянного пребывания, в пределах мирового участка, каждого из участковых и добавочных мировых судей, а также судебных следователей определяется общим собранием отделений окружного суда.

14. Мировые судьи обязаны разбирать дела в ближайших к местам их возникновения селениях или в волостных правлениях, если дело возникло далее пятидесяти верст от места нахождения камеры мирового судьи. Правило сие не распространяется на чинов полиции, исполняющих обязанности мировых судей по разбирательству судебных дел (ст. 5 наст. прав.).

15. Мировые судьи, заведующие отдаленными и малонаселенными мировыми участками, могут, с разрешения общего собрания отделения окружного суда, иметь камеры вне пределов вверенных им участков, но обязаны переносить в пределы оных свои камеры для разбора дел в заранее назначенные упомянутым собранием места и определенные им в году сроки.

16. В случае смерти, болезни или устранения от должности участкового мирового судьи обязанности его возлагаются общим собранием отделений окружного суда на добавочного, либо соседнего участкового мирового судью, или судебного следователя, или на одного из старших кандидатов на должности по судебному ведомству.

17. Для пополнения присутствия окружного суда в качестве как мирового съезда, так и суда первой степени могут быть приглашаемы местные почетные, участковые и добавочные мировые судьи, а также судебные следователи, за исключением тех, которые производили следствие, и тех, на приговоры, решения и действия коих принесена жалоба по делу, подлежащему рассмотрению суда.

18. Министру юстиции предоставляется допускать необходимые изъятия из правил, установленных в статьях 202–207, 210 и 211 сего учреждения.

19. Исполнение решений и поручений мировых и общих судебных установлений, а равно вручение бумаг и повесток тяжущимся возлагаются в городах: Тобольске, Тюмени, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске и Владивостоке—на судебных приставов, а в остальных местностях — на чинов общей полиции, кроме начальников городских и окружных полиций и их помощников. Производство этих исполнительных действий поручается председателями судебных мест и мировыми судьями означенным чинам полиции непосредственно. Те же обязанности, за исключением случаев, когда для исполнения решения требуется продажа недвижимого имущества, могут быть возлагаемы и на волостные, сельские и инородческие начальства.

20. Представления залога от судебных приставов не требуется.

21. За исполнение отдельных судебных действий судебные приставы получают денежное вознаграждение: а) если ими исполняются решения или поручения по делам, подведомственным мировым судебным установлениям, – по таксе, приложенной к статье 581 сего Учреждения, и б) если ими исполняются решения и поручения по делам, подведомственным общим судебным местам, – по таксе, приложенной к примечанию при статье 313 того же Учреждения. Относительно распределения между судебными приставами означенного вознаграждения соблюдаются правила, изложенные в статье 314 сего Учреждения. Вознаграждение чинов полиции за исполнение упомянутых действий, когда они совершаются в пределах мест постоянного их пребывания, производится по указанным выше, установленным для судебных приставов таксам, а в тех случаях, когда означенные действия совершаются вне постоянных мест пребывания чинов полиции, – по особой, приложенной к сей статье, таксе.

22. На чинов судебного ведомства, служащих в губерниях и областях Сибири, а также на острове Сахалин, распространяются все преимущества службы, установленные для чиновников, служащих в означенных местностях.

23. Свидетельства, выдаваемые окружными судами на право ходатайствовать в сих судах по чужим делам, дают право и на ходатайство по чужим делам в мировых судебных установлениях, подведомственных выдавшим означенные свидетельства окружным судам.

II. По Уставу гражданского судопроизводства

24. Подсудность гражданских дел судебным установлениям и пределы власти мировых судей по постановлению окончательных решений определяются правилами, изложенными в статьях 1462, 1467 и 1477 сего Устава, а равно в статьях 25–29 настоящих правил.

25. Ведомству мировых судебных установлений не подлежат: а) иски, сопряженные с интересом казенных управлений, за исключением исков о восстановлении нарушенного владения, равно исков на сумму не свыше двух тысяч рублей, о вознаграждении за потравы и вообще повреждении в дачах ведомства Министерства императорского двора и уделов, а также земледелия и государственных имуществ или других учреждений, пользующихся на суде правами казны, и б) иски между сельскими обывателями, а также между инородцами, подлежащие ведомству их собственных сословных судов, разве на предоставление иска разбору мирового судьи последует взаимное между истцом и ответчиком соглашение.

26. Возникающие между инородцами иски: а) основанные на актах, совершенных при участии подлежащих властей по общим законам империи, и б) предъявляемые инородцами к своим единоплеменникам, проживающим в пределах русских поселений, подлежат ведению мировых или общих судебных установлений, по принадлежности.

27. Лица, не принадлежащие к инородческому состоянию, по исковым делам с инородцами, а равно инородцы, имеющие различные сословные суды, по делам между собой, могут, если на то состоится соглашение истца и ответчика, обращаться к инородческому суду. В таком случае, истец лишается права начать иск по этому же делу мирового судьи или в окружном суде.

28. В упрощенном порядке судопроизводства ведомству мирового судьи подлежат, за изъятием, указанным ниже в статье 29, взыскания на всякую сумму по правилам, изложенным в статьях 80¹, 365¹–365⁴ и 365¹–365²⁴ сего Устава. При обращении дела к производству в общем порядке, мировые судьи руководствуются, сообразно цене иска, пунктов 3 статьи 80¹ и статьей 365²¹ того же Устава.

29. Взыскания на сумму свыше двух тысяч рублей, предъявляемые к нескольким ответчикам, живущим в разных мировых участках губернии или области, подлежат, в упрощенном порядке, ведомству окружного суда по правилам, изложенным в статьях 365¹–365⁵ и 365⁷–365²⁴ сего Устава.

30. Иски, возникающие из договоров о личном найме и не превышающие подсудности мировых судей (ст. 24–26, 28 и 29 наст. прав.), могут быть предъявляемы местному, по исполнению договора, мировому судье.

31. В местностях, поименованных в статье 5 настоящих правил, ведомству начальников местной полиции подлежат гражданские дела в пределах подсудности, установленной для мировых судей статьями 29, 31, 80¹, 134, 1401, 1403, 1408 и 1409 сего Устава, а равно статьями 26 и 27 настоящих правил. Дела, подсудность по которым превышает указанные выше пределы, но не превосходит пределов, установленных для мировых судей статьями 24–26, 28 и 29 означенных правил, подлежат ведомству мировых судей, камеры которых находятся в ближайших пунктах к местам постоянного пребывания упомянутых начальников полиции. Указание сих мировых судей зависит от министра юстиции, который о распоряжениях своих по этому предмету предлагает Правительствующему Сенату, для опубликования оных во всеобщее сведение.

32. Прошения, жалобы и всякого рода бумаги по делам, подсудным мировым судебным установлениям, могут быть пересылаемы по почте.

33. Жалобы на неокончательные решения мировых судей, а равно частные жалобы на их распоряжения приносятся в окружной суд, в качестве мирового съезда, по правилам, постановленным в сем Уставе для обжалования решений мировых судей.

34. Просьбы об отмене окончательных решений мировых судей приносятся окружному суду. В случае отмены решения дело возвращается для нового рассмотрения мировому судье, постановившему решение, либо, если суд признает это необходимым, – другому мировому судье.

35. Окружной суд в качестве мирового съезда обязан за установленную в статье 201 сего Устава плату выдать или выслать участвующему в деле лицу по месту его жительства копию решения по делу не позднее семи дней со времени заявления о том

просьбы, а если просьба о том заявлена до решения дела, то в семидневный срок со дня постановления решения.

36. В случае заявления просьбы, указанной в предшедшей (35) статье, началом срока на обжалование решений окружного суда, постановленных им в качестве мирового съезда, считается время вручения жалобщику копии решения, при чем к этому сроку причисляется поверстный.

37. Просьбы об отмене окончательных решений окружных судов, постановленных ими в качестве мировых съездов, приносятся судебной палате. В случае отмены решения дело возвращается окружному суду для нового рассмотрения в другом составе присутствия.

38. Судебная пошлина и сбор с бумаги по производству гражданских дел у мировых судей и в окружных судах в качестве мировых съездов взимается в пользу государственного казначейства на основании статей 200²–200¹⁰ сего Устава. По делам, не подлежащим оценке, судебная пошлина определяется при постановлении решения в размере не свыше двадцати рублей.

39. Судебная пошлина уплачивается наличными деньгами на всякую сумму.

40. Сроки на обжалование решений и действий мировых и общих судебных мест не считаются пропущенными, если до истечения их жалоба была сдана в подлежащее установление для отправления по почте.

41. По делам, подсудным общим судебным местам, сторонам, проживающим далее двухсот верст от места нахождения суда, предоставляется просить суд об извещении их о времени разбирательства дела и о сообщении им копий состязательных бумаг, поданных противной стороной, прошений третьих лиц, решения или определения, а равно исполнительного листа, по действительному, указанному ими месту их пребывания. Бумаги эти вручаются сторонам, с соблюдением правил, изложенных в статьях 282–289 сего Устава.

42. Если тяжущийся воспользовался правом, предоставленным ему в предшедшей (41) статье, то для него началом сроков на представление ответов и на обжалование решений окружного суда считается время вручения ему бумаг, указанных в той же статье, при чем к этим срокам причисляется поверстный.

43. В отношении ответчика, воспользовавшегося правом, предоставленным ему статьей 41 настоящих правил, решение суда не почитается заочным и подлежит только апелляция.

44. Производство судебных действий, для коих требуется выезд на место [ст. 174, 386, 413, 450, 451, 508, 517, 524, 534, 771, 1342, 1355, 1362, и 1456 и ст. 5 и 7 отд. I прил. к ст. 1400 (примеч.) сего Устава] возлагается судом на одного из местных участковых либо добавочных мировых судей или судебных следователей. Жалобы на действия сих должностных лиц по исполнению означенных поручений, последовавших по делам общих судебных мест, подлежат рассмотрению в порядке, указанном в статье 389 сего Устава.

45. Свидетели могут просить о допросе их в месте их жительства, если они живут на расстоянии далее двухсот верст от места, в которое они вызываются.

46. Установленному в статьях 91 и 383 сего Устава денежному штрафу за неявку в суд без уважительных причин, свидетели подвергаются, если они живут в том месте, в котором открывается заседание суда, или на расстоянии ближе двухсот верст от этого места.

47. Жалобы на неправильное исполнение решений и все споры по исполнению, за исключением касающихся толкования решений, подлежат рассмотрению того мирового судьи, в участке которого исполнение производится.

48. Имущество, не подлежащее описи, аресту и продаже на удовлетворение взысканий, присуждаемых с сибирских инородцев, определяется, на каждое трехлетие, губернаторами Томской и Тобольской губерний, с утверждения министра внутренних дел, а в прочих губерниях и областях Сибири – подлежащими генерал-губернаторами.

49. Продажа, в порядке, указанном в статьях 1133 и след. сего Устава, недвижимых имений, оцененных ниже двух тысяч рублей, производится у участковых мировых судей. Именья, оцененные в две тысячи рублей или выше, а также все именья, лежащие в той округе, где находится окружной суд, продаются при сем суде.

50. Указанный в статье 1172 сего Устава новый торг может быть произведен также при Томском или Иркутском окружных судах.

51. Для рассмотрения дел, указанных в статье 1330¹ сего Устава, в составе особых присутствий Иркутской судебной палаты и окружных судов, вместо чинов казенного управления, приглашается подлежащий городской голова или лицо, его заменяющее.

52. При производстве дел о несостоятельности [прил. III к статье 1400 (примеч.) сего Уст.] соблюдаются следующие дополнительные правила: а) допрос должника и других лиц, а равно исполнение иных постановлений и распоряжений суда вне города, где находится суд, в котором возбуждено дело, за исключением ревизии действий конкурсных управлений, возлагаются на местных мировых судей или судебного следователя; б) должнику, жительствовавшему вне города, где находится суд, в котором возбуждено дело о его несостоятельности, дозволяется, взамен личной явки для словесных объяснений (Уст. судопр. торг., ст. 502), прислать письменный отзыв; и в) всем заимодавцам и должникам несостоятельного дозволяется посылать в суды отзывы (там же, ст. 511) по искам на всякую сумму и по всем вообще требованиям.

III. По Положению о нотариальной части

53. В тех городах, местечках, посадах и селениях, где нет нотариусов, исполнение всех лежащих на них по закону обязанностей возлагается на местных участковых мировых судей, а равно чинов полиции, указанных в статье 5 настоящих правил.

54. Исполнение обязанностей старшего нотариуса возлагается на одного из членов окружного суда, по избранию общего собрания отделений суда.

55. Нотариусам, а равно заступающим их место мировым судьям и чинам полиции (ст. 53 наст. прав.) дозволяется выписи из актов, подлежащих утверждению старшего нотариуса, отсылать в нотариальный архив по почте.

IV. По Уставу уголовного судопроизводства

56. Подсудность уголовных дел судебным установлениям и пределы власти мировых судей по постановлению окончательных приговоров определяются правилами, изложенными в статьях 1260 и 1263 сего Устава, а равно в статьях 57 и 58 настоящих правил.

57. Из ведомства мировых и общих судебных установлений изъеются дела о преступлениях и проступках сибирских кочевых и бродячих инородцев, по коим они подлежат ответственности пред их собственными судами.

58. Дела о бродягах, наказуемых по правилам, в статье 452 Устава о ссыльных изложенным, подлежат ведомству мировых судей и исполняющих их обязанности чинов полиции (ст. 5 наст. прав.).

59. Ведомству окружных судов подлежат все дела о ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцах, учинивших преступления и проступки, за которые, по общим уголовным законам, налагаются наказания, превосходящие заключение в тюрьму, с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ (Улож. наказ., ст. 30, II).

60. В отношении порядка производства следствий и суда по делам о бродягах, а равно ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцах (ст. 58 и 59 наст. прав) мировыми и общими судебными установлениями соблюдаются постановления сего Устава и настоящих правил.

61. В местностях, поименованных в статье 5 настоящих правил, ведомству начальников местной полиции подлежат уголовные дела в пределах подсудности, установленной для мировых судей ста-

тьями 33, 34 и 124 сего Устава, а также статьями 57 и 58 настоящих правил. Дела, подсудность по которым превышает указанные выше пределы, но не превосходит пределов, установленных для мировых судей статьей 56 настоящих правил, подлежат ведомству мировых судей, указанных в статье 31 тех же правил.

62. Полицейские и административные власти, сообщив мировому судье о тех обнаруженных ими, в круге их действий, преступлениях и проступках, которые подлежат преследованию без жалобы частных лиц, не обязаны ни лично являться к разбирательству возбужденных ими дел, ни присылать вместо себя поверенных, если сами не признают того необходимым, или если не последует о том особого со стороны мирового судьи требования.

63. Жалобы на отзывы на неокончательные приговоры мировых судей, а равно частные жалобы на их распоряжения приносятся в окружной суд, в качестве мирового съезда, по правилам, постановленным в сем Уставе для обжалования приговоров и распоряжений мировых судей.

64. В случае отсутствия товарища прокурора окружного суда, а равно в тех местностях, где нет товарища прокурора, апелляциянные отзывы на приговоры мировых судей представляются полицией, в установленный статьей 147 сего Устава срок, непосредственно мировому судье.

65. Прощения, жалобы и всякого рода бумаги по делам, подсудным мировым судебным установлениям, могут быть пересылаемы по почте.

66. Неприбытие сторон в окружной суд, в качестве мирового съезда, к разбирательству дела, за исключением лишь того случая, когда по обвинению в преступном деянии, за которое в законе положено заключение в тюрьме, суд признает присутствие обвиняемого необходимым.

67. Протесты и жалобы на окончательные приговоры мировых судей приносятся окружному суду, в качестве мирового съезда. В случае отмены приговора дело возвращается для нового

рассмотрения мировому судье, постановившему приговор, либо, если суд признает необходимым, – другому мировому судье.

68. Копии приговоров окружных судов, постановленных ими в качестве мировых съездов, препровождаются отсутствующим обвиняемым при повестках.

69. Протесты и жалобы на окончательные приговоры окружных судов, постановленные ими в качестве мировых съездов, приносятся судебной палате. В случае отмены приговора дело возвращается окружному суду, для нового рассмотрения в другом составе присутствия.

70. Началом срока на обжалование приговоров окружных судов, постановленных ими в качестве мировых съездов, считается тот день, в который они сделались известны лицам, принесшим жалобы.

71. Дела по преступлениям и проступкам, подвергающим лишению всех прав состояния или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, производятся по правилам, установленным для производства дел в окружных судах без участия присяжных заседателей.

72. Дело, поступившее на рассмотрение окружного суда, в качестве суда первой степени, не может быть обращено к производству мирового судьи, хотя бы при судебном разбирательстве и оказалось, что преступное деяние не влечет за собой ни лишения, ни ограничения прав состояния.

73. Статья 201¹ сего Устава не применяется. Дела, означенные в пункте 3 статьи 1073, рассматриваются в окружном суде.

74. По делам, возникшим в столь отдаленных от места пребывания участкового мирового судьи местностях, что нельзя ожидать скорого прибытия его для начатия следствия, полиции предоставляется производить формальные допросы обвиняемым и свидетелям во всех случаях, не терпящих отлагательства, не ограничиваясь указанными в статье 258 сего Устава случаями.

75. При предварительном следствии свидетели приводятся к присяге, когда они имеют жительство в расстоянии далее двух-

сот верст от места, где будет открыто по делу судебное заседание окружного суда.

76. Обвиняемый, содержащийся под стражей, не препровождается на место производства дознания чрез окольных людей (ст. 456 сего Уст.), но ему предоставляется право назначить от себя поверенного из своих родственников или посторонних лиц для присутствия при дознании.

77. В случае недостатка лиц, желающих принять на себя защиту подсудимого, председатель имеет право возлагать эту обязанность на местных чиновников судебного ведомства, исключая судей и лиц прокурорского надзора.

78. По делам о преступных деяниях, за которые в законе определены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния, подсудимые, состоящие на свободе, если проживают далее двухсот верст от места заседания суда, обязаны явиться в окружной суд лично, хотя бы имели избранных ими самими или назначенных им защитников. Из сего правила исключаются те случаи, когда по делам о преступных деяниях, наказания за кои не влекут за собой лишения всех прав состояния, суд по обстоятельствам дела признает личное присутствие подсудимых необязательным, о чем должно быть упомянуто в призывной повестке. В сем случае подсудимому, если он не избрал себе защитника, последний должен быть назначен председателем суда даже без его просьбы.

79. Неприбытие в суд частного обвинителя и гражданского истца, жительствующих далее двухсот верст от места заседания суда, не признается для частного обвинителя отречением от уголовного иска, а для гражданского истца – поводом к устранению гражданского иска от рассмотрения на суде уголовном.

80. В случае неявки на суд подсудимого по делу, при рассмотрении коего личное присутствие его признанно судом необязательным, а равно неприбытия частного обвинителя и гражданского истца, жительствующих далее двухсот от места заседания суда,

дозволяется прочтение в судебном заседании письменных показаний, объяснений и заявлений указанных лиц.

81. К числу законных причин неявки свидетелей к мировому судье, а равно в окружной суд, в качестве как мирового съезда, так и суда первой степени, относится жительство их в расстоянии далее двухсот верст от места, в которое они вызываются.

82. Не возбраняется прочтение в судебном заседании письменных показаний свидетелей, не явившихся в суд вследствие проживания их далее двухсот верст от места заседания суда.

83. Поверка доказательств в случаях, указанных в статьях 160 и 688 сего Устава, поручается окружным судом: в месте его заседания – одному из членов, или местному участковому либо добавочному мировому судье, или судебному следователю, а вне места, в котором открывается заседание суда, – только местному участковому либо добавочному мировому судье или судебному следователю.

84. Исполнение оправдательного приговора окружного суда, в отношении к лицу, обвинявшемуся в преступлении, влекущем за собой лишение или ограничение прав состояния, останавливается впредь до вступления приговора в законную силу, если прокурором заявлено будет о сем требование в том же заседании, в коем решено дело. От прокурора зависит, однако, во всякое после того время, заявить суду о неимении дальнейшего с его стороны препятствия к немедленному исполнению приговора.

85. Не явившемуся в суд ни ко времени слушания дела, ни к объявлению приговора в окончательной форме подсудимому по делу, при рассмотрении коего личное его присутствие признано судом необязательным, приговор объявляется доставлением ему, по указанному им, при производстве дела, месту жительства, копии приговора, с надписью о том, в какой срок и в каком порядке он может быть обжалован. При этом срок для обжалования приговора считается со дня вручения его подсудимому, а в случае отсутствия его из указанного им места жительства, – со дня оставления копии приговора в означенном месте в порядке, установленном статьями 384 и 385 сего Устава.

86. Частному обвинителю и гражданскому истцу, не явившимся в суд ни ко времени слушания дела, ни к объявлению приговора в окончательной форме вследствие жительства их далее двухсот верст от места заседания суда, приговор объявляется порядком, указанным в предшедшей (85) статье.

87. В случае неявки подсудимого по делу, при рассмотрении коего личное присутствие его признано судом необязательным, постановления статей 834¹–834⁹ сего Устава не применяются.

88. Против всех приговоров, постановленных окружным судом в качестве суда первой степени, допускаются апелляционные отзывы подсудимых, частных обвинителей и гражданских истцов, равно как и апелляционные протесты лиц прокурорского надзора.

89. Сроки на обжалование приговоров судебных мест не считаются пропущенными, если до истечения их жалоба была сдана в подлежащее учреждение для отправления по почте.

90. Исполнение приговора во всем том, что не выходит из круга непосредственных судебных действий, согласно статье 947 сего Устава, вне места нахождения суда, возлагается на мирового судью или судебного следователя, в районе действий которого проживает подсудимый.

91. Впредь до устройства или найма особых мест заключения для подвергаемых аресту по приговорам мировых судебных установлений, означенные лица содержатся в ближайших к местам их жительства существующих арестных помещениях, с соблюдением установленных по отношению к сим осужденным постановлений.

92. Свидетели и другие посторонние делу лица получают путевые деньги в установленном статьями 193 и 979 сего Устава размере, в случае призыва их к следствию и суду на расстояние далее пятидесяти верст.

93. В Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах дознания о государственных преступлениях по окончании их представляются прокурором Иркутской судебной палаты иркутскому или приамурскому генерал-губернаторам, по принадлежности, а сими последними препровождаются министру юстиции, вместе с их заключениями.

94. В отношении дисциплинарной ответственности и порядка предания суду за преступления должности должностных лиц административных ведомств и инородческого управления соблюдаются правила, изложенные в Сибирском учреждении и в Положении об инородцах (Свода зак. Т. II, изд. 1892 г., и по прод. 1895 г.).

95. Разномыслия между прокурором и административным начальством, указанные в статье 1092 сего Устава, подлежат разрешению: а) когда разномыслия касаются чинов, определяемых к должности губернскими и равными им властями, в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской—общих присутствий губернского управления, а в областях Сибири—установлений и лиц, действующих на правах губернских советов по Сибирскому учреждению (ст. 331, 363, 382, 405 и 424, по прод. 1895 г.), и б) когда разномыслия касаются чинов, определяемых министрами и главными управлениями, — первого департамента Правительствующего Сената.

96. Определения и постановления: в губерниях Енисейской и Иркутской — общих присутствий губернского управления, в областях Сибири — установлений и лиц, действующих на правах губернских советов по Сибирскому учреждению (ст. 95 наст. прав.), при несогласии сих определений и постановлений с заключением прокурора в отношении придания суду обвиняемых должностных лиц, — представляются на разрешение подлежащего генерал-прокурора, который, в случае несогласия его с заключением прокурора, представляет дело на окончательное разрешение первого департамента Правительствующего Сената. В губерниях Тобольской и Томской определения и постановления общих присутствий губернского управления представляются, при несогласии сих определений и постановлений с заключением прокурора в отношении предания суду должностных лиц, — непосредственно в первый департамент Правительствующего Сената.

ПСЗ-III. Т. 16. № 12932. С. 416–425.

3. Закон 10 мая 1909 г. об установлении суда присяжных в Западной Сибири (извлечения)

31862. – Мая 10. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон (Собр. узакон. 1909 г. мая 16, отд. 1, ст. 591). – О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах губерний Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской.

I. <...> в Томской губернии, в Тобольском, Туринском, Тарском, Тюменском, Ялуторовском, Ишимском, Тюкалинском и Курганском уездах Тобольской губернии <...> ввести учреждение суда с участием присяжных заседателей.

II. Учр. суд. уст. (СЗ. Т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г. и прод. 1906 г.) дополнить нижеследующими постановлениями:

ст. 647¹. Количество земли, дающее право на внесение в общие списки присяжных заседателей, полагается <...> в двадцать десятин;

ст. 647². <...> общие списки присяжных заседателей составляются, на общем основании, особо по каждому уезду, причем обязанности, возлагаемые статьей 89 на земского участкового начальника, исполняются крестьянскими начальниками, а в Нарымском крае Томской губернии – начальником местной полиции. Комиссии по составлению очередных списков присяжных заседателей образуются, на общем основании, в каждом уезде, под председательством одного из местных участковых мировых судей, по назначению общего собрания отделений подлежащего окружного суда; в составе означенных комиссий вместо земских участковых начальников участвуют крестьянские начальники.

ПСЗ-III. Т. 29. № 31862. С. 325–329.

Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВ

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Верстка – Егорличенко Н.М.
Корректор – Калугина А.Е.

Сдано в набор 16.10.2009. Подписано в печать 30.10.2009.
Гарнитура «Таймс Нью Роман». Бумага ВХИ. Печать офсетная.
Формат 60x84/16. Объем 16,9 п.л. Заказ №4129. Тираж 500 экз.

Издательско-полиграфический центр «Экспресс»
г. Тюмень, ул. Мельникайте, 123 А, стр. 3.
Тел./факс: (3452) 41-99-30, 32-77-51.

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Экспресс»
Тел./факс (3452) 41-99-30